

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования

«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Петросян Марина Сергеевна

**НЕОЛОГИЗМЫ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА:
СЕМАНТИКО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ**

5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор

Катермина Вероника Викторовна

Краснодар – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА	12
1.1 Теория дискурса.....	12
1.1.1 Понятие дискурса в лингвистике.....	12
1.1.2 Типология дискурса.....	19
1.2 Особенности функционирования медицинского дискурса.....	23
1.2.1 Медицинский дискурс как разновидность институционального дискурса.....	23
1.2.2 Специфика медицинского дискурса.....	28
1.3 Аксиология в системе наук.....	32
1.3.1 Аксиология как лингвистическая дисциплина	32
1.3.2 Аксиологический аспект медицинского дискурса.....	40
1.4 Теоретические основы исследования неологизмов.....	42
1.4.1 История и современные тенденции развития неологии.....	42
1.4.2 Понятие «неологизм», критерии вычленения неологизмов.....	46
1.4.3 Процесс неологизации в медицинском дискурсе.....	50
Выводы к главе 1.....	54
ГЛАВА 2 НЕОЛОГИЗМЫ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ, СЕМАНТИКО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	56
2.1 Классификация неологизмов медицинского дискурса.....	56
2.2 Англоязычные неологизмы медицинского дискурса, характеризующие стресс, фобии и зависимости.....	59
2.2.1 Неологизмы, характеризующие стресс и способы борьбы с ним.....	60
2.2.2 Неологизмы, характеризующие фобические расстройства.....	73

2.2.3 Неологизмы медицинского дискурса, характеризующие зависимость от алкоголя.....	76
2.3 Англоязычные неологизмы медицинского дискурса, характеризующие физиологические, психологические, социальные аспекты старения организма.....	80
2.3.1 Неологизмы, определяющие широту понятий «геронтология» и «геронтологический дискурс».....	81
2.3.2 Неологизмы, характеризующие средний и пожилой возраст преимущественно с положительной оценкой.....	86
2.3.3 Неологизмы, характеризующие психологические и эстетические аспекты старения.....	90
2.3.4 Неологизмы, демонстрирующие связь и преемственность поколений.....	95
2.4 Выражение понятия «красота» через англоязычные неологизмы медицинского дискурса.....	103
2.4.1 Неологизмы медицинского дискурса, характеризующие психологические аспекты изменения внешности.....	104
2.4.2 Неологизмы, характеризующие процедуры по поддержанию молодости и красоты.....	115
2.5 Англоязычные неологизмы медицинского дискурса, номинирующие диеты и ассоциированные с ними вопросы здоровья.....	123
2.5.1 Неологизмы, номинирующие диеты.....	124
2.5.2 Англоязычные неологизмы, отражающие информацию по смежным вопросам медицинского и экологического дискурсов.....	134
2.5.3 Неологизмы медицинского дискурса, номинирующие психические и гастроэнтерологически проблемы, связанные с питанием.....	140
Выводы к главе 2.....	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	148
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	151

ВВЕДЕНИЕ

Для современного лингвистического научного сообщества медицинский дискурс представляет большой интерес. Социальная востребованность медицины, накопление медицинского знания, широкий доступ к нему благодаря средствам массовой информации, стремление общества к получению новых знаний определяют необходимость изучения медицинского дискурса. Современные понятия и достижения медицины широко распространяются и влияют на разные сферы человеческой деятельности.

В рамках англоязычного медицинского дискурса особое внимание привлекают неологизмы.

Неология медицинского дискурса – молодая, богатая материалом для исследования отрасль лингвистики, требующая классификации, анализа и введения неолексем в медицинскую коммуникацию. Словарь современной медицины постоянно пополняется новыми номинациями за счет роста открытий в разных ее областях. Таким образом, «неологический бум» в медицинском дискурсе – признак его бурного развития, обуславливающий необходимость номинации новых явлений.

Пласт неологизмов медицинского дискурса в данной диссертационной работе мы классифицировали по направлениям: психиатрия; геронтология; дерматология, косметология; гастроэнтерология, диетология, нутрициология. Именно в данных сферах был обнаружен наиболее активный прирост неолексик.

В данной работе проводится лингвистическое исследование неологизмов медицинского дискурса: анализируются контекстное поле и дефиниции неолексем англоязычного медицинского дискурса. Исследуется проблема отражения ценностей и антиценностей современного общества в новых языковых единицах. Здоровье (физическое, психическое) всегда было и остается универсальной ценностью.

Лексика языка – это отражение жизни его носителя. Неологизмы помогают частично раскрывать ценностную картину мира человека.

Актуальность темы обусловлена теоретическими и практическими аспектами развития лингвистики, ее полидисциплинарным и интегративным характером. В настоящее время у лингвистики возникают крепкие научные связи не только со смежными гуманитарными дисциплинами, но и с естественными науками, изучаются вопросы, ранее не относившиеся к сфере языкознания.

Бурное развитие медицины, увеличение ее диагностических и лечебных возможностей обусловили и «неологический бум» в медицинском дискурсе в самом широком понимании этого термина как номинации любых возможных новых явлений во всех областях медицины. Изучение неологизмов медицинского дискурса, семантических основ неониминаций позволяет выявить тесную связь между культурой и языком носителя, определить его ценностные ориентации. Следует указать, что аксиологическая трансформация ряда понятий, вызванная развитием психологии, социологии, также определяет трактовку ценностной картины мира носителя языка. Недостаточная изученность данной темы и постоянное расширение вокабуляра медицины определяют актуальность темы исследования.

Степень изученности проблемы. Медицинскому дискурсу посвящено немало работ. Разнообразные аспекты его изучения включают: механизмы создания медицинского текста (Н.В. Ефремова 2017); аксиологию научного медицинского дискурса в английском языке (Ж.Н. Макушева 2016); специфику медицинского дискурса на материале аутентичных текстов (Ж.Н. Макушева, М.Б. Ковалёва 2014); речевые стратегии врача в условиях коллегиальной и авторитарной модели коммуникации доктора и пациента: схождения и противоречия (С.В. Майборода 2021); трансформацию медицинского дискурса в современной европейской культуре (О.А. Шестерикова 2014). Л.В. Дубенкова и Л.М. Апухтина изучают способы образования медицинских терминов на примере английского языка (2017). И. С. Данилова и Ю. С. Данилова исследуют медицинские термины-эпонимы в английском, французском и русском языках

(2014). Работа И. В. Семенчук и А. Н. Товстыко посвящена изучению метафор в английском медицинском дискурсе (2015).

Неология, являясь перспективной отраслью языкознания, привлекает внимание отечественных и зарубежных ученых: Д. Альджео исследует активность процесса неологизации (1991); Л.Б. Гацалова (2005) – теоретические и практические проблемы неологии; В.В. Катермина (2020) изучает неологизмы в русском и англоязычном дискурсах, их систематизацию; Е.В. Сенько (2000, 2023) – активность процесса неологизации; истоки возникновения неологизмов в русском языке входят в сферу научных интересов Т.Ю. Щуклиной (2023); лексико-семантическое пространство современного английского языка рассматривается в работе В.И. Заботкиной (1989).

Л.В. Ефремова систематизирует неологизмы медицинского дискурса (2018); современными тенденциями в неологии занимается М.В. Избицкая (2020). Т.В. Попова исследует основные вопросы неологии в работе «Русская неология и неография» (2005).

Вопросам лингвистической аксиологии посвящены работы С.Ф. Анисимова (2001), Н. Д. Арутюновой (1988), А.А. Ивина (2010), В.В. Ильина (2005), Е.Ф. Серебренниковой (2011), В.И. Карасика (2023, 2024), Р. Хартмана (1976).

«Неологический бум» в медицинском дискурсе – признак бурного развития и накопления медицинского знания, его доступности широкой общественности. Нельзя не учитывать вклад в активный неогенез таких медицинских катастроф, как Ковид-19. Ученые, изучающие лексику коронавируса, – В. В. Катермина (2020, 2021), С. Х. Липириди (2021), А.С. Павлова (2020), Е.Н. Сазонова (2022).

Анализ литературы свидетельствует о том, что до настоящего времени не было исчерпывающих исследований семантико-аксиологического потенциала неологизмов медицинского дискурса, что предопределило выбор темы диссертационной работы.

Объектом исследования является комплекс неологизмов англоязычного медицинского дискурса.

Предмет исследования – семантические и аксиологические особенности неологизмов англоязычного медицинского дискурса.

Материалом исследования стали более 700 статей, опубликованных с 2015 по 2024 г. в массмедийных ресурсах (Daily Mail, The Guardian, The Telegraph, BBC News, CBS news, Grazia Daily UK, Science Focus Magazine и др.), в которых представлены примеры использования в реальных контекстах данных неониминий, что позволило нам точно оценить их коннотацию; а также статьи онлайн-словарей Cambridge Dictionary [Cambridge Dictionaries Online], Urban Dictionary [Urban Dictionary].

В качестве **гипотезы** выдвигается предположение о том, что возникновение новых знаний, явлений в жизни общества вызывает прагматическую потребность создания новых лексических единиц, обладающих аксиологическим потенциалом. Изучение неониминаций дает возможность определить ценности и антиценности в медицинской сфере, аксиологические трансформации ряда понятий, выявить способы познания и номинации носителями языка активных изменений, происходящих в медицине.

Цель данной работы – провести комплексный анализ семантико-аксиологических особенностей англоязычных неологизмов медицинского дискурса.

Данная цель обусловила следующие **задачи** исследования:

- определить сущность медицинского дискурса и его связь с другими видами дискурсов;
- изучить массмедийные и лексикографические источники, представляющие собой основной ресурс англоязычных неологизмов медицинского дискурса;
- классифицировать выделенный комплекс неологизмов англоязычного медицинского дискурса согласно их тематическому содержанию;
- раскрыть семантико-аксиологические особенности неониминаций англоязычного медицинского дискурса.

Новизна данной работы заключается в том, что впервые на материале английского языка выполнено комплексное лингвистическое исследование

неологизмов медицинского дискурса: 1) выявлена связь медицинского дискурса с другими типами дискурсов (психологическим, социальным, религиозным, спортивным, гендерным); 2) проведена подробная тематическая классификация определенного пласта новой медицинской лексики; 3) через лингвистический анализ (семантический, аксиологический) неологизмов медицинского дискурса определены некоторые ценностные ориентиры носителей языка; 4) проанализирована актуальность метафорических представлений о базовых ценностях в англоязычном медицинском дискурсе.

В работе используются **методы** теоретико-эмпирического познания: описание, обобщение, интерпретация и классификация, а также лингвистические методы: метод семантического анализа; метод дефиниционного анализа для уточнения содержания основных понятий; лингвоаксиологический анализ для извлечения и описания единиц с ценностным содержанием. Также при составлении диаграмм был применен метод количественного исследования.

Теоретическая значимость диссертационной работы состоит во вкладе в развитие семантико-аксиологических аспектов изучения медицинского дискурса. Проведенное исследование позволило выделить и классифицировать большой пласт медицинской неолексики. В диссертации рассматривается интердискурсивный характер медицинского дискурса, предпринимается попытка исследовать способы функционирования неономаций в повседневной жизни общества. Посредством лингвистического анализа определяются новые тенденции развития современного общества: уход от агрессивного антропоцентризма, стигматизации, переосмысление ценностей некоторых явлений в свете новых знаний.

Практическая значимость данной работы заключается в возможности применения результатов в сфере когнитивной лингвистики; в теории и практике перевода в рамках профессиональной (медицинской) коммуникации; в области неологии при дальнейшей классификации и систематизации медицинских неономаций; в аксиологических исследованиях для изучения неразрывной связи аксиологического познания с мировоззрением, накоплением знаний, культурой,

ценностными ориентирами человека в разные периоды исторического развития; в лексикографии при составлении словарей медицинских неологизмов.

Теоретическая и методологическая база диссертационного исследования

– научные труды отечественных и зарубежных ученых в следующих отраслях лингвистики:

– дискурс: Н. Д. Арутюнова (1989), В.Г. Борботько (1998), Т. А. Ван Дейк (2001), Р. Водак (2017), М.В. Горбунова (2012), Т.М. Грушевская (2017), В.З. Демьянков (2007), М. Йоргенсен (2002), В.И. Карасик (2022, 2023, 2024), А.А. Кибрик (2003), Е. С. Кубрякова (1995), Е.Н. Лучинская (2019), М.Л. Макаров (2003), Ю.Е. Прохоров (2009), М. Рейсигл (2017), Е.В. Сидоров (2008), Т.Г. Скребцова (2020), С. Слембрук (2002), Я. Торфинг (2005), И.В. Троцук (2016), Н. Ю. Фанян (2016), Дж. Филлипс (2002), Н. Фэркло (2003), И.П. Хутыз (2021);

– медицинский дискурс: Н.В. Ефремова (2017), М.Б. Ковалёва (2014), Ж.Н. Макушева (2014, 2016), С.И. Маджаева (2011), С.В. Майборода (2021), О.А. Шестерикова (2014);

– неология: Д. Альджео (1991), В. И. Заботкина (1989), В. В. Катермина (2019), Н.З. Котелова (1990), Е. В. Сенько (2000, 2023), Т.Ю. Щуклина (2023);

– аксиология и лингвоаксиология: С.Ф. Анисимов (2001), Н.Д. Арутюнова (1988), Л. Ю. Буянова (2023), С.Г. Воркачев (2020), А.А. Ивин (2010), В.В. Ильин (2005), В.И. Карасик (2023, 2024), В. В. Катермина (2023), Е.Н. Рядчикова (2016), Р. Хартман (1976).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Современный англоязычный медицинский дискурс активно пополняется неолексикой, что обусловлено бурным развитием медицины, наличием множества каналов ее распространения, возрастанием интереса населения к вопросам здоровья, которые вышли за пределы профессиональной сферы. Интердискурсивные англоязычные неологизмы медицинского дискурса демонстрируют связь с разными дискурсами (психологическим, религиозным,

социальным, спортивным, политическим, литературным). Вследствие этого взаимодействия современный англоязычный медицинский дискурс охватывает область междисциплинарного знания, учитывает опыт и накопленные сведения, реализующиеся в языке с помощью смежных дискурсов.

2. В соответствии со спецификой семантики отобранные нами в процессе исследования неологизмы медицинского англоязычного дискурса подразделяются на 4 семантические сферы: 1) неологизмы, номинирующие стресс, фобии, алкогольную зависимость (лексика психиатрии); 2) англоязычные неологизмы медицинского дискурса, характеризующие физиологические, психологические, социальные аспекты старения организма (лексика геронтологии); 3) неологизмы медицинского дискурса, помогающие выразить современные представления о физической красоте и называющие способы ее достижения с учетом возможностей медицины (лексика дерматологии и косметологии); 4) неологизмы, раскрывающие полную картину современных представлений о принципах питания, диетах; описывающие признаки расстройства пищевого поведения (лексика гастроэнтерологии, нутрициологии, диетологии).

3. Неологизмы современного англоязычного медицинского дискурса являются вербальным отражением некоторых современных ценностей. Они демонстрируют состояние психически и физически здорового человека; человека, живущего в гармонии с собой и окружающим миром. Активно продвигаются идеи защиты окружающей среды, заметна тенденция ухода от агрессивного антропоцентризма, стигматизации, умалчивания о проблемах со здоровьем. Сравнительный анализ аксиологической маркированности неолексик выделенных 4 групп показал, что положительная оценка превалирует в лексике геронтологии.

4. В группу антиценностей включаются болезнь, различного рода зависимости, страх, мешающие нормальной жизни и профессиональной реализации человека. Анализ аксиологической маркированности неолексик выделенных 4 групп позволяет утверждать, что отрицательная оценка превалирует

в лексике психиатрии. Подавляющее большинство неологизмов лексики психиатрии (72%) содержат отрицательную оценку.

5. В связи с развитием общества, появлением новых знаний происходит трансформация некоторых представлений о ценностях. В ряде случаев сохраняется традиционная оценочность (неологическая лексика психиатрии), однако некоторые традиционные представления подверглись пересмотру (неологическая лексика геронтологии, диетологии, нутрициологии).

6. Группа англоязычных неологизмов медицинского дискурса включает значительное число метафорически представленных единиц (36%): метафоры с цветовым компонентом (53%), прецедентными именами (24%), религиозным (13%) и соматическим компонентами (10%), что раскрывает дополнительные данные о номинируемом явлении, предмете и отношении номинатора к фактам объективной реальности, актуальным для современной ЯКМ.

Апробация результатов исследования проводилась в ходе межвузовских, всероссийских и международных научных и научно-практических конференций: научно-практическая конференция «Когнитивная лингвистика в контексте современной науки», г. Челябинск, 2023 г.; международная научная конференция «Язык – Семиотика – Культура», г. Минск, 2023; конференция «Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований», г. Краснодар, 2024, 2025 гг.; XII Международный конгресс по когнитивной лингвистике, г. Нижний Новгород, 2024 г.; I Международная научно-практическая конференция института ЛПО НИУ МИЭТ «Лингвистика, лингводидактика и переводоведение: настоящее и будущее», г. Москва, 2024 г.

Основные положения исследования отражены в текстах 9 научных статей, три из которых опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка. Общий объем диссертации составляет 169 страниц.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА

1.1 Теория дискурса

1.1.1 Понятие дискурса в лингвистике

Понятие «дискурс» широко используется в ряде научных дисциплин: лингвистике, социологии, социолингвистике, литературоведении, психолингвистике. Следовательно, семантический объем понятия будет различаться в каждой из областей науки.

Дискурс в философском словаре определяется как «непрерывный поток речи, содержащий более одного предложения: речевое общение, повествование, дискуссии, выступления» [Философский словарь, 2009: 161].

Дискурс отличается своей многоаспектностью – «включает в себя использование устной, письменной и жестовой речи, а также мультимодальных/мультимедийных форм общения и не ограничивается “нехудожественными” (например, стилистикой) или вербальными (например, жестами и визуальными) материалами» [Fee-Alexandra Naase, 2010: 7].

Активное изучение дискурса начинается со второй половины XX в. Но не следует недооценивать вклад античных мыслителей в науку о языке. «Происхождение слова *дискурс* можно проследить от культурного наследия греческой диалектической, то есть аргументативной, проходящей в виде спора двух собеседников, коммуникации, которая практиковалась ораторами. К примеру, “Диалоги Платона” Сократа представляют собой парадигму коммуникации ораторов в академической традиции» [Платонова, 2017: 14].

Принимая во внимание факт, что дискурс историчен, его развитие происходит под влиянием исторических, культурных, научных течений, характерных для определенной эпохи. В эпоху Возрождения «дискурс становится

синонимом аргументированной научной речи, направленной на изучение природы вещей и общества; этот термин интерпретируют как рассудочное, целенаправленное и предметноориентированное обсуждение научных проблем. Иными словами, дискурс предстает как план выражения научного поиска и исследовательского процесса. Дискурс трактуется в связи с правилами, принципами и нормами рассудочной научной деятельности; иначе говоря, дискурс уже в Новое время понимается как нормативное образование» [Кожемякин, 2008: 5–6].

Начало Нового времени, сопровождавшееся великими географическими открытиями, научным и техническим прогрессом, характеризуется тем, что «с дискурсом стали связывать обсуждение научных проблем в типичном для той эпохи эссеистском стиле с использованием национального (а не латинского) языка – взять хотя бы известные примеры Макиавелли, Галилея и далее Руссо. Экспериментальное мышление ученого требовало иного стиля (позже зафиксированного в форме “экспериментальных эссе” Р. Бойля), неформального, соответствующего поисковой, не заданной постулатами исследовательской ориентации» [Касавин, 2006: 6].

Говоря о возникновении и развитии понятия «дискурс» в русском языке, стоит указать, что «слово “дискурс” в русском языке появляется с конца XVIII в., о существовании термина “дискурс” в русской гуманитарной науке этого периода говорить не приходится. Мы не обнаружим этой лексемы в трудах по теории речи М. В. Ломоносова, И. С. Рижского, М. М. Сперанского, Н.Ф. Кошанского, К. П. Зеленецкого и других авторов, создававших свои произведения с опорой на античные традиции. Скорее, только понятие “речь” вошло в научный обиход. Возможное исключение, связанное с употреблением лексемы “дискурс” вместо понятия “речь”, могло существовать в латиноязычных руководствах по риторике, которые создавались в ломоносовский период. Однако этот пласт письменных памятников практически не изучен» [Горбунова, 2012: 244].

С понятием «дискурс» связаны имена европейских ученых-лингвистов Э. Бюиссенса, Э. Бенвениста, американского филолога З. Харриса, который

использовал термин «дискурс» в 1952 г. в статье «Дискурс-анализ». Автор указывает на наличие двух основных проблем: «первая состоит в том, что дескриптивная лингвистика ограничивается предложением как основной единицей, тогда как говорящий человек в действительности создаёт некоторую последовательность предложений в процессе речи. Вторая – это вопрос о взаимосвязи “культуры” и языка (т.е. неязыкового и лингвистического поведения)» [Harris, 1952: 1].

Дискурс напрямую связан с реальностью, поэтому «хронотопические характеристики современного дискурса выражаются в коммуникативном сжатии мира, в возросшем темпе жизни и репликовости коммуникации, в новой организации жилого пространства, в котором электронные средства связи становятся необходимым условием нормального существования граждан. Организационные особенности современной коммуникативной практики состоят в размывании институциональности применительно к медийному и сетевому дискурсу, а именно – распространению гибридных интердискурсивных образований и слиянию личностного и институционального общения, в размывании границ приватности и публичности и возникновении новых ритуалов, которые по своей сути носят жестовый либо клиповый характер» [Карасик, Слышкин, 2021: 28].

Таким образом, становится ясно, что дискурс есть явление не обособленное, а тесно связанное с реальной жизнью, требующее интегрированного подхода в лингвистических исследованиях.

Ранее указывалось, что из-за многоаспектности понятия «дискурс», не существует унифицированного определения. «Дискурс – это единственный заведомо реальный лингвистический объект. Люди разговаривают между собой дискурсами, а не предложениями и тем более не морфемами или фонемами. Это отличает дискурс от других языковых единиц, которые представляют собой научные конструкты, плоды того или иного анализа, а раз так, то и трудно достичь согласия относительно их состава и природы. Поэтому естественное построение лингвистики как науки и следовало бы начинать с исследования дискурса, а лишь

с учетом этого уровня исследовать более мелкие единицы, полученные в результате аналитических процедур» [Кибрик, 2009: 3].

«Категория “дискурс”, одна из основных в коммуникативной лингвистике и современных социальных науках, как и всякое широко употребляющееся понятие, допускает не только варианты произношения (с ударением на первом или втором слоге), но и множество научных интерпретаций, и поэтому требует уточнений, особенно в отношении к смежным терминам “текст”, “речь” и “диалог”. Само определение такой категории, как дискурс, уже предполагает некоторую идеологическую ориентацию, собственную точку зрения на изучение языка и языкового общения» [Макаров, 2003: 56].

Исследованию дискурса посвящено множество работ, «авторы которых трактуют это явление в столь различных научных системах, что само понятие “дискурс” стало шире понятия “язык”» [Карасик, 2002: 189].

На начальном этапе дискурсивных исследований много усилий было направлено на определение границ между понятиями «дискурс», «текст» и «речь». «Ведь с формальной точки зрения все они (“дискурс”, “текст” и “речь”) соответствуют тому, что американский постструктуралист З. Харрис называл “языком выше уровня предложения” (англ. “language above the sentence”))» [Скребцова, 2020: 11].

В.З. Демьянков в своей работе «Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка» пишет: «*Текст* – не простой материальный объект, а интерпретируемый вербальный объект, за которым можно увидеть протекание дискурса. Эти разграничения сказываются на употреблении указанных слов в обыденной речи. Так, оратор может забыть дома текст, но не дискурс своего выступления на конференции, а актер – текст, но не дискурс пьесы – то есть, забыть рукопись. В то же время, актер, забывающий текст (но не дискурс) своей роли, и автор, уступающий права на текст (но не на дискурс) романа, имеют в виду вербальную компоненту, формулировки в тексте – предложение за предложением, структура за структурой. Прототипический текст – предмет, а прототипический дискурс – процесс, как этого и требует их этимология. Поэтому *текст* остался

словом обыденного языка, а *дискурс* стал и остается специальным термином наук о человеческой духовности» [Демьянков, 2007: 95].

В литературе представлены разные точки зрения на соотношение указанных понятий. «Вопрос о соотношении текста и дискурса, несмотря на его достаточную разработанность в науке, остается одним из важных. Если на первоначальной стадии вхождения термина “дискурс” его часто идентифицировали с текстом (Р. Барт, И. Беллерт, А. Ж. Греймас, Ж. Курте), то в конце 70-начале 80 гг. XX века наметилась тенденция к постепенной дифференциации этих понятий. Дискурс стали воспринимать как процесс текстопостроения, а текст – как часть дискурса (В. А. Андреева, В.З. Демьянков, Е. В. Ерофеева, А. Н. Кудлаева, Е. С. Кубрякова, В. А. Миловидов, В. Е. Чернявская). Такую позицию поддерживают не все исследователи, понимая под текстом, вслед за Н. Д. Арутюновой, абстрактную конструкцию, которая актуализируется в дискурсе, а под дискурсом – “интегративную совокупность текстов”» [Селезнева, 2014, 67].

Р. Водак и М. Рейсигл делают акцент на следующем: «мы различаем “дискурс” и “текст” – “тексты” являются частями дискурсов. Они делают речевые акты устойчивыми во времени и таким образом соединяют две развёрнутые речевые ситуации: ситуацию речевого производства и ситуацию рецепции. Иными словами, тексты – визуализированные и письменные или устные – объективируют лингвистические действия» [Reisigl, Wodak, 2017: 90–91].

Н. Д. Арутюнова дает такое определение дискурса: «Дискурс (от франц. discours – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в понятийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”. Поэтому термин “дискурс”, в отличие от термина “текст”, не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [Арутюнова, 1990: 136–137].

А.А. Кибрик и В.А. Плунгян рассматривают дискурс как «более широкое понятие, чем текст. Дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат (= текст)» [Кибрик, Плунгян, 1997: 307].

Дискурс является центральным моментом человеческой жизни «в языке», того, что Б.М. Гаспаров (1996) называет языковым существованием: «Всякий акт употребления языка – будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в диалоге – представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта. В этом своем качестве он вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан: коммуникативные намерения автора; взаимоотношения автора и адресатов; всевозможные “обстоятельства”, значимые и случайные; общие идеологические черты и стилистический климат эпохи в целом и той конкретной среды и конкретных личностей, которым сообщение прямо или косвенно адресовано, в частности; жанровые и стилевые черты как самого сообщения, так и той коммуникативной ситуации, в которую оно включается; множество ассоциаций с предыдущим опытом, так или иначе попавших в орбиту данного языкового действия: ассоциаций явных и смутных, близких или отдаленных, прозрачно очевидных и эзотерических, понятийных и образных, относящихся ко всему сообщению как целому или отдельным его деталям» [Гаспаров, 1996: 9].

Развивая тему дискурса, стоит упомянуть о дискурс-анализе и ученых, исследовавших данную область.

Вновь отметим, что нет общепризнанного определения для понятия «дискурс»: «дискурс анализ – это не просто один подход, а серия междисциплинарных подходов, которые можно использовать для изучения множества различных социальных сфер. И нет четкого консенсуса относительно того, что такое дискурсы и как их анализировать» [Jørgensen, Phillips, 2002: 4].

И.В. Троцук выделяет «три “традиционные” версии дискурс-анализа (традиционные в том смысле, что их можно считать отправной точкой последующих траекторий развития дискурс-анализа): концепция М. Фуко, где дискурс наиболее “социологичен” – как идеологически обусловленный

стиль/способ “говорения”; концепция Т.А. ван Дейка, где дискурс наиболее “лингвистичен” – как структурирующий принцип любого коммуникативного взаимодействия; концепция Р. Барта, где дискурс наиболее “семиологичен”, выступая в качестве своеобразного синонима мифа. Объединяет эти три версии то, что они исходят из ситуативного социального конструирования реальности посредством разнообразных дискурсов (не семантических систем, а практик описания мира), что, с определенными ограничениями, позволяет использовать все три версии в качественных социологических исследованиях» [Троцук, 2021: 3–4].

«Наиболее важные характеристики дискурса могут быть определены как:

1) целостность (структурированность и обособленность);

2) законченность или завершенность;

3) композиционная оформленность;

4) принадлежность к определенному регистру и жанру;

5) экстралингвистический аспект (или направленность на реализацию определенной коммуникативной цели, соотнесенность с участниками коммуникации и контекстом коммуникационной среды)» [Горбунов, 2013:22].

Дискурс – понятие многоаспектное и полисемантическое. Свое представление о дискурсе есть в антропологии, философии, социологии, лингвистике.

Мы понимаем дискурс как речевую деятельность, коммуникативное явление в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими факторами. Разделяем мнение, что «нет никакой заданной *a priori* сущности явлений, но дискурс приписывает тот или иной смысл и задает условную систему координат для понимания явления» [Ромашко, Гурова, 2022: 48].

Следовательно, дискурс стоит рассматривать в совокупности с историческими, социокультурными, политическими, экономическими явлениями той или иной эпохи. Интегративный подход к изучению дискурса позволяет ученым увидеть или воссоздать полную картину мира носителя языка.

1.1.2 Типология дискурса

Для всестороннего изучения любого явления необходима типология. Сложности ее разработки очевидны, учитывая множество научных направлений, где термин «дискурс» используется. Отметим, что все исследователи дискурса предлагают свои варианты классификации, но не существует унифицированной и общепризнанной. Ключевыми факторами распределения дискурсов являются: каналы общения, участники коммуникации, их цели, сфера общения и др. «Примерная унифицированная классификация, по принципу которой можно рассмотреть каждый из основных (тематически-содержательных) типов дискурса, дополняя, развивая ее сообразно специфике конкретных типов:

1. По тематике (частным темам).
2. По жанровому критерию:
 - а) по иллокутивной характеристике: информативные, этикетные, императивные, оценочные жанры;
 - б) по форме передачи информации: письменные, устные жанры;
 - в) по внешней форме: монологические, диалогические жанры;
 - г) по месту в полевой структуре: прототипные, маргинальные жанры;
 - д) по способу выражения: вербальные, паралингвистически осложненные жанры.
3. По характеру субъекта: институциональный дискурс и индивидуальный (личностный дискурс).
4. По временному плану.
5. По национально-культурному параметру: русский (российский) дискурс, американский дискурс и т. д.» [Карамова, 2017: 365–366].

Учитывая, что дискурс – предмет изучения многих дисциплин (лингвистики, социологии, психологии, философии, антропологии и др.), следует рассмотреть варианты классификаций с позиции каждого из этих направлений науки.

«С точки зрения социолингвистики выделяются два основных типа дискурса: персональный (лично ориентированный) и институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института» [Лукьянова, 2016: 150].

Согласно Т.П. Поповой, институциональный дискурс «являет собой конвенциональное, культурно обусловленное, нормативное речевое взаимодействие людей, возлагающих на себя определенные социально-значимые роли в пределах какого-либо социального образования, специально созданного для удовлетворения определенных потребностей общества» [Попова, 2015: 296].

О.Р. Галиуллина отмечает, что «внеинституциональная коммуникация отличается своей негомогенной дискурсивной структурой, и если в институциональном дискурсе условия общения, тип субъекта и ролевые позиции коммуникантов определяются конкретным социальным институтом, то персональный дискурс регулируется обыденной деятельностью человека, основанной на принципах рутинности и повторения» [Галиуллина, 2022: 150].

Персональный или личностный дискурс имеет две разновидности: бытовой (обиходный) и бытийный. Бытовой дискурс характеризуется спонтанностью, ситуативной зависимостью, коммуниканты легко переходят из одной темы на другую, допускается использование жаргонной лексики.

Бытийный дискурс противоположен бытовому «в нем говорящий пытается раскрыть богатство своего внутреннего мира. Рассматриваемому типу персонального дискурса свойственны развернутость, смысловая насыщенность, использование всех форм языка» [Дейна, 2015: 764]. Особенностью бытийного дискурса является то, что он монологичен и встречается преимущественно в произведениях художественной литературы, в трудах философской и психологической направленности.

Сравнивая персональный (лично ориентированный) и институциональный типы дискурса, понимаем, что, «если в дискурсах институциональных ведущим регулирующим началом является интенция,

сформированная и закрепленная на государственном уровне в рамках определенного социального института, то дискурсы личностно ориентированные регулируются внутренними законами межличностного общения, отработанными в данном национально-культурном сообществе и освоенными индивидами индуктивным способом» [Тубалова, 2014: 39].

В лингвистике основными типами дискурсов являются устный и письменный. «Устный дискурс межличностной коммуникации охватывает все наше повседневное бытие и отражает человеческие взаимоотношения, мир чувств, коммуникативное поведение, помыслы и устремления членов социума. Письменный дискурс художественной коммуникации несет печать научной мысли, но является своеобразной формой того же межличностного общения, потому что мир автора и отражающий этот мир текст говорят от имени отправителя сообщения, выступают в роли собеседника» [Болдонова, 2009: 120].

Изучение устной и письменной форм дискурса началось с конца XIX в.

Самым общим является деление дискурса на виды по форме взаимодействия: монологического и диалогического. При попытках разграничения данных видов взаимодействия возникают трудности. «Прежде всего, это связано с определением объема каждого из видов дискурса. В то время как обмен небольшими репликами между адресантом и адресатом в рамках контактной интеракции позволяет достаточно легко определить такое взаимодействие как диалогическое, а длинная цепь последовательно связанных и объединенных общей темой высказываний одного из коммуникантов может рассматриваться как монолог, в случаях более сложно организованных коммуникативных событий, таких, например, как обмен мнениями или дебаты, разграничение диалогического и монологического дискурса может вызвать затруднения» [Цурикова, 2001: 130].

На данном этапе развития науки о дискурсе есть основания к монологическому и диалогическому добавить полилогическое взаимодействие. Полилог – общение нескольких коммуникантов.

В. И. Карасик выделяет следующие виды дискурса: «дискурс представляет собой многомерное образование, и его типологизация возможна на основании

любого признака. Обычно выделяют типы дискурса на основании социального признака (политический, религиозный, массово-информационный, научный, педагогический, медицинский, рекламный дискурс), на основании коммуникативной тональности (юмористический, ритуальный, эзотерический, фасцинирующий, идеологический дискурс), на основании канала общения (компьютерный, телефонный, эпистолярный дискурс), на основании коммуникативной тематики (экономический, экологический, моральный, сказочный, гастрономический дискурс), на основании способов воздействия и информирования (аргументативный, повествовательный, описательный, инструктивный, манипулятивный дискурс). Если обобщить способы осмысления мира в процессе общения как особое – когнитивное – измерение дискурса, то можно выделить философский, утилитарный, герменевтический дискурс» [Карасик, 2009: 32].

Таким образом, очевидно, что в научном мире не существует единого мнения относительно типологии дискурса. Н. Фэркло – почетный профессор лингвистики на факультете лингвистики и английского языка в Ланкастерском университете, один из основателей критического анализа дискурса пишет: «Разные дискурсы – это разные взгляды на мир, и они связаны с разными отношениями людей к миру, что, в свою очередь, зависит от их положения в мире, их социальной и личной идентичности» [Fairclough, 2023:124]. Ученый также отмечает, что дискурсы подобно людям могут дополнять друг друга, конкурировать.

При изучении типологии дискурса нами были сделаны выводы о том, что ни один тип дискурса не является ригидным и не обладает четко выраженными характеристиками и границами. Критерии, которые можно взять за основу классификации, крайне разнообразны, соответственно, она (классификация) характеризуется многообразием и лабильностью.

Дискурс всегда историчен, его невозможно рассматривать в отрыве от коммуникативных событий, происходящих в тот или иной период. Системные изменения конца XX – начала XXI в. во всех сферах жизни общества приводят к

появлению все новых видов дискурса, что также значительно затрудняет попытки систематизации.

1.2 Особенности функционирования медицинского дискурса

1.2.1 Медицинский дискурс как разновидность институционального дискурса

Медицинский дискурс является предметом изучения различных дисциплин: «лингвистики в широком ее понимании и когнитивной лингвистики, социологии, деонтологии, этики, психологии» [Барсукова, 2007: 7].

Медицинский дискурс – один из типов институционального дискурса, где точно прописаны статусно-ролевые характеристики участников. «Ядром институционального дискурса является общение базовой пары статусно неравных участников коммуникации – учителя и ученика, священника и прихожанина, следователя и подследственного, врача и пациента. Наряду с этим типом общения можно выделить также общение “равностатусных” субъектов – врачей, а также пациентов между собой» [Шуравина, 2013: 66].

Для характеристики медицинского дискурса как одного из типов институционального дискурса «используют следующую схему: 1) участники, 2) хронотоп, 3) цели, 4) ценности (в том числе ключевой концепт), 5) стратегии, 6) материал (тематика), 7) разновидности и жанры, 8) прецедентные (культурогенные) тексты, 9) дискурсивные формулы» [Гончаренко, 2007: 4].

Далее при характеристике медицинского дискурса мы опираемся на некоторые пункты данной схемы.

Изучая вопрос «равностатусности» и «неравностатусности» участников, понимаем, что «продуктом “равностатусной” дискурсивной деятельности в области медицины являются собственно научные тексты, которые содержат новое научное знание, отражают в языке особенности научного познания и мышления, включают данные, полученные в результате проведения научных исследований,

наблюдений за больными в ходе врачебной практики и т. д. Такие тексты отличаются краткостью, сжатостью, логичностью изложения, однозначностью выражения мысли, убедительностью аргументации, лаконичностью формы в направленности на адресата-специалиста, точностью представления нового научного знания, отсутствием лексической, структурной и информационной избыточности, что определяется требованием самой науки и достигается насыщенностью терминологии, наличием большого количества прецедентных имён и текстов, особенностями жанра» [Ефремова, 2017: 25].

Коммуникативные навыки, компетентность в общении представляют собой профессионально значимые характеристики любого врача. Способность доктора внимательно выслушивать, направлять, убеждать пациента влияет на эффективность лечения.

Согласно М. Желязовска-Собчик, «врач и пациент являются главными участниками процесса лечения заболевания, поэтому соответствующий результат их общения оказывает большое влияние на эффективность самой терапии» [Желязовска-Собчик, 2019: 35].

«Неравностатусность» выражается в неэквивалентности познаний, навыков в сфере медицины адресата и адресанта – врача и пациента, родственников пациента и др. «Неравенство участников такого дискурса состоит в том, что (а) врач обладает специальными знаниями, а пациент нет; (б) врачи отличаются своим стремлением устанавливать различные барьеры, поскольку не всегда пациент может и должен знать информацию о своем заболевании; (в) задача врача – не только вылечить пациента, но и сообщить о том, как и какими методами заболевание можно лечить наиболее эффективно» [Ефремова, 2017: 27].

Считается, что «врач – лингвоактивная профессия» [Сенько, 1994: 32]. С древних времен утверждали, что правильно подобранные слова могут положительно сказаться на состоянии пациента: придать силы для борьбы с недугом, способствовать успешному восстановлению и др., следовательно, «от стиля беседы врача и больного зависит та психологическая совместимость, которая

во многом определяет конечную цель – облегчение состояния пациента» [Щерба, 1974: 53].

«Очевидно, что основополагающим для составления картины заболевания и достижения терапевтической цели выступает медицинский дискурс, то есть живое непосредственное речевое взаимодействие врача и пациента. Следует отметить, что данный принцип медицинской науки наших дней явился результатом длительного процесса формирования современной научной парадигмы» [Формановская, 1998: 93].

Наличие многочисленных каналов передачи информации способствует успешному распространению медицинского знания, в результате чего современные люди, не имеющие профессионального медицинского образования, в достаточной мере владеют и оперируют медицинскими терминами. Также считается, что «необходимость популяризации медицинских знаний обусловлена сменой базовых концепций медицины и, соответственно, изменением модели взаимодействия врача и пациента. В рамках пациентоцентрической концепции медицины актуальным становится поиск путей повышения уровня их взаимопонимания и сотрудничества, а это, в свою очередь, неизменно влечет за собой повышенный интерес к изучению медицинской терминологии» [Маджаева, 2011: 92].

В арсенале врача не только вербальные средства установления контакта: «речь, жесты, поза и другие совместно совершенные действия придают смысл медицинскому дискурсу. Работа медицинской команды координируется разговорами и жестами» [James M. Wilce, 2009: 199].

Продолжая тему статусно-ролевых характеристик участников медицинского дискурса, логично отметить, что «медицинский дискурс рассматривается через следующие оппозиции: научная картина мира vs наивная картина мира; речь профессионала vs речь маргинала; профессиональная (элитарная) языковая личность vs непрофессиональная языковая личность. В связи с этим особое внимание уделяется изучению факторов, определяющих использование профессиональной медицинской лексики в медицинском дискурсе: это может быть

акцентирование объективности специальной информации при помощи терминов или, напротив, смягчение асимметрии, стремление к коммуникации, ориентированной на носителя обыденного знания, путём использования в речи вариантов терминов, метафор, сравнений для достижения высокого уровня взаимопонимания (Маджаева 2008; Reisfield, Wilson 2004)» [Цит. по Майборода, 2017: 66].

В современном мире наблюдается «тенденция, направленная на поиск способов повышения уровня взаимопонимания и сотрудничества, как между представителями профессионального медицинского сообщества, так и между специалистом-медиком и пациентом, что отражается в аутентичных текстах научных и научно-популярных иноязычных медицинских журналов» [Макушева, Ковалёва, 2014: 108].

Продвижение в обоих направлениях (успешная коммуникация между коллегами и пациентами) отразится на результатах профессиональной деятельности медицинского персонала и, как следствие, на результате лечения. Таким образом, будет достигнута основная цель медицины: сохранение и восстановление здоровья. Здоровье – одна из высших ценностей для человека.

«Хронотопом, следующим системообразующим компонентом научного медицинского дискурса, представляются лаборатории и кафедры, стационарные и амбулаторные отделения учреждений здравоохранения, являющиеся базой теоретических и эмпирических разработок» [Хохлова, Рифтина, 2016: 163].

Описывая стратегии медицинского дискурса, согласимся с мнением, что «существуют точки бифуркации дискурса, в которых происходит выбор одного из нескольких вариантов речевого поведения (стратегий или тактик), что ведёт к качественному изменению дискурса по авторитарному или коллегиальному типу. Причины и условия, создающие возможность бифуркаций, прогнозируемы и поддаются анализу» [Майборода, 2021: 7].

Стратегии при этом предопределяются целями, «специфичными для научного медицинского дискурса, включая: 1) определение проблемной ситуации; 2) выделение предмета и объекта изучения; 3) формулировку гипотезы и цели;

4) обоснование выбора методов и материала исследования; 5) построение теоретической модели предмета изучения; 6) изложение результатов наблюдений и их обсуждение; 8) определение области практического применения полученных данных; 9) изложение результатов в форме, приемлемой для специалистов и неспециалистов» [Хохлова, Рифтина, 2016: 164].

Жанровая палитра медицинского дискурса весьма разнообразна. Примерами различных жанров могут быть: жалобы, постановка диагноза, рекомендация, отказ от лечения, благодарность, убеждение и др. Также в корпус медицинского дискурса можем включить жанры, связанные с профессиональной деятельностью (операция, осмотр и др.), профессиональные тексты (научная статья, монография и др.).

«В научном медицинском дискурсе можно выделить следующие речевые жанры: научная статья, монография, обзор, доклад, лекция. Целью научного медицинского дискурса является оказание профессиональной медицинской помощи пациенту. К научно-популярному медицинскому дискурсу относятся медицинские буклеты, статьи, интервью с практикующими врачами в научно-популярных журналах по медицине, рассчитанные на широкую читательскую аудиторию. Основная цель научно-популярного медицинского дискурса – информирование, консультирование пациента – потребителя медицинских услуг» [Макушева, Ковалёва, 2014: 108].

В процессе изучения характеристики медицинского дискурса становится очевидным его (медицинского дискурса) многомерность, требующая многополярного исследования. Следует указать, что в ходе своего развития медицинский дискурс претерпевал трансформации, которые напрямую зависели от изменения статуса человека в культуре. Сегодня происходит интенсивное расширение зон влияния медицины (решение эстетических, экологических, этических и других вопросов), увеличение ее значимости. Это приводит к размыванию границ медицинского дискурса, к все большему его сближению с философским, психологическим, экологическим, экономическим, политическим дискурсами, тем самым определяя специфику функционирования.

1.2.2 Специфика медицинского дискурса

Основная цель медицинского дискурса – оказать помощь больному, он «представляет собой сугубо специализированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в строгом соответствии с законами и общепринятыми нормами данного институционального дискурса» [Кочеткова, Барсукова, Ремпель, Рамазанова, 2018: 467].

С давних времен медицина руководствуется едиными принципами: «все действия врача должны быть направлены только на благо больного, а не во вред (если врач может предвидеть его заранее); следует избегать действий, способных причинить страдания больному и его родственникам; действия, предпринимаемые врачом, не должны наносить ущерб другим людям, в том числе и больным; решения врача основываются на положениях современной науки; врач не имеет права смотреть на больного как на источник обогащения; врач обязан хранить в тайне сведения, касающиеся здоровья пациента и обстоятельств его жизни, которые стали известны в ходе лечения» [Гайдаров, Алексеевская, 2016:18].

Данный тип институционального дискурса имеет особенности, например, «полидискурсивность, так как он рожден на пересечении научного, академического, юридического, рекламного, коммерческого, медиадискурса в области медицины, фармацевтического, косметологического и собственно врачебного дискурса, который является ведущим дискурсом в этой симфонии дискурсов» [Косицкая, М. В. Матюхина, 2018: 43].

Особенности медицинского дискурса обусловлены спецификой деятельности медицинского персонала (старший, средний, младший медицинский персонал) и особенностями адресата (пациента), на которого направлена данная деятельность. Из истории медицины известно, что одновременно с ее появлением возникли и правила, регулирующие деятельность людей, владеющих медицинскими знаниями. «Специфика медицинского дискурса обусловлена наличием особой профессиональной медицинской этики, следование которой составляет основу врачевания и профессиональные пресуппозиции врача (т. е.

подразумеваемые знания участников общения о мире, нормах поведения и т.д.)» [Keenan, 1971: 46].

«Медицинский дискурс – это сфера профессионально-коммуникативного взаимодействия медицинских работников, поэтому он обладает такими признаками, как деонтологическая ориентированность, толерантность, персуазивность (от англ. persuade – убедить, склонить, уговорить)» [Макушева, Ковалёва, 2014: 108].

Под понятием «персуазивность» подразумевается целенаправленный выбор речевых приемов, способствующих убеждению. «Персуазивными выступают языковые средства, реализующиеся в качестве выразительных средств: тропы, фигуры речи, а также средства диалогизации: формы обращения к адресату с помощью личных местоимений, вопросительные конструкции, императивы, инфинитивы» [Хутыз, Колчевская, 2018: 392].

Умение врача грамотно предоставить информацию, убедить пациента в необходимости выполнять рекомендации, следовать плану лечения говорит о его профессионализме. Некоторые ученые считают, что «в персуазивной риторике есть опасность перейти к манипулированию, то есть к попытке изменить позицию пациента при помощи скрытой тактики в интересах врача» [Успенский, Шевякова, Шевяков, Бершева, 2021: 20].

Таким образом, изучая специфику медицинского дискурса, мы вслед за Н.В. Гончаренко отмечаем его суггестивную функцию. «Суггестивность реализуется в вербальном и невербальном общении. Характеристики невербального поведения являются составляющими “профессионального имиджа” врача. К ним относим уверенное поведение врача (открытые позы, жесты, мимические реакции, межличностная дистанция, длительный спокойный взгляд, внимательное слушание ответов). Такой стиль поведения помогает сформировать у больного “терапевтическую иллюзию” абсолютной компетентности врача, его способность контролировать ситуацию внушает пациенту надежду на благополучный исход событий. Вербально суггестивность медицинского дискурса выражается в установках, формулируемых врачом посредством прямого речевого

внушения в виде “директив”, принимающих формы врачебной команды, совета, рекомендации, инструкции, запрета, а также косвенного внушения в виде внушающего одобрения (комплимент, похвала) или внушающего осуждения» [Гончаренко, 2007: 7].

В медицине профессиональная этика – «это совокупность моральных норм, которые определяют отношение врача к своему профессиональному врачебному долгу» [Гайдаров, Алексеевская, 2016:11].

Специфика работы врача требует от него поведения, способствующего восстановлению здоровья и сохранению жизни больного. Для ответственной работы, требующей знаний, способности принимать серьезные решения, иногда сил, чтобы принять безнадежность ситуации, необходимы определенные моральные качества. «Нормы морали – это правила поведения, которые устанавливаются в обществе применительно к медицине в соответствии с представлениями людей о добре и зле, справедливости и несправедливости. Нормы морали обеспечиваются и охраняются внутренним убеждением человека и силой общественного мнения. Нормы морали долгое время были основным, а часто и единственным регулятором взаимоотношений врачей и их пациентов, а также определяющим мотивом в профессиональной деятельности медиков. Именно на этом основании и сегодня еще встречаются точки зрения о преобладающей роли моральных ценностей в оценке профессиональных поступков медиков» [Кочеткова, Барсукова, Ремпель, Рамазанова, 2018: 467].

В качестве примеров, характеризующих данную группу качеств, можно привести также умение быть толерантным и дружелюбным к коллегам, не критиковать их, не давать оценку их действиям в присутствии больных, быть открытым и делиться медицинскими знаниями.

В отличие от любого другого вида институционального дискурса, который предполагает нормативное коммуникативное взаимодействие в рамках установленных границ, в медицинском дискурсе всегда виден скрытый за правилами, сводами и законами институционального дискурса врач-человек, способный понимать чужую боль, отдавать часть своей души: «должны же люди

знать, что, спасая тяжелого больного, врач отдает не только труд, за который он получает зарплату, он отдает кусочек своей души. Должен отдавать, если он настоящий и у него еще есть милосердие» [Амосов, 1969: 152].

Лингвотерапевтическая направленность медицинского дискурса – это еще одна особенность медицинского дискурса. «Гиппократ советовал больным выбирать из докторов, врачующих травами, ножом и словом, последнего, потому что важным для врача является его умение заслужить доверие пациента» [Гончаренко, 2007: 29].

«Способность эффективно и результативно общаться является основой успеха во многих предприятиях, и учреждения здравоохранения не являются исключением»¹ [Ennis, 2004:5].

Лингвистические исследования медицинского дискурса доказывают, что «коммуникативные навыки врача напрямую влияют на течение болезни и результат лечения. Допущенное некорректное речевое поведение врача, его словесная бестактность или беспомощность, небрежное отношение к слову, смысловые или этические ошибки могут негативно повлиять на процесс выздоровления. Речь врача не должна быть перегружена сугубо медицинскими терминами и профессиональными словами. Речь врача всегда должна быть четкой, ясной, доступной для понимания, уместной в той или иной ситуации» [Кочеткова, Барсукова, Ремпель, Рамазанова, 2018: 467].

Согласно Л.С. Бейлинсон, «основными функциями институционального дискурса являются следующие: 1) перформативная, состоящая в выполнении действий, определяющих суть того или иного института (борьба за власть, установление истины, соблюдение закона и т д), 2) нормативная, состоящая в установлении и сохранении норм и правил поведения между институтом и обществом, между агентами и клиентами и между агентами внутри института, 3) презентационная, состоящая в создании имиджа института и его агентов, 4) парольная, состоящая в установлении границы между агентами и клиентами»

¹ Здесь и далее перевод М.С. Петросян.

[Бейлинсон, 2009: 9]. Так как медицинский дискурс есть институциональный дискурс, то данные функции характерны и для него.

Крылатая фраза «светя другим, стораю сам» является девизом медицины. Она косвенно указывает на особенности медицинского дискурса. На наш взгляд, специфика медицинского дискурса заключается в его «одушевленности», «гуманности», «эмпатии». Несмотря на четко прописанные роли и установленные границы, как и во всех других типах институционального дискурса, следует отметить, что иногда границы его (медицинского дискурса) становятся лабильными и смещаются. Результат таких «смещений» будет зависеть от профессиональных и психологических особенностей коммуникантов, уровня их образованности и воспитания, особенно если это касается персуазивности медицинского дискурса и реализации его суггестивной функции.

Также следует подчеркнуть, что в данном дискурсе слово становится метафорическим оружием, способным защитить, воодушевить или уничтожить, навредить.

1.3 Аксиология в системе наук

1.3.1 Аксиология как лингвистическая дисциплина

Аксиология – это учение о ценностях. «Появление термина “аксиология” представляет собой попытку критически изучить широкое разнообразие уже существующих понятий: доброта, правильное поведение, обязательства. Другими словами, аксиология занимается вопросами, связанными с тем, что ценится и считается “желательным” или “хорошим” для людей и общества» [Biedenbach, Jacobsson, 2016: 140].

М.С. Каган полагает, что, как философская наука, аксиология сформировалась только в конце XX в. «Разумеется, суждения о различных видах ценности – о благе, добре, красоте, святости и т. п. мы встречаем и у классиков античной философии, и у теологов Средневековья, и у ренессансных мыслителей,

и у философов Нового времени, однако обобщающего представления о ценности как таковой и соответственно о закономерности ее проявления в различных конкретных формах в философии не было до середины прошлого столетия» [Каган, 1997: 9].

Не все ученые считают XX столетие временем рождения аксиологии как науки. «Аксиология начала складываться еще в античной философии. Можно без особого преувеличения сказать, что аксиология, в сущности, столь же стара, как и сама философия» [Ивин, 2010: 66].

Подтверждает и поддерживает А.А. Ивина в данном вопросе В.В. Ильин, который отмечает, что «хотя соответствующий термин (от греч. – ценность), номинирующий философскую доктрину ценностей, введен П. Лапи лишь в 1902 г. (он заменил им используемый И. Крейбиггом термин тимология – от греч. – цена), принципиальное понимание непреходящего статуса ценностей в философских тематизациях действительности существовало исстари» [Ильин, 2005: 6].

С глубокой древности люди искали ответы на вопросы о ценностях, об их сути, давали оценку предметам и явлениям действительности. Первобытное сознание было больше аксиологическим, чем когнитивным. Все ценностные представления сводились к тому, что поможет выжить и что нежелательно, опасно для жизни. Так начинали формироваться первые обобщенные оценки: хорошо, плохо, вредно, полезно и т.д. С развитием познания изменялись представления о ценностях и оценках.

Советский и российский философ, специалист в области этики и аксиологии, социальной философии С. Ф. Анисимов пишет: «как общая философская теория ценностей (значений), аксиология является определенным обобщением мыслительного материала группы философских гуманитарных наук и теорий. Она выступает как бы в качестве метатеории по отношению к этике, эстетике, логике, философии права и др. Категории аксиологии в сущности – родовые понятия по отношению к понятиям этих наук. Знание, добро, красота, святость, справедливость, правомерность, правильность могут быть подведены под общее родовое понятие “ценность” (равнозначно – “блага”). Напротив, их антиподы –

невежество, зло, безобразие, грех, несправедливость, беззаконие, неправильность и пр. – подходят под общее понятие “антиценность”, то есть положительного или отрицательного значения чего-либо для людей. Аксиология – абстрактная общая философская теория о значениях, ценностях и антиценностях и о суждениях о значениях – оценках» [Анисимов, 2001: 9].

Ценностное восприятие окружающей действительности зависит от исторических, научных, культурных парадигм. Логично, что изучать понятия «ценность» и «антиценность» следует в синхронии и диахронии.

Так, «общий вектор формирования теории оценки в период Средневековья определяется влиянием религиозно-теологической этики на развитие философских учений в целом, где понятие добра становится неразрывно связанным с понятием благодати и добродетели, т. е. любви к Богу. Таким образом, для данного периода развития аксиологических теорий характерно описание человеческой деятельности в общечеловеческих понятиях, что на многие века закрепило подход к пониманию шкалы ценности с позиции двух наиболее важных в общечеловеческом плане религиозно-этических категорий – “добра и зла”» [Скворцова, 2016: 276].

Земная жизнь человека обесценивается и отвергается, соответственно, обесцениваются все блага, которые могли бы принести радость и удовольствие.

Представления о правильной с точки зрения Средневековья, аскетичной, праведной, богоугодной жизни сменяются более «гуманными» представлениями о земной жизни Нового времени. «В этот период происходит возврат к трактовке оценки как категории, в которой индивид и его взаимодействие с реальным миром выходит на первое место. Определяющим фактором становится не только и не столько божественное начало, но Человек как отдельный субъект с такими его качествами, как воля, чувства, желания» [Скворцова, 2016: 276].

В контексте силы веры, роли церкви в жизни человека, стоит отметить работу Д. Локка (1632–1704) «Послание о веротерпимости». В этой работе Дж. Локк пишет о праве выбора человека, о праве простого человека быть свободным. Очевидно, что в то время у людей менялась ценностная картина мира.

Таким образом, на смену теологической аксиологии Средневековья, где высшие, божественные ценности имели приоритет над обыденными, пришло Новое время и эпоха Просвещения, которые принесли с собой новые ценности. Это «прогресс, разум, наука, практическая польза, свобода воли» [Фёдоров, Благова, 2016: 129].

Развитие теории аксиологии тесно связано с немецкой классической философской традицией. «В немецкой философии Шелер и Гартман считаются основателями и главными разработчиками аксиологии, или теории ценностей» [Анисимов, 2001: 80].

Считается, что «ценностную структуру всякого общества можно схематично представить в виде некоей усеченной многослойной пирамиды, составляющими которой являются общечеловеческие ценности, ценности цивилизаций, ценности конкретных обществ и сообществ, ценности различных социальных страт, групп, и, наконец, ценностные ориентации отдельных индивидов. Каждый последующий слой такой иерархической структуры во многом определяется предыдущими слоями, выступающими для них определенным фундаментом формирования ценностей» [Беликова, 2023: 199].

Существуют частные теории, которые включают в себя аксиологические идеи и данные специальных наук: «танатология – учение о жизни, смерти и бессмертии, о смысле жизни человека в условиях самоочевидной физической смертности и предполагаемого духовного бессмертия. Это сложная комплексная проблема, включающая множество острых коллизий, связанных, например, с самоубийством, эвтаназией, трансплантацией органов, абортацией, клонированием, генной инженерией и др. частных, но острых проблем. Фелицитология – учение о счастье, эвдемонии, путях их достижения, включает в себя вопросы этики, эстетики, а также психологии, даже физиологии эмоций и пр. Аретология – учение о положительных и отрицательных, ценных и антиценных качествах личности, добродетелях и пороках. Деонтология – учение о должном, недолжном, сверхдолжном, правильном и неправильном, норме и отклонениях в поведении, в деятельности людей и т. п.» [Анисимов, 2001:11].

Очевидно, что некорректно выделять группу общечеловеческих ценностей без указания исторической эпохи с характерными для нее культурными, научными парадигмами. Например, отношение к жизни: «ценность такого понятия, как “жизнь”, для язычников и для монотеистов отнюдь не идентична. Для язычников ценность жизни определяется, как правило, ее качеством на земле и в подземном мире, который для них является подобием земной жизни с ее нуждами и проблемами. Поэтому и погребали язычников не только с домашней утварью, но и с рабами и женами. А для тех, кто исповедует единобожие, ценность земной жизни зависит от того, насколько она обеспечивает ему доступ к вечной жизни на небесах, где он не будет иметь нужды ни в чем земном» [Оганесян, 2019: 86].

Изучение мира через призму ценностей не только помогает ученым в реконструкции аксиосферы той или иной эпохи, анализе аксиосферы в диахронии и синхронии, в прогнозировании её развития, но и имеет прагматический смысл – познать человека, его моральные принципы, культурный и духовный уровень.

Лингвоаксиология – молодое направление в лингвистике, которое дает представление о ценностях, об оценке в речи и языке. «Лингвоаксиология работает на фундаментальном уровне культуры – языке и ценностях, что делает ее безальтернативной по экономности и эффективности формой общественного самопознания и диагностики духовно-нравственного состояния социума. Аксиологическая лингвистика, с ее способностью проникновения в сферу коллективного сознания и мотивы индивидуального (речевого) поведения, в недалеком будущем способна превратиться в одну из наиболее востребованных гуманитарных дисциплин» [Павлов, 2013: 2].

Ценности являются сущностью культуры, маркером определенной эпохи, показателем уровня развития общества. Ценность жизни, свободы, моральные ценности, правовые ценности, ценности научных достижений – главные вопросы лингвоаксиологии.

С конца 1980-х гг. в России возрастает интерес к аксиологическим проблемам. «Общетеоретическим проблемам ценности посвятили свои публикации 80–90-х гг. такие литературоведы, философы, стилисты, как

О.И. Генисаретский «Художественно-ценностные истоки стиля», А.Н. Покровская “Художественные ценности в изменяющемся мире”, Ю.Н. Куликов “О сущности и природе художественной ценности”, Л. Ю. Фуксон “Проблема интерпретации и ценностная природа литературного произведения”» [Коцюбинская, Кузина, 2015: 61].

Существует множество точек зрения на природу ценностей, на их классификацию. Мы согласны с мнением, что ценности можно разделить на «восемь основных типов: материальные и физические ценности; экономическая ценность; моральная ценность; социальная ценность; политическая ценность; эстетическая ценность; религиозная ценность; и интеллектуальная ценность» [Biedenbach, Jacobsson, 2016:140].

Несмотря на то, что аксиология своими корнями уходит в философию и, следовательно, суть понятия «ценность» обсуждалась столетиями, некоторые ученые считают, что «само понятие ценности в современной науке неоднозначно уже потому, что окончательно не решена проблема природы ценностей. Мы считаем, что дать исчерпывающего определения ценности невозможно. Можно дать рабочее определение: ценность есть особое качество, которое связано с объектами и субъектами, и характеризует их единственность, единство, их место во всеобщей взаимосвязи. Моральные ценности, соответственно, определяются как особые свойства объектов и субъектов, характеризующие их единственность, единство, их место в мире с позиций добра и зла» [Матвеев, 2017: 6].

Вопрос о положительных и отрицательных ценностях также является предметом обсуждений, так как такое понятие, как «отрицательная ценность», вызывает критику части ученых.

Ценности формируют ценностную картину мира, которая, в свою очередь, является частью языковой картины мира. Согласно В.И. Карасику, при изучении ценностной картины мира мы должны понимать, что в ней есть две части – специфическая и общечеловеческая. Специфическая часть определяется различной оценочной квалификацией объектов, номинативной плотностью объектов и др. На

ценностную картину мира влияют моральные, религиозные кодексы, культурные достижения.

Также ученый отмечает, что «между оценочными суждениями наблюдаются отношения включения и ассоциативного пересечения, в результате чего можно установить ценностные парадигмы соответствующей культуры (например, из определенного типа отношения к старшим и младшим можно вывести тип отношения к собственности, к состязанию, к приватности и т.д.); в ценностной картине мира существуют наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [Карасик, 2002: 166].

Следует указать, что сложность трактовки и исследования понятия «ценность» может быть связана с тем, что каждый определяет его по-своему, например, для Томаса Мура «добро было добром, а не чем-то еще; но он не мог определить, что такое добро: “добро есть добро, и на этом все”. Мы же хотим сказать, что добро есть добро, а не что-то другое, и при этом определить, что оно такое. Добро есть добро, и это начало дела – начало формальной аксиологии. Добро, как справедливо видел Томас Мур, не является ни эмпирическим, ни метафизическим термином, это, как мы добавим, термин логический» [Hartman, 1976: 131].

Аксиология разграничивает понятия ценности (ценностных отношений) и оценки. «Оценка есть средство осознания значимости вещи для деятельности человека, удовлетворения его потребностей. Оценка и ценность – это тесно связанные понятия, однако между ними есть и существенная разница» [Скопич, 2007: 156].

Ученый, внесший серьезный вклад в развитие лингвоаксиологии в России, – Е. М. Вольф. В монографии «Функциональная семантика оценки» ею исследуются семантические особенности оценки, которая рассматривается как один из видов модальностей. «Главными элементами оценочной модальной рамки являются ее объект и субъект, связанные оценочным предикатом» [Вольф, 2002: 12].

Ученый выделяет два вида оценки – абсолютную и сравнительную. «Абсолютная оценка содержит имплицитное сравнение, основанное на общности социальных стереотипов, в то время как сравнительная оценка основана на сопоставлении объектов друг с другом» [Вольф, 2002: 15]. Также Е. М. Вольф отмечает, что не все явления и предметы становятся объектом для оценки, существует понятие «безразличное» для оценки.

Мы разделяем мнение Н.Д. Арутюновой, что «связь оценочного значения с автором речи многогранна. Оценка выражает личные мнения и вкусы говорящего, а они различны у разных людей. Во внутреннем мире человека оценка отвечает мнениям и ощущениям, желаниям и потребностям, долгу и целенаправленной воле. Это создает ее конфликтность: оценка, порожденная желанием, отлична и от оценки, вытекающей из долга, и от оценки, вызванной нуждой. Оценка социально обусловлена. Ее интерпретация зависит от норм, принятых в том или другом обществе или его части. Мировоззрение и мироощущение, социальные интересы и мода, престижность и немотивированность формируют и деформируют оценки» [Арутюнова, 1988: 6].

Таким образом, анализ оценки выявляет ее сложную взаимосвязь со всеми аспектами жизни людей. По этой причине феномен оценки исследуется во всех антропоцентрических науках: логике, социологии, психологии, этике, культурологии и т. д.

«Для лингвистической аксиологии представляется необходимым рассмотреть, прежде всего, понятие “оценивание” как наиболее общий процессуальный концепт в аксиологической парадигме. Оценивание в данном ряду рассматривается в его процессуальном качестве как специфическая форма познания, “когнитивный феномен”» [цит. по Серебренниковой, 2011: 34].

Считается, что оценка «связывает человека не только с окружающей природной, социальной или иной реальностью, но и непосредственно с другими людьми, вводя его в мир ценностей» [Нечепуренко, 2005: 175].

Лингвоаксиология в настоящее время находится на этапе своего становления. Ключевыми для данного направления лингвистики являются: изучение ценностей

человека, реконструкция аксиосферы картины мира носителя языка, исследование аксиологических особенностей функционирования неонорминий, изучение вопроса «отрицательных ценностей» и оценки. Следует указать, что современные динамичные системные изменения затрагивают все сферы жизни общества, отражаясь на ценностях человека, приводя иногда к трансформации представления о них, тем самым значительно затрудняя решение задач, стоящих перед учеными-лингвистами.

1.3.2 Аксиологический аспект медицинского дискурса

Изучение аксиологической составляющей медицинского дискурса представляет интерес прежде всего из-за того, что касается одной из витальных ценностей – здоровья.

В широком смысле «ценности медицины определяют отношение к различным составляющим медицинской деятельности: ее субъекту (врачу), объекту/субъекту (пациенту), предмету (болезни), условиям, инструментам и способам ее осуществления. Представляя медицину как разновидность социальной деятельности, которая реализуется во взаимоотношениях врача и пациента, необходимо определить особенности ее аксиологических составляющих – ценностей деятельности врача и ценностей пациента (отношение к болезни)» [Баракат, 2011: 165].

Ученые полагают, что «вокруг медицины складывается несколько слоев ценностей: а) представление о том; какой должна быть медицина (идеал), б) представление о личности врача, исходящее из идеального образа, в) ценностные суждения, опережающие уровень научных знаний; существующих на данный момент, г) социокультурная среда влияет на объяснительные схемы, принятые в медицине, которые входят в деятельность врача» [Канищева, 2004: 7].

Считается, что «в качестве основания оценки выступает один из древнейших аксиологических критериев: “добро” (преодоление трудностей в профессии врача) и “зло” (нежелание бороться с трудностями в медицине)» [Макушева, 2016: 9].

Дать аксиологическую оценку врачебной деятельности на первый взгляд не составляет труда ввиду наличия с древних времен «кодекса» врача, пункты которого закреплены были в многочисленных трактатах, клятвах. Еще со времен Гиппократов считалось, что врачевание – это «единственная профессия, которая должна начинаться с присяги обществу, поскольку человек, избравший эту профессию, учившийся много лет, чтобы помочь больному и страждущему, естественно, должен давать обещание быть достойным избранного дела» [Бабияк, 2012: 8].

Таким образом, основы медицинской этики и деонтологии, следовательно, интерес к нормам морали, нравственности, ценностям, к защите этих ценностей, были заложены тысячелетия назад.

«Ценностные представления в последние десятилетия претерпели серьезную трансформацию, а порой и деформацию, под влиянием системного экономического, социального и культурно-гуманитарного кризиса в глобальном обществе; агрессивной экспансии неолиберальных идей; а также крайнего обострения на планете геополитического противостояния» [Иванова, Иванов, 2022: 9].

Аксиологический кризис затронул и медицину: «в сложившихся корпоративно-технократических условиях гуманистический принцип взаимодействия между врачом и пациентом нарушается, медицина превращается в сферу услуг и социальную технологию, а социальные запросы, обращенные к медицине, возрастают – в общественном сознании она становится ответственной за разрешение широкого спектра личных и социальных проблем человека, а не только за избавление от болезни. В связи с расширением сферы деятельности медицины, в ней появляются противоречащие ее гуманистической сущности явления, например, эвтаназия» [Камалиева, 2018: 41].

Научно-технический прогресс заставил медицину значительно расширить свои границы, приведя ее к тесному сотрудничеству с различными отраслями юриспруденции; необходимости регулирования спорных вопросов, связанных с

религией и медицинскими науками (репродуктивная медицина, вопрос эвтаназии) и др.

Таким образом, в группу понятных всем абсолютных ценностей медицины (физическое и психическое здоровье, благополучие пациента, знание и профессионализм врача, его высокие моральные принципы), добавляются специфические ценности тех сфер, с которыми она находится в тесном сотрудничестве, что также приводит к изменениям в ценностной картине носителя языка.

Рассматривая аксиологический аспект медицинского дискурса с учетом описанных факторов (расширение границ медицины, тесная связь с немедицинскими науками и направлениями), согласимся с тем, что произошла трансформация некоторых ценностей, причины этого: «смещению ценностных ориентиров современной медицины с принципов гуманизма и милосердия на естественно-научные (биологизаторские), корпоративно-технократические и биополитические принципы способствовали исторически и культурно обусловленные процессы сциентизации, институционализации, технологизации, технификации и субкультуризации» [Камалиева, 2018: 42].

Достижения научно-технической революции повлекли переоценку ценностей. Ценностный кризис современной эпохи ярко выражен во всех сферах человеческой деятельности, в том числе в медицине. Специфика ценностных отношений в медицине, объем деформации ценностного поля, культурная обусловленность этих изменений – круг тем, которые изучают современные гуманитарные науки: философия, социология, лингвоаксиология, психология.

1.4 Теоретические основы исследования неологизмов

1.4.1 История и современные тенденции развития неологии

Лексика всегда стремительно реагирует на изменения в жизни людей и имеет тенденцию к постоянному обновлению. «Обогащение лексического запаса языка может происходить разными путями. Но самым распространенным источником

пополнения словарного запаса языка является образование новых слов. Образованием новых слов занимается наука – неология» [Забродина, Яковлева, 2014: 95].

Во второй половине XX столетия активный генезис новых лексических единиц был фактором, способствовавшим появлению неологии – «науки о неологизмах – новых словах, обозначающих новые предметы и понятия, но еще не вошедших в активный словарный состав языка» [Заботкина, 1989: 6].

«Этимологически термин “неология” образован от ассоциации греческого префикса [нео], означающего “новый” и латинского суффикса [logia], который означает “говорение, рассуждение, трактат, доктрина, теория”» [Zrigue, 2020: 2].

Ученые-лингвисты определяют «неологию как “включение новых лексических единиц в лексикон языка” (“l’incorporation d’éléments nouveaux dans le lexique d’une langue”), но не все так просто, так как одной из характерных особенностей неологизмов является то, что они существуют в “дискурсе” (“parole”), а не в “языке” (“langue”), и еще (пока) не зафиксированы в словарях» [Jamet, Terry, 2018: 1].

Неология отвечает на широкий круг вопросов: «выявление способов опознания новых слов, значений, сочетаний; анализ причин их появления; изучение моделей, по которым создаются новообразования; разработка оснований для общественного принятия или непринятия неологизмов, языковой политики в их отношении» [Алаторцева, 1999: 9].

Считается, что термины «неология» и «неологизм» впервые были введены в 1801 г. французским лексикографом Л.С. Мерсье. Несмотря на это, до 1960-х гг. неология как наука не была предметом пристального внимания лексикологов.

В «Настольном словаре для справок по всем отраслям знания» под редакцией Ф. Толля [Толль 1864] указано, что появление неологизмов связано с желанием вводить в язык «бесполезные» слова, поскольку уже существуют лексемы, характеризующие те или иные явления, и отсутствует необходимость введения новых единиц.

Следовательно, для ученых-лингвистов не удивителен тот факт, что в истории некоторых языков (например, французского) были периоды, когда запрещались попытки создания и внедрения новых лексических единиц. Исследуя процессы, происходящие в языках, мы можем утверждать, что такие периоды (запреты на введение новых лексических единиц) не часты.

В данном контексте мы полностью разделяем мнение, что «каждый живой язык колеблется между стабильностью и изменчивостью. В любом живом языке есть синтагматические константы и парадигматические переменные, подчиняющиеся экстралингвистическим факторам» [Zrigue, 2020: 2].

Язык – это функционально-динамическая структура, и появление новых слов продиктовано прагматическими потребностями носителя, который «выбирает из лексического материала то слово, которое лучше всего выражает его мысли и чувства. Если то или иное слово отсутствует в его лексиконе, то он видоизменяет уже имеющееся слово либо создает новое. Новое слово создается говорящим в процессе речи для осуществления определенной коммуникативной цели, а не как слово, заранее планируемое для пополнения и расширения лексики языка» [Пасечная, Попова, 2005: 167].

Изучая историю неологии, следует указать, что французская лингвистическая школа добилась больших успехов в разработке ее теории. Большой интерес представляют работы А. Дермстетера, Л. Деруа, М. Коэна, П. Жильбера, Б. Гардена и др. «Во Франции первые предпосылки к исследованию процесса неологизации возникли в связи с нормативным давлением на французский язык, начало которого отмечено с XVII-го столетия. В данный период лексическому пласту языка уделялось особое внимание, а любая модификация, любая форма новообразования подвергалась беспощадной критике: языковые инновации рассматривались в качестве неестественности в манере общения, странности или даже злоупотребления» [Абабий, 2019: 17].

Не только во Франции прилагались усилия для изучения новых лексических единиц. «Наиболее фундаментальным для немецкого языка является словарь “Duden – Deutsches Universalwörterbuch” (“Дуден – Универсальный словарь

немецкого языка”), издаваемый с 1880 г., каждое издание которого фиксировало все большее количество новых слов немецкого языка» [Забродина, Яковлева, 2014: 95].

В Российской империи «впервые проблема описания неологизмов в русском языке была поставлена в академическом “Словаре церковнославянского и русского языка” (1847). Его составители стремились отразить в своем труде неологизмы последних лет, общеупотребительные в литературном языке» [Шалина, 2020: 75].

«Первым словарем, в котором получила достаточно полное отражение новая лексика и фразеология русского языка начала XX вв., стал “Толковый словарь русского языка” под редакцией профессора Д. Н. Ушакова (1934–1940 гг.). Впервые в группу помет, устанавливающих историческую перспективу в словах современного языка, вошли пометы новое – старинное, устарелое. По этому словарю Е.А. Левашовым составлен список русских неологизмов 10-30-х гг. XX в., который является естественной частью русской неографии и неологии» [Попова, 2005: 51].

По мнению лингвистов, самым «неогенным» является XX в. Активное развитие науки и техники после Второй мировой войны, средств массовой коммуникации стало причиной введения и стремительного распространения большого пласта новых номинаций.

Активность процесса генезиса новых лексических единиц подтверждают следующие данные: «если в конце XX в. исследователи оценивали количество появившихся новых английских слов в диапазоне 12 000 в год, то в 2002 г. эта цифра по некоторым подсчетам увеличилась до 10 000 новых слов и словоформ в день. Количество же неологизмов, возникающих в языке каждый день в наше время, уже не поддается исчислению. Безусловно, не все эти слова входят в широкую сферу употребления и попадают в словари. Тем не менее, лексикографы пытаются фиксировать все появляющиеся новые лексические единицы, что позволяет нарисовать более полную картину современных тенденций развития языка и говорящего на нем общества» [Кольцова, 2017: 604].

Мы согласны с М.А. Поповой в том, что «неологизация связана как с внешними процессами в социуме, так и с действием внутренних законов языка – закона аналогии, закона языковой экономии, тенденции к регулярности (однотипности) внутриязыковых отношений, стремления к обобщению, тенденции к дифференциации, тенденции к употреблению более экспрессивных обозначений известных явлений» [Цит. по Попова, 2008: 72].

Рассуждая о вопросах, стоящих перед неологией, С.М. Алаторцева выделяет два основных: «внеязыковой – зачем создаются новые слова, каковы те сферы общественной жизни, которые “притягивают” неологизмы, и внутриязыковой – каковы те средства, с помощью которых образуются новые слова» [Алаторцева, 1999: 10]. Она также отмечает, что «существенно для неологии проследить, каким образом происходят изменения в способах номинации, так как в разные эпохи языкового развития преобладают различные типы создания наименований, действуют определенные временем номинативные процессы» [Алаторцева, 1999: 10].

Таким образом, становится ясно, что трансформации, происходящие в различных сферах жизни общества, находят свое отражение в неологизмах. Следовательно, неология – это ветвь науки о языке, которая не только выявляет, фиксирует в современных лексикографических источниках новые лексические единицы, но и исследует лингвистические, прагматические, психолингвистические, социолингвистические причины, способствующие генезису неониминаций, тем самым выходит за пределы интересов исключительно лингвистики.

1.4.2 Понятие «неологизм», критерии вычленения неологизмов

Несмотря на многочисленные работы, посвященные изучению новых слов, нет четкой дефиниции понятия «неологизм».

Согласно словарю Д. Кристала, «*neologism* (n.) see nonce, *Nonce* (прил.) – термин, описывающий языковую форму, которую говорящий сознательно

изобретает или случайно использует в одном случае: одноразовое слово или одноразовое образование (которое может включать в себя единицы, превышающие само слово). Их использование обусловлено многими факторами, например, говорящий не может запомнить конкретное слово, поэтому создает альтернативное приближение, или вынужден обстоятельствами создать новую форму (как в газетных заголовках). Формы *nonce* время от времени принимаются сообществом – и в этом случае они по определению перестают быть “*nonce*” (формы, используемые «для (n)once») и становятся неологизмами» [Crystal, 2008: 329].

Ту же точку зрения имеет Д. Алджео: «Что такое новое слово? Это может быть слово, не включенное ранее в словари. Это может быть одно слово или сочетание слов или же устойчивое выражение» [Algeo, 1991: 2].

О. Фишер (1998) дает следующее определение понятию «неологизм»: «неологизм – это слово, утратившее статус *nonce*, но все еще остающееся словом, которое большинство членов речевого сообщества считает новым» [цит. по Cook, 2010: 1].

О. С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» обозначает неологизм таким образом: «слово или оборот, созданные (возникшие) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или для выражения нового понятия», «новое слово или выражение, не получившее прав гражданства в общенародном языке и потому воспринимающееся как принадлежащее к особому, нередко сниженному стилю речи» [Ахманова, 2004: 261 – 262].

Несмотря на то, что вопрос дефиниции для понятия «неологизм» не закрыт, ученые сходятся в мнении об условиях возникновения и судьбе новых лексических единиц. А.В. Флоря пишет: «неологизмы возникают вместе с определенными реалиями, существуют вместе с ними, теряя новизну, а иногда выходят из оборота, становясь историзмами» [Флоря, 2000: 5]. Мнение коллеги поддерживает Л.Б. Гацалова: «весь XIX в. прошел под эгидой сравнительно-исторической парадигмы. Именно она наиболее органично подходит для описания языковых новаций. Во-первых, неологизм – явление историчное по своей сути, не

существующее в отрыве от временной системы координат. Он возникает в определенный период жизни языка, входит в узус, а затем может стать историзмом или архаизмом» [Гацалова, 2005: 13].

Согласно Т.В. Поповой, существуют несколько лингвистических теорий, которые пытаются раскрыть языковую сущность неологизмов [Попова 2005]:

1) стилистическая теория неологизмов: к неологизмам можно отнести фразеологизмы, стилистически маркированные слова, значения слов, которые отмечены эффектом новизны;

2) психолингвистическая теория: к неологизмам относятся лексические единицы, которые не встречались ранее в речи конкретного носителя;

3) лексикографическая теория: к неологизмам относятся слова, не отмеченные в лексикографических источниках;

4) денотативная теория (одна из наиболее популярных теорий неологизмов): представление о неологизмах как о единицах, номинирующих новое явление или понятие;

5) структурная теория, вызывающая много споров и возражений: к неологизмам могут быть причислены лексические единицы, обладающие формальной и структурной новизной: структурная теория, по мнению ученых, отражает очень узкий взгляд на неологизмы;

б) конкретно-историческая теория Н.З. Котеловой [Котелова 1978].

Т.В. Попова в издании «Русская неология и неография» указывает, что согласно конкретно-исторической теории: «неологизмы можно определить как слова, значения слов и идиомы, существующие в определенном языке, подъязыке и языковой сфере и не существовавшие в предшествующий период в том же языке, подъязыке, языковой сфере» [Попова, 2005: 12].

Каждая из этих теорий в определенной степени опирается на эффект новизны новой лексической единицы.

Ученые А.Г. Лыков, А.В. Калинина, Е.В. Сенько считают, что принципиальной основой понятия «неологизм» является качество новизны слова.

Т.В. Попова отмечает, что, действительно, «ореол новизны у появившейся в языке единицы психологически важен для ее отнесения к неологизмам» [Попова, 2005: 5]. При этом существуют причины того, почему данный критерий не является определяющим. Понятие «новизна» очень субъективно и зависит от множества факторов, например, от общего уровня развития человека, осведомленности в вопросах лексикографии, известности/неизвестности лексической единицы определенному человеку и др. Архаизмы могут восприниматься носителями как неологизмы ввиду неизвестности данных слов для них.

Таким образом, мы разделяем мнение, что «часто слова, воспринимающиеся большинством носителей языка как неологизмы, на самом деле могли десятилетиями или даже веками существовать в диалектах, социолектах (арго, жаргоны, сленг), быть устаревшими словами, которые вернулись из пассивного словаря в активное узуальное употребление в результате процесса деархаизации, неосемантизмами (т.е. “старыми” словами с новым значением) или удачными словечками, возникшими в нацио- и региолектах (напр., “одесский язык”, “донецкий русский”, “ташкентский русский” и другие самобытные региональные версии русского языка) и получившими распространение за пределами своего ареала» [Коренькова, Кореньков, 2023: 15].

Касаясь тенденции развития современной неологии, справедливо указать на ведущую роль английского языка в процессе неологизации языков. «Как правило, неологизм сначала возникает в английском языке, а затем заимствуется другими языками – также в качестве неологизма. Следовательно, пласт неологизмов английского языка выступает своеобразным лексическим донором для других языков мира» [Федорова, Дробинина, 2023: 315].

Также анализ значительного числа источников, рассматривающих вопросы неологии, позволяет согласиться с утверждением: «развитие киберпространства изменило основные факторы появления неологизмов: новые слова появляются и быстро тиражируются в виртуальной среде вследствие потребности кратко и экспрессивно отобразить новые явления, действия, ощущения и т.д.» [Избицкая, 2020: 10].

Таким образом, очевидно, что у неологии как науки достаточное количество открытых вопросов. Важным является достижение консенсуса относительно дефиниции термина «неологизм», определения критериев «новизны» неониминаций. В то же время наличие нерешенных задач не является тормозящим фактором в развитии науки о новых лексических единицах.

1.4.3 Процесс неологизации в медицинском дискурсе

Язык медицины формировался и совершенствовался на протяжении веков. «Одни из первых знаний древности были зафиксированы на санскрите, древнеегипетском и древнем китайском языках. Позднее значительный вклад в развитие медицины и соответственно медицинской терминологии внесли древнегреческие ученые. Влияние греческого языка на формирование медицинской терминологии нельзя сравнить ни с каким другим» [Коннова, Аракельян, Куксина, Бекешова, Хисамеденова, 2018: 140].

Активное пополнение языка медицины неологизмами – признак живых процессов, происходящих в языке.

Перемены в объективной действительности всегда отражаются на лексическом уровне языка. Неологический бум конца XX – XXI в. не обошел стороной и медицинский дискурс. Невероятный прогресс в медицине, новые нозологические единицы (например, пандемия коронавируса) способствуют возникновению явлений, требующих номинации (научных и обиходных).

Согласно Л.В. Ефремовой, неологизмы медицинского дискурса можно разделить на три группы. К первой группе неологизмов ученый относит неологизмы, которые связаны с новыми открытиями в области медицины, новыми знаниями. Ко второй группе – слова, которые ранее уже использовались, но в настоящее время актуализировались. Третью группу составляют неологизмы, «которые повторяют термин, существовавший ранее. К этому типу неологизмов можно отнести следующие: *традиционная* в сочетании со словом “медицина”,

врачеватель, голодание в сочетании с прилагательным “лечебное”, *активный, депрессия*» [Ефремова, 2018: 320].

В зависимости от цели функционирования неологизмы делятся на номинативные и стилистические. «Номинативные – это узкопрофильная лексика, которая возникает из-за прогрессивного развития науки и общества. Ряд лингвистов изучали лексическое наполнение текстов путём определения неологической метафоризации, которая обеспечивает трансляцию образных языковых схем с реализацией фундаментальных логических операций <...> Медицинская метафора-термин определена как способ, посредством которого познаётся медицинская картина мира, представляющая реальности когнитивной деятельности медицинского работника» [цит. по Ягенич, 2021: 90].

Следующую группу неологизмов в зависимости от цели функционирования составляют стилистические неологизмы. «Стилистические – это раннее существующая лексика в новой интерпретации и определении, на ранних этапах возможно выражение образности.

Субстантивированная новая лексика определяется как номинативные неологизмы, которые раскрывают дополнительные функции человека, явления или предмета, а “новые слова”, иллюстрирующие отношение учёного к окружающей действительности, – это стилистические неологизмы. Метафорические неологизмы и эпонимические термины связаны с лексико-семантическим обозначением нового в медицинской науке» [Ягенич, 2021: 90].

Неологизмы в медицинском дискурсе можно классифицировать по нескольким группам: нозологические единицы, новые медицинские технологии, методы лечения, гаджеты, неологизмы, номинирующие процессы, имеющие место в нетрадиционной медицине.

Касательно вопроса неологизации медицинского дискурса на современном этапе развития мы согласны с мнением «несмотря на то, что терминологическая лексика стремится к унифицированности и кодифицированности, узувальная вариативность терминов-неологизмов оказывается актуальна и для медицинской лексики. Кроме того, период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19

характеризуется так называемым *номинативным сверхварьированием*, что применительно ко всем категориям лексики, в том числе специальной» [Громенко, 2023: 28].

Серьезный вклад в усиленную неологизацию медицинского дискурса внесла пандемия коронавируса. «Специфика медицинского дискурса определяет характер данного рода неологизмов. Большую часть неологизмов можно отнести к обиходно-просторечной медицинской лексике, т. к. связанные с коронавирусом новые слова и выражения чаще всего являются творчеством представителей массового сознания, а не специалистов в области медицины» [Катермина, Липириди, 2020: 171].

Раскрывая специфику неологизмов эпохи коронавируса, ученые В.В. Катермина и С.Х. Липириди отмечают юмористический аспект в формировании коронеологизмов. Носители языка «ищут в черном юморе разрешение психологического напряжения» [Катермина, Липириди, 2020: 171].

Говоря о современных тенденциях развития неологии в подпункте 1.4.1, мы указывали, что развитие киберпространства способствует активности процесса неологизации. Данное наблюдение справедливо и для медицинского дискурса и ведет к определенному рода трудностям. «Сейчас, когда не стало искусственных государственных барьеров, препятствовавших взаимопроникновению и взаимообогащению медицинской науки разных стран новыми идеями, открытиями и достижениями в интересах всего человечества и отдельных людей, упорядочение медицинской терминологии приобретает особое значение. К сожалению, проникновение огромного количества слов европейского происхождения создает определенные сложности в использовании подобного рода интернационализмов. Большинство терминов иноязычного происхождения, как правило, сопровождаются соответствующими эквивалентами русского языка. Это способствует развитию синонимии» [Коннова, Аракельян, Куксина, Бекешова, Хисамеденова, 2018: 141].

Анализ англоязычных неологизмов медицинского дискурса позволил нам сделать следующие выводы: неолексика медицинского дискурса аккумулирует

опыт и современные научные знания профессионалов в области медицины; отражает взгляд непрофессионала на вопросы здоровья, болезни, лечения заболеваний и их профилактики.

Следует указать, что на современном этапе развития языка ведущим фактором генезиса неологизмов является глобальная сеть, следовательно, порождение неолексем – отражение свободы и права словотворчества каждого пользователя сетевой коммуникации вне зависимости от уровня культуры, осведомленности в данной области, образования. Это подтверждает активный прирост неолексии в одном из видов институционального дискурса – в медицинском дискурсе, что, в свою очередь, дает возможность через призму неологизмов изучать специфику коллективного менталитета общества на современном этапе.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1

Дискурс является предметом изучения многих дисциплин: лингвистики, социологии, социолингвистики, психолингвистики, философии, компьютерной лингвистики. До сих пор нет четкого определения для термина «дискурс». Трактуются данное понятие множеством способов, как: беседа, разговор, повествование, аргументированная научная речь, речевая деятельность человека в определенной ситуации, связный текст и др. В дискурс включают письменную речь, устную речь, невербальную коммуникацию.

Развитие дискурса определяется влиянием исторических, экономических, культурных, политических событий в жизни социума, следовательно, дискурс должен рассматриваться в синхронии и диахронии. По мнению ряда ученых, «дискурс» – понятие более широкое, чем «текст», «речь» и «язык».

Полисемичность термина «дискурс» объясняет отсутствие целостной теории дискурса и единой общепринятой классификации дискурса. С точки зрения социолингвистики существует институциональный дискурс и персональный дискурс.

Медицинский дискурс относится к институциональному дискурсу – общение в рамках определенного формата, четко определены статусно-ролевые характеристики участников общения. Участниками медицинского дискурса являются: врачи, студенты медицинских университетов, интерны, пациенты, широкая общественность, интересующаяся вопросами медицины. Медицинский дискурс представляет собой противопоставление профессиональной картины мира врача и наивной картины мира пациента или непрофессионалов, изучающих медицинскую литературу (статьи в научных журналах, книги).

Медицинский дискурс, как и любой другой институциональный дискурс, имеет характерные особенности: наличие медицинской этики, деонтологическая ориентированность.

Аксиология – наука, занимающаяся изучением природы ценностей. Ведущими понятиями аксиологии являются ценность, оценка, антиценность, самооценка.

Считается, что ценности отражают личное отношение человека к другим людям, к самому себе, к социальным нормам, ко всему окружающему его миру. Уже в сознании первобытных людей было сформировано представление о пользе и вреде, соответственно, о положительной и отрицательной оценке предметов, определенной деятельности и др.

Для понимания развития аксиологических теорий необходимо знать исторические, религиозные, политические, экономические, культурные особенности эпохи.

В рамках данной работы исследование аксиологической составляющей медицинского дискурса представляет интерес прежде всего из-за того, что она касается одной из витальных ценностей – здоровья.

О жизнеспособности языка свидетельствует возникновение в нем неологизмов – новых слов, номинирующих новые явления, предметы и понятия. Неология – наука, занимающаяся изучением неологизмов.

Несмотря на то, что термины «неология» и «неологизм» были введены в научный оборот в начале XIX в., ученые считают, что неология как наука стала формироваться со второй половины XX столетия, сам термин «неологизм» не имеет на данный момент четкой дефиниции.

Живой язык как динамичная структура характеризуется перманентным обновлением лексического состава. В данном случае следует указать, что разные эпохи характеризуются разной неогенностью. По данным лингвистов, XX в. считается самым неогенным.

Неологизмы в институциональном дискурсе – признак появления новых дисциплин, новых знаний, требующих соответствующей терминологической базы.

Неологизмы отражают культурные, научные, политические, ценностные изменения в обществе, демонстрируют адаптационные способности языка к новым реалиям, являются маркером, лакмусовой бумажкой своей эпохи. Через призму неологизмов мы имеем возможность оценить многоаспектную картину мира носителя языка.

ГЛАВА 2 НЕОЛОГИЗМЫ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ, СЕМАНТИКО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

2.1 Классификация неологизмов медицинского дискурса

Неологизмы медицинского дискурса английского языка требуют классификации, тщательного семантического и аксиологического анализа, а также прагматической интерпретации. Прирост неолексикологии медицинского дискурса в настоящее время обусловлен высокими темпами развития диагностических возможностей в медицине, бурным развитием фармацевтики, повышением осведомленности людей о проблемах, связанных со здоровьем, изменением отношения людей к своему здоровью и благополучию. Диджитализация, новые технологии, СМИ, Интернет также вносят существенный вклад в осязаемое ускорение процессов неологизации лексического состава медицинского дискурса.

В данной работе рассматривается более 600 английских неологизмов, связанных непосредственно с медициной: диагностикой и лечением заболеваний; патологическими состояниями или попытками предотвратить их возникновение; борьбой с пагубными зависимостями, навязчивыми идеями, фобиями; стремлением современного человечества к «вечной молодости и красоте».

Англоязычные неологизмы медицинского дискурса делятся на ряд групп. В рамках данной работы мы разделяем неологизмы на группы, беря за основу ту область медицины, где зародились новые слова.

1. Неологизмы, номинирующие стресс, фобии, алкогольную зависимость. «В любой момент сочетание разнообразных индивидуальных, семейных, общественных и структурных факторов может способствовать укреплению нашего психического здоровья или, наоборот, подорвать его и изменить наше положение в континууме психического состояния» [Доклад о психическом здоровье в мире: охрана психического здоровья: преобразования в интересах всех людей, 2022: 2].

Наркология – это раздел психиатрии, который изучает этиологию, патогенез и клинические проявления наркомании, токсикомании, хронического алкоголизма и некоторых других видов зависимости. Поэтому взаимосвязь психического здоровья и комплекса социальных, культурных, этнических, экономических факторов представляет большой интерес для исследования. Учитывая тот факт, что лексика является самым гибким слоем языка, анализ ее имеет прагматическую ценность с точки зрения лингвистики.

2. Англоязычные неологизмы медицинского дискурса, характеризующие физиологические, психологические, социальные аспекты старения организма. Глобальное старение населения – актуальный вопрос современности. Через призму неологизмов определяются следующие ключевые моменты: возраст-ассоциированные заболевания; многоаспектность, интердискурсивность геронтологического дискурса, геронтофобия, дискриминация по возрастному признаку.

3. Неологизмы медицинского дискурса, номинирующие современные представления о физической красоте и способы ее достижения с использованием возможностей медицины.

В медицинский дискурс включаются не только забота о здоровье, но и «забота о себе в самом широком смысле слова – забота о красоте и чистоте тела, среде и чистоте обитания, эмоциональном состоянии» [Вавилова, 2015: 124].

Современные люди придают большое значение своей внешности. В данной работе мы понимаем косметологический дискурс как дискурсивный феномен, который находится в рамках медицинского дискурса и областью интересов которого является внешность человека.

4. Неолексика гастроэнтерологии, нутрициологии, диетологии. Данная группа неологизмов дает полную картину современных представлений о принципах питания, диетах, раскрывает признаки расстройства пищевого поведения. Древнегреческий целитель, врач и философ Гиппократ около 2500 лет назад сказал: «Ты то, что ты ешь». Общеизвестно, что некоторые хронические заболевания являются результатом несбалансированного питания, неправильного

образа жизни. Анализ неологизмов данной группы выявляет субъективную реальность носителя, отраженную в языковой картине мира.

Разбивая группу англоязычных неологизмов медицинского дискурса на подгруппы, выделяя в рамках медицинского дискурса множество других дискурсов, мы отмечаем и подтверждаем еще раз явление пересечения различных дискурсивных полей. Таким образом, деление на группы условно.

Сократ (469–399 до н. э.) писал: «Как нельзя приступить к лечению глаза, не думая о голове, или лечить голову, не думая о всем организме, так же нельзя лечить тело, не лечя душу». Слова Сократа полностью передают представление о человеке как о едином целом. Нельзя говорить о физическом здоровье, внешней красоте, забывая о здоровье души, внутреннем покое и гармонии. Нельзя, например, вести речь о диетологии, нутрициологии и их положительном влиянии, если у пациента есть признаки расстройства пищевого поведения, отсутствует критическое отношение к себе, своей деятельности.

Характер интерпретации материала определяет построение данной главы. В ней рассматриваются неологизмы указанных групп:

1. Англоязычные неологизмы медицинского дискурса, номинирующие стресс, фобии, алкогольную зависимость (лексика психиатрии).

2. Англоязычные неологизмы медицинского дискурса, характеризующие физиологические, психологические, социальные аспекты старения организма (лексика геронтологии).

3. Англоязычные неологизмы медицинского дискурса, номинирующие современные представления о физической красоте и способы ее достижения с использованием возможностей медицины (лексика дерматологии и косметологии).

4. Англоязычные неологизмы медицинского дискурса, раскрывающие полную картину современных представлений о принципах питания, диетах, описывающие признаки расстройства пищевого поведения (лексика гастроэнтерологии, нутрициологии, диетологии).

Проводится семантический и аксиологический анализ каждой группы неологизмов. Это позволяет определить ценностную, эстетическую картину мира,

основные тенденции развития медицины, ожидания людей от тех или иных медицинских процедур, их способность критического осмысления современной действительности.

Таким образом, исследование англоязычных неологизмов медицинского дискурса дает нам возможность не только быть свидетелем генезиса новых лексем, но также получить представление об их ментальной репрезентации (видении человека), интенции носителя, изучить его когнитивный мир и речемыслительную основу деятельности, культурный код этноса, социальную структуру и др.

Рисунок 1 – Количественный состав тематических категорий неологизмов англоязычного медицинского дискурса

2.2 Англоязычные неологизмы медицинского дискурса, характеризующие стресс, фобии и зависимости

Лексема «медицина» в широком смысле означает систему научных знаний, практической деятельности, направленной на предупреждение болезней, сохранение и укрепление здоровья, продление жизни, улучшение качества жизни и

облегчение страданий при разнообразных недугах. Таким образом, медицинский дискурс является многоаспектным феноменом.

Мы исследуем неологизмы, характеризующие психические и поведенческие расстройства вследствие употребления наркотических средств и психоактивных веществ, синдром зависимости от алкоголя, невротические, связанные со стрессом расстройства.

Мы сосредоточимся на семантическом и аксиологическом анализе англоязычных неологизмов медицинского дискурса.

«Изучение семантики слова является одним из основных направлений анализа плана содержания лексических единиц в современном языкознании. Определяющим в изучении содержательной стороны слова в современной лингвистике стало учение Ф. де Соссюра о языке как системе языковых знаков и ценности лингвистических единиц» [Тиллоева, 2016: 21].

Всего по теме «Стресс, фобии и зависимости» нами было проанализировано 216 неологизмов.

2.2.1 Неологизмы, характеризующие стресс и способы борьбы с ним

«В 1930 –1950-е гг. Г. Селье разработал биологическую, или, как ее еще называют, физиологическую, теорию стресса, основное положение которой гласит, что стресс есть неспецифический ответ организма на любое предъявляемое ему требование» [Юнусова, Розенталь, Балтина, 2008:139]. Понятие об эмоциональном стрессе вводит Р. Лазарус [Лазарус, 1970]. По его мнению, «эмоциональный стресс связан с активизацией познавательной деятельности, посредством которой человек определяет для себя степень угрозы и сопоставляет возникающие трудности с собственными возможностями их преодоления» [Юнусова, Розенталь, Балтина, 2008:139, 140].

Проблема возникновения стресса у человека, его последствий, изменения качества жизни представляет интерес для многих специалистов: врачей, психологов, социологов. А для лингвистов, считающих язык когнитивным

механизмом, участвующим в представлении и переработке информации об окружающем мире, неологизмы, характеризующие стресс – это источник для исследований, изучения новых номинаций и определения причин номинирования новых явлений определенным образом.

Проведенный анализ позволил выделить несколько подгрупп неологизмов в рамках данной группы.

В первую подгруппу включены неологизмы, номинирующие стресс.

Всего было проанализировано 53 неологизма.

«Стресс – сложное функциональное состояние организма, характеризующееся сдвигами в деятельности нейрофизиологических систем всех уровней: от психических процессов до гормоносекреции» [Юнусова, Розенталь, Балтина, 2008:140].

Желание перемен, вызванное недовольством, выражается неологизмом – словосочетанием *rage applying – the activity of impulsively applying for several new jobs only because your present job is currently making you unhappy or angry* (импульсивная подача заявления на несколько новых вакансий только потому, что нынешняя работа делает вас несчастным или злым).

Ключевыми лексемами неологизма *rage applying* являются: *unhappy, angry*. Нами был проведен дефиниционный анализ: *unhappy – not fortunate; not cheerful or glad* (неудачливый; невеселый и нерадостный); *angry – indicative of or proceeding from anger* (указывающий на гнев или порождаемый гневом).

Лексема “*impulsively*” дает нам понять, что необдуманное действие совершается внезапно, под влиянием случайного импульса. Принимая во внимание эти данные, мы увидели картину безнадежности и безысходности. Лексема “*rage*” (гнев, ярость) является квинтэссенцией опыта носителя, вложенного в смысл неологизма. Лексема “*rage*” объединяет в единую картину все обозначенное в дефиниции неонинации: *unhappy, angry, impulsively*. Из анализа видно, что гнев – деструктивная эмоция, которую можно отнести к категории антиценностей. Однако развитие медицины, психологии открывает новые аспекты гнева: «Популяризация идей о том, что сдерживание гнева приводит к нежелательным

физиологическим и психологическим последствиям, привела к тому, что ценность гнева для социума подверглась изменениям в последние десятилетия. Обоснованный гнев оправдывает вызываемые им агрессивные действия, и эта мысль всячески культивируется в художественной литературе и на кино- и телеэкранах». [Волкова, Панченко, 2018: 180].

Учитывая все данные, мы считаем, что неологизм *rage applying* имеет нейтральную коннотацию. Он передает суть действий человека, оказавшегося в стрессовой ситуации.

Список неологизмов, номинирующих стресс на работе или попытки его нивелировать, продолжает словосочетание *quiet thriving – the activity of making small changes to the way you work to help you feel happier and more fulfilled in your job* (деятельность по внесению небольших изменений в рабочий процесс, чтобы чувствовать себя счастливее и более удовлетворенным своей работой).

Положительная оценка неологизма выражается через лексемы (*feel*) *happier, fulfilled*. Дефиниционный анализ продемонстрировал следующее: *happy – enjoying, showing, or marked by pleasure, satisfaction, or joy* (наслаждающийся, удовлетворенный, радостный); *fulfilled – feeling happiness and satisfaction* (чувство счастья и удовлетворения).

Анализ показывает, что основной целью является желание быть счастливым.

«На протяжении всей сознательной истории человечества неоспоримым является аксиологический статус счастья. Как одна из важнейших духовных ценностей, объект постоянного поиска, составной элемент практически всех мировоззренческих систем, счастье по своей сути обрело наднациональный характер» [Богданова, 2010: 7].

Рассмотрим пример использования неологизма в реальном контексте: “*This is the idea of actively changing the structure of your workday so that you begin to feel more engaged. Perhaps you’re stuck in a work rut – lacking the inspiration or creativity you need to be inquisitive and excited about your job. Quiet thriving is about reigniting this spark, without compromising your wellbeing*” [Whitton, 2023]. – «Это идея активного изменения структуры вашего рабочего дня, чтобы вы начали

чувствовать себя более вовлеченными. Возможно, вы застряли в рабочей рутине – вам не хватает вдохновения или креативности, чтобы быть любознательным и увлеченным своей работой. “Тихое процветание” – это появление вновь этой искры без ущерба для вашего благополучия».

Пример акцентирует внимание на комфортных переменах в жизни человека (*changing the structure of your workday, without compromising your wellbeing*). Сама неоломинация *quiet thriving* (тихое процветание) полностью передает суть перемен.

Мы обратили внимание на антонимическую пару: *rage applying – quiet thriving*. *Quiet* обозначает покой, спокойствие, мир; *rage* – ярость, бешенство, гнев. Здесь виден и «революционный» подход к решению вопроса, а именно смена места работы, наличие множества вариантов, так и «эволюционный» путь – улучшение условий труда посредством легких, нерадикальных перемен. Выбор зависит от условий, уровня стресса и типа личности.

Следующие неологизмы передают переживания многих современных людей: *sunday scaries – a feeling of stress or anxiety experienced by someone on a Sunday before they have to go back to work the next day after the weekend* (стресс или беспокойство, испытываемое человеком перед началом рабочей недели); *milestone anxiety – a condition in which someone feels frightened or very worried because they have not achieved the same things in life as other people of the same age* (состояние, при котором кто-то чувствует себя напуганным или очень обеспокоенным, потому что он не достиг в жизни того же, что и другие люди такого же возраста).

Отрицательная оценка данной пары неологизмов выражается посредством ведущих лексем: *stress, anxiety, frightened, worried*. Дефиниционный анализ данных лексем дает следующие результаты: *stress – great worry caused by difficult situation* (серьезное беспокойство, вызванное сложной ситуацией); *anxiety – an uncomfortable filling of nervousness or worry about something that is happening or might happen in the future* (нервозность или беспокойство о чем-то, что происходит или

может произойти в будущем); *frightened – feeling fear or worry* (чувство страха или беспокойства).

Еще существенный показатель отрицательной оценки неологизма – компонент сравнения: *as other people of the same age*.

Также в дефиниции неологизма *milestone anxiety* есть интенсификатор семантики – *very*, который усиливает негативные чувства.

Пара *sunday scares – milestone anxiety* интересна с точки зрения времени. Здесь очевидны переживания и страхи, связанные с вопросами времени. Это могут быть короткие периоды, например, дни, недели, или целые этапы жизни, например, годы, десятилетия...

При анализе данных неологизмов становится ясно, почему набирает такую популярность дауншифтинг, почему так много последователей философии «замедления». Или нужно следовать совету Конфуция: «Выбери себе работу по душе, и тебе не придется работать ни одного дня в своей жизни». Но и в том, и в другом случае необходимо сначала найти путь к себе, понять себя, отринуть оценочные реалии окружающего мира и ненужные сравнения.

Значения «переизбыток информации», «большая ответственность» легли в основу следующих неологизмов: *decision fatigue – a decreased ability to make decisions as a result of having too many decisions to make* (снижение способности принимать решения из-за того, что нужно принять слишком много решений); *tyPOCHONDRIAC – a person who repeatedly proofreads writing because they are paranoid about publishing work that contains typos or other errors* (человек, который постоянно корректирует текст, потому что боится опечаток и ошибок); *digital dementia – impaired memory and cognitive functioning due to the extended use of digital devices* (ухудшение памяти и когнитивных функций из-за длительного использования цифровых устройств); *infobesity – (also information overload) an excess of information, especially when this makes it more difficult or impossible to make rational decisions* (избыток информации, особенно когда это затрудняет или делает невозможным принятие рациональных решений).

В неологизмах *decision fatigue*, *digital dementia* представляют интерес следующие лексемы: *fatigue* – *weariness or exhaustion from labor, exertion, or stress* (усталость или истощение из-за большого объема работы или стресса), *dementia* – *a usually progressive condition (such as Alzheimer's disease) marked by the development of multiple cognitive deficits (such as memory impairment, aphasia, and the inability to plan and initiate complex behavior)* (обычно прогрессирующее состояние (например, болезнь Альцгеймера), характеризующееся развитием множественных когнитивных нарушений (таких как ухудшение памяти, афазия и неспособность планировать и инициировать сложное поведение)). Данные лексемы эксплицитно указывают на отрицательную оценку неологизмов. При анализе их дефиниций мы видим, что они указывают на снижение возможностей человека эффективно и легко справляться со своими функциональными обязанностями: *decreased ability, impaired memory and cognitive functioning*.

Рассмотрим пример использования неологизма *digital dementia*: “*The term “digital dementia” has gained its greatest popularity through Manfred Spitzer, a prominent German psychiatrist and neuroscientist. The author of the book “Digital Dementia. How we are depriving ourselves and our children of reason”, has set himself the goal of making people aware of the long-term consequences of inappropriate use of new technologies and social media*” [Horoszkiewicz, 2022: 291]. – «Наибольшую популярность термин “цифровая деменция” приобрел благодаря Манфреду Шпицеру, выдающемуся немецкому психиатру и нейробиологу. Автор книги “Цифровая деменция. Как мы лишаем себя и своих детей разума”, поставил перед собой цель – донести до людей долгосрочные последствия нецелевого использования новых технологий и социальных сетей». Из примера следует, что тема популярна и представляет реальную опасность и для взрослых, и для подрастающего поколения.

Неологизм *tyrochondriac* образован слиянием *tyro* + *hypochondriac*. Нами был проведен анализ лексемы *hypochondriac* – *a person who is often or always worried about his or her own health* (человек, который часто или всегда беспокоится о своем

здоровье). Ипохондрическое расстройство является серьезной проблемой как для пациентов, так и для врачей.

«Существует несколько разновидностей ипохондрии – сверхценная, навязчивая, тревожная, депрессивная, истерическая, сенестопатическая, бредовая» [Исханова, 2018: 17].

В настоящее время наблюдается тенденция обесценивать психические расстройства: «само пройдет», «займись делом» и др. Данный экскурс в медицину был сделан для демонстрации серьезности состояния человека, страдающего ипохондрией. Таким образом, мы приходим к заключению, что неологизм имеет отрицательную оценку.

Итак, нами был проведен анализ неологизмов, номинирующих стресс. Преобладающее большинство неолексем 76 % (40) имеет отрицательную оценку, положительной и нейтральной оценкой характеризуются 11% (6) и 13% (7) соответственно.

Вторая подгруппа включает неологизмы, характеризующие способы нивелирования стресса.

Всего в данной подгруппе 48 неологизмов.

Человек и природа неразрывно связаны. Изучая лексические единицы, описывающие различные способы борьбы со стрессом, мы выявили колоссальную роль природы и окружающего мира: *skychology – the act of looking up at the sky, thought by some people to be good for your wellbeing (некоторые люди считают, что смотреть на небо полезно для хорошего самочувствия)*. Неологизм образован слиянием «*sky*» (небо) и «*psychology*» (психология).

Ключевая идея реализуется через лексемы *sky, wellbeing*. Дефиниционный анализ лексемы *wellbeing* дал нам следующие результаты: *wellbeing – the condition of being contented, healthy, successful; welfare (состояние удовлетворенности, успешности, здоровья; благосостояния)*. Существительное *wellbeing* включает в себя все показатели «блага» для человека, все, что ценно. Достигается состояние благодати через связь с окружающим миром – *the act of looking up at the sky*.

Рассмотрим пример использования неологизма *skychology* в реальном контексте: “*The results from the study found looking up at the sky was: immediately calming, contributes to the experience of wellbeing, appears to be a highly effective form of emotional self-regulation, appears to enhance mindfulness and feeling present in the moment, experienced as feeling a greater sense of clarity and perspective, promotes a greater sense of connectedness and feeling part of something bigger than ourselves*” [Henderson, 2023]. «Результаты исследования показали, что взгляд на небо мгновенно успокаивает, способствует ощущению благополучия, по-видимому, является высокоэффективной формой эмоциональной саморегуляции, также усиливает осознанность и ощущение присутствия в настоящем моменте. Наступает состояние ясности ума, и люди ощущают себя частью чего-то большего, чем они сами есть».

Пример полностью раскрывает положительные аспекты деятельности, номинируемые неологизмом *skychology*: *calming* (спокойствие), *mindfulness* (осознанность), *clarity* (ясность). Лексемы *immediately* (немедленно), *greater* (больше), *highly* (высоко) являются интенсификаторами семантики, демонстрирующими, что эффект наступает незамедлительно и в высшем своем проявлении: *immediately calming, greater sense of clarity, highly effective*.

Подобную же крепкую, положительную связь с миром, как и *skychology*, обнаруживает неологизм *soil bathing – the practice of immersing your body in wet earth as a way of improving your mental health* (практика погружения тела во влажную землю для улучшения психического здоровья).

Земля (*soil, earth*) рассматривается «как первоэлемент, лежащий в основе всех явлений природы» [Петрова, 2008: 227]. Определение неолексемы подчеркивает, что именно глубокая связь с землей (*immersing your body*) приводит к положительным результатам (*improving your mental health*).

Рассмотрим дефиницию *mental health: a state of emotional and psychological well-being in which an individual is able to use his or her cognitive and emotional capabilities, function in society, and the ordinary demands of everyday life* (состояние эмоционального и психологического благополучия, при котором человек может

использовать свои когнитивные и эмоциональные способности, функционировать в обществе и выполнять обычные требования повседневной жизни). Таким образом, ясно, что ментальное здоровье – это та основа, на которой держится благополучная жизнь человека: здоровье в целом, внутренняя гармония, возможность реализовать свой потенциал.

Неологизм *dirty wellness – activities that involve being outside in nature and getting dirty, thought to be good for people’s physical and mental health* (считается, что проводить время на природе, испачкаться, полезно для физического и психического здоровья людей) продолжает список положительно маркированных неолексем, номинирующих новые тренды, представления и знания о связи человека и природы.

Лексемы *dirty* (грязный) и *wellness* (хорошее здоровье) в контексте медицины, здоровья являются конфликтующими понятиями: *dirty – contaminated with infecting organisms* (зараженные инфекционными организмами); *wellness – the quality or state of being in good health* (иметь хорошее здоровье). Это оксюморон. Всем известно, что чистота – залог здоровья. Не возникло бы диссонанса, если бы вместо *dirty* использовали прилагательное *clean*.

Анализ дефиниции раскрывает смысл неонимации. Ключевыми лексемами неологизма *dirty wellness* являются: *nature, good, physical and mental health*. Дефиниционный анализ продемонстрировал следующие результаты: *nature – the world of living things* (мир живых существ); *physical health – is the well-being of the body and the proper functioning of the organism of individuals* (это хорошее самочувствие, правильное функционирование организма). Таким образом, мы понимаем, что выражение “*getting dirty*” обозначает готовность проводить время на природе, чувствовать себя ее частью и улучшать свое ментальное и физическое здоровье, при этом не столь важно, испачкаете вы свою одежду, себя или нет.

Рассмотрим пример использования неологизма: “*Dirty wellness*” *shouldn't be seen as just a trend; rather it's a healthier way to live than striving for unattainable, inhuman ideals,*” Burgess says. “*The fact that 'dirty wellness' is trending indicates that people are fed up of being pressured to be and look perfect all the time, effortlessly*

juggling our fitness with our family and our wellness with our work" [Chilcott, 2024]. – “*Dirty wellness*” не следует рассматривать просто как тенденцию; скорее, это здоровый образ жизни, чем стремление к недостижимым, бесчеловечным идеалам», – говорит Берджесс. «Тот факт, что “*dirty wellness*” в тренде, свидетельствует о том, что люди устали от постоянного давления, заставляющего их быть и выглядеть идеально, без усилий совмещать семью, работу и при этом отлично выглядеть».

Пример доказывает, что данный неологизм отражает часть серьезных проблем, с которыми сталкивается современный человек, ведь ему нужно быть «идеальным» во всем. Формулируются эти требования через словосочетания: *unattainable, inhuman ideals, look perfect all the time*. Лексема *effortlessly* (без усилий, легко) говорит о том, что достигать всего этого нужно легко и непринужденно.

Неологизм *dirty wellness* положительно маркирован; он демонстрирует, что не нужно соответствовать чужим требованиям и ожиданиям, а следует быть счастливым, заботиться о себе, воссоединиться с природой, вернуться к своему Я.

«В рамках когнитивной лингвистики метафоре отводится центральная роль в процессе концептуализации действительности. Следует отметить, что значимыми элементами для категоризации и концептуализации окружающего мира, соответствующей лингвокультурной общности, признаны цветоименования в различных языках, обладающие выраженной национально-культурной спецификой» [Козлова, 2010: 3].

Нами были выделены неологизмы с компонентами цветообозначения: *green noise – a mixture of sounds or electrical signals that resembles sounds heard in nature, such as waterfalls or rustling leaves, and is thought to help people to relax* (считается, что звуки или электрические сигналы, которые напоминают звуки природы, такие как шум водопада или шелест листьев, помогают людям расслабиться); *green care – the therapeutic use of nature, especially for people with mental health issues* (использование природы с лечебной целью, особенно для людей с проблемами психического здоровья). Ключевые лексемы данных неологизмов *nature, waterfalls, (rustling) leaves* указывают на непосредственную связь с природой. Колоративный

компонент «зеленый» указывает на любовь к природе, умение взаимодействовать с ней. Благодаря колоративу *green* в имплицитной форме до адресата доносится значительный объем информации.

Связь человека и природы неразрывна. Все неологизмы, проанализированные нами, имеют положительную оценку. Все они номинируют действия, связанные с восстановлением здоровья или его сохранением. Здоровье – витальная ценность.

Также в данную подгруппу нами были включены неонминации описывающие действия, направленные на достижение внутренней гармонии и комфорта, преодоление стрессовых ситуаций. Пути достижения могут быть самыми разными: физические упражнения, место, где можно выплеснуть негативные эмоции, уютный, расслабляющий интерьер, психокоррекция, временный отказ от различных устройств (телефон, компьютер и др.) и пр.

Неологизм *mind gym – a place or club where you can go to do classes and have treatments that improve your mental health* (место или клуб, где вы можете упражняться и улучшать свое психическое здоровье) говорит о благоприятном влиянии ментальных тренировок на психику человека. Реализуется это через следующие ключевые лексемы: *treatment – an instance of treating a patient or medical condition* (лечение пациента или заболевания); *improve – to enhance in value or quality: make better* (повышать ценность или качество: делать лучше), *mental health – feeling comfortable about oneself, positive feelings about others, and the ability to meet the demands of daily life* (чувствовать комфортно себя наедине с собой, иметь позитивные чувства по отношению к другим и быть способным справляться с требованиями повседневной жизни).

Рассмотрим пример использования неологизма в реальном контексте.

When I got an email inviting me to visit London’s first-ever “mind gym”, it’s safe to say I jumped at the opportunity. As someone who writes a lot about mental health and wellbeing, I not only wanted to see what on earth a mind gym actually is but also whether the classes and therapies on offer would make a noticeable difference to how I felt when I went in [Cambridge Dictionary]. – Когда я получил письмо с приглашением

посетить первый в Лондоне «майнд джим», могу смело сказать, что я с радостью воспользовался этой возможностью. Как человек, который много пишет о психическом здоровье и благополучии, я не только хотел увидеть, что на самом деле представляет собой «тренажерный зал для ума», но и то, окажут ли предлагаемые занятия и терапии заметное влияние на мое самочувствие.

В примере автор говорит о своем большом желании познакомиться с программой тренировок: *I jumped at the opportunity, I not only wanted to see...* Это имплицитно указывает на то, что данная деятельность популярна и возможность погрузиться в такую атмосферу ценна для людей.

Гэри Мак написал книгу «Mind Gym: An Athlete's Guide to Inner Excellence» [Мак, 2001: 225]. В книге раскрывается в полной мере смысл неологизма “*mind gym*”: работа со своими мыслями, положительной настрой способны повысить результативность в несколько раз.

Следующий неологизм показывает необходимость выплеснуть негативные эмоции: *rage room – room where people can pay to smash up objects with the aim of feeling less stressed afterwards* (комната, где за определенную плату люди могут разбивать предметы, это помогает снять стресс). Ключевыми лексемами являются: *rage, smash up, less stressed*.

Ранее мы проводили анализ лексемы *rage* и указали, что оценка эмоции «гнев» подверглась пересмотру. Раньше гнев относился к группе антиценностей. Сейчас, в свете последних данных о психическом здоровье, способность разгневаться, выплеснуть эмоции считается полезным действием.

Близкой по смыслу к неологизму *rage room* является неолексема *scream pot – a type of clay pot that you can scream into as a way of releasing negative emotions such as anger and frustration* (глиняный горшок, в который вы можете кричать, чтобы выпустить негативные эмоции, такие как гнев и разочарование). Здесь также отражается идея демонстрации своих эмоций, необходимости избавиться от них. Реализуется это через лексемы: *scream, anger*.

Человек делает свою жизнь комфортной, используя разные способы: *dopamine decor – the trend of using bright colours and patterns when decorating and*

furnishing your home to make you happier and improve your mental health (использование ярких цветов в интерьере дома, чтобы сделать вас счастливее и улучшить психическое здоровье); *wearapy – the activity of wearing particular clothes as a form of therapy, with the clothes chosen to make the wearer feel happy or comforted etc.* (ношение определенной одежды в качестве формы терапии, при этом дается предпочтение одежде, которая обеспечивает человеку ощущение счастья и комфорта); *stealth help – a type of book that uses a story or an account of someone’s experience to inspire its readers to achieve goals and overcome problems* (книги, описывающие жизнь или опыт других людей, вдохновляющие читателей или созданные для помощи в преодолении проблем).

Исследуя неологизмы, мы выделили ключевые лексемы, лексемы-синонимы, присутствующие во всех перечисленных неолексемах: *happy, improve (mental health), overcome problems*. Как видим, все направлено на то, чтобы сделать жизнь комфортнее.

Нами ранее был исследован неологизм *digital dementia*. Неологизм номинирует серьезную проблему современности – негативное влияние чрезмерного использования современных технологий на интеллектуальные способности. Решением проблемы под названием “*digital dementia*” стала практика, номинируемая неологизмом *digital detox – a period in which a person abstains from using electronic devices such as smartphones, usually in an endeavour to lower stress levels and re-engage with the physical world* (период, в течение которого человек воздерживается от использования электронных устройств, таких как смартфоны, обычно в целях снижения уровня стресса и возобновления взаимодействия с физическим миром). Дефиниция лексемы *detox – a program or facility for assisting a person undergoing detoxification from an intoxicating or addictive substance* (программа или учреждение для оказания помощи человеку, проходящему детоксикацию от опьяняющих или вызывающих привыкание веществ) указывает на серьезность проблем: 1) зависимость; 2) комплекс мероприятий, направленный на решение задач.

Рассмотрим использование неологизма в реальном контексте: *“Detoxing from digital devices is often seen as a way to focus on real-life social interactions without distractions. By forgoing digital devices, at least temporarily, people can let go of the stress that stems from constant connectivity [Cherry, 2024]. – «Детоксикация» от цифровых устройств часто рассматривается как способ сосредоточиться на реальном социальном взаимодействии без отвлекающих факторов. Отказавшись от цифровых устройств, по крайней мере временно, люди могут избавиться от стресса, который возникает из-за постоянного использования их.*

В примере подчеркивается важность «живого» общения людей: *real-life social interactions.*

Таким образом, мы знаем, что помимо клубов, где можно упражняться (*mind gym*), снимать стресс, или помещений (*rage room*), где можно рушить все и расслабляться, комфортных интерьеров и удобной одежды, человеку нужен человек, необходимо человеческое тепло, понимание, поддержка. К этому люди идут через действие, номинированное неологизмом *digital detox*, и это еще раз подтверждается неологизмом *vitamin S: social contact with other people, considered to be as good for your health as the vitamins in food* (*общение с другими людьми считается таким же полезным для здоровья, как и витамины в пище*).

Всего в данной группе нами была рассмотрена 101 единица. Неологизмы разделены на подгруппы: 1) номинирующие явление «стресс»; 2) описывающие попытки нивелировать его последствия. При анализе обращает на себя внимание природоориентированность, ориентированность личности на себя (Я есть) и на окружающих людей. Через призму неологизмов мы видим мировоззрение современного человека, его ценностно-ориентационный вектор, а бурный неогенез является показателем динамики процесса.

2.2.2 Неологизмы, характеризующие фобические расстройства

Отдельную категорию медицинской лексики составляют неологизмы, репрезентирующие фобические расстройства личности. Нами был проанализирован 61 неологизм.

Ковид-19 изменил жизнь и мышление человечества, обрушившись на него словно стихийное бедствие. Коронеологизмы являются репрезентацией речемыслительных процессов «эпохи Ковид». Тревоги и страхи, ассоциированные с Ковид-19 или последствиями, локдауном отражены через неологизмы *coronasomnia, re-entry anxiety, home separation anxiety, vaccine envy* и др.

Данные неологизмы номинируют проблемы, вызванные Ковид-19: *coronasomnia – the condition of being unable to sleep because of anxiety related to the coronavirus pandemic (состояние невозможности заснуть из-за тревоги, связанной с пандемией коронавируса); home separation anxiety – a feeling of worry and fear about being away from home, especially as a reaction to having spent so much time at home during lockdown (беспокойство, страх по поводу того, что вы находитесь вдали от дома, особенно после длительного пребывания дома, например, локдауна); re-entry anxiety – a feeling of stress or worry about returning to normal life after the restrictions caused by COVID-19 (стресс или беспокойство из-за возвращения к нормальной жизни после ограничений, вызванных Ковид-19).*

Список коронеологизмов обширен и все они имеют отрицательную оценку. Ключевыми лексемами являются *anxiety, worry, fear, stress*. Дефиниционный анализ продемонстрировал следующие результаты: *worry – a strong feeling of anxiety (сильное чувство тревоги), stress – a worried or nervous feeling that stops you relaxing, caused, for example, by pressure at work or financial or personal problems (чувство беспокойства или тревоги, которое мешает вам расслабиться, вызванное, например, давлением на работе или финансовыми или личными проблемами); fear – an unpleasant often strong emotion caused by anticipation or awareness of danger (неприятная, часто сильная эмоция, вызванная ожиданием или осознанием опасности).* Очевиден тот факт, что страх – отрицательная эмоция.

Рассмотрим пример использования некоторых неолексем в реальном контексте: “*More than two-thirds of those working from home are scared about*

returning to society – this is how to make the transition easier” [Slack, 2024] – «*Более двух третей работающих из дома боятся возвращаться в общество – как облегчить переход*». Анализируя пример, понимаем, как Ковид-19 серьезно повлиял на психику людей, цифры свидетельствуют об этом – “*more than two-thirds*”.

Список страхов современного человека велик. Одним из тех, что преследуют людей во все времена, был и остается страх потери внешней красоты. Неологизм *obesophobia – fear of gaining weight* (*страх набрать вес*) можем считать одним из аспектов номинации этого страха.

Obesophobia is the extreme, irrational and overwhelming fear of gaining weight or getting fat. Also known as pocrescophobia, obesophobia is a type of specific phobia which is characterised by an enduring, overwhelming and irrational fear of a specific object, situation, place or person; in this case, an extreme fear of gaining weight. It is also frequently categorised as a type of anxiety disorder or eating disorder [Murphy, 2023].

Обесофобия – это сильный, иррациональный и подавляющий страх набрать вес или стать толстым. Также известная как покрескофобия, обесофобия – это тип специфической фобии, которая характеризуется стойким, подавляющим и иррациональным страхом определенного объекта, ситуации, места или человека; в данном случае – крайним страхом набрать вес. Ее также часто относят к типу тревожного расстройства или расстройства пищевого поведения.

Через данный пример передается вся серьезность ситуации. Выражается это лексемами *extreme, irrational, overwhelming, fear, disorder*. В данном примере интенсификаторы семантики *extreme, overwhelming* придают дополнительный эмоциональный заряд смыслу неологизма.

Лексема *irrational – lacking usual or normal mental clarity or coherence* (*отсутствие ясности ума*) показывает, что надуманный страх, – это ложная тревога, оказывающая отрицательное влияние на жизнь человека.

Чувства и тревогу пациентов с серьезными патологиями передает неологизм *scanxiety – mental distress felt while awaiting the results of a medical test, particularly*

an MRI or CT scan (психологический стресс, испытываемый в ожидании результатов медицинского обследования, особенно МРТ или КТ).

Неологизм образован при слиянии лексем *scan* + *anxiety* (*an abnormal and overwhelming sense of apprehension and fear – ненормальное и непреодолимое чувство тревоги и страха*).

Лексема *awaiting* ассоциируется с такими понятиями, как оценка ситуации, прогнозирование. В данной неоминации это ожидание связано с чувством страха и тревоги.

Пример использования неологизма демонстрирует, какой группе пациентов этот страх свойственен особенно: *“Anxiety touches everyone at some point in time or the other. Usually, anxiety comes and goes as casual situations arise or are resolved. However, anxiety experienced by cancer patients stays for long. Scanxiety is a word that is associated with cancer patients and their anxiety» [Mental health]. – «Тревога касается каждого в тот или иной момент. Обычно тревога приходит и уходит, когда возникают или разрешаются случайные ситуации. Однако тревога, испытываемая онкологическими больными, остается надолго. “Сканкзайэти” – это слово, которое ассоциируется с онкологическими больными и их тревогой».*

В примере четко указывается, что страх и тревога онкобольных особенно выражена и является их «спутником жизни»: *stays for long*.

Нами был проведен анализ неолексем, номинирующих страхи. Все неологизмы данной группы имеют отрицательную оценку. В основе их образования лежит страх, тревога, ожидание чего-то опасного, непоправимого и разрушительного.

2.2.3 Неологизмы медицинского дискурса, характеризующие зависимость от алкоголя

В данную подгруппу включены англоязычные неологизмы медицинского дискурса, характеризующие зависимость от алкоголя и наркотических веществ.

Появление большого количества неологизмов, отражающих различного рода зависимости, демонстрирует распространенность данной проблемы.

Исследуемые неологизмы описывают степень опьянения и уровень интоксикации организма: *behoozled – extremely high inebriation due to consumption of gross amount of alcohol. Speaker needed to describe a condition of severe drunkenness* (сильное опьянение из-за употребления большого количества алкоголя. Говорящему необходимо было описать состояние сильного опьянения). Ключевой лексемой является *drunkenness – given to habitual excessive use of alcohol* (подвержены регулярному чрезмерному употреблению алкоголя). Интенсификаторы семантики *extremely, high, severe* усиливают эмоциональный заряд.

Список неологизмов, номинирующих алкогольное опьянение, продолжает неолексема *bellige – being very loud and aggressive whilst intoxicated; belligerent, especially in the context of being drunk* (быть очень шумным и агрессивным в состоянии алкогольного опьянения; агрессивный, особенно в состоянии алкогольного опьянения).

Ключевыми лексемами являются *aggressive, intoxicated*. Анализ лексем продемонстрировал следующие результаты: *aggressive – ready and willing to fight, argue; feeling or showing aggression* (готовый вступить в драку, спорить, проявлять агрессию); *intoxicated – affected by alcohol or drugs especially to the point where physical and mental control is markedly diminished* (состояние, вызванное приемом алкоголя или наркотиков, при котором физический и умственный контроль заметно снижается).

Считается, что неологизм *bellige* образован сокращением (shortening) лексемы *belligerent* – воинственный, агрессивный. Враждебность, агрессивность – это антиценности. В дефиниции неологизма *bellige* присутствует интенсификатор семантики *very*, усиливающий семантику лексем *loud, aggressive*.

Состояние алкогольного опьянения также номинируется посредством следующих неологизмов: *drunkorexia – a dangerous condition in which a one starves themselves for a short period in order to avoid excessive calorie intake from drinking at a party, leading to a faster intoxication* (опасное состояние, при котором человек

морит себя голодом в течение короткого периода времени, чтобы избежать профицита калорий, так как планирует употребить алкоголь. Но это приводит к быстрому опьянению); hammered – intoxicated through excessive consumption of alcoholic beverages, often resulting in impaired memory and general loss of coherent thought (нарушение памяти и способность логически мыслить вследствие употребления большого количества алкоголя); shiftfaced – the quality of being extremely intoxicated by alcohol, being very intensely drunk from alcohol (состояние тяжелого опьянения); slizzard – a state of alcoholic intoxication (состояние алкогольного опьянения); zooted – extremely dysfunctional due to the use of alcohol or drugs, high and/or drunk to the point of being barely able to think (находящийся под воздействием наркотиков или пьяный до такой степени, что едва способен думать).

Все указанные неологизмы были объединены нами по двум причинам: 1) имеют отрицательную оценку; 2) номинируют состояние сильного алкогольного опьянения.

При семантическом анализе были выделены ключевые лексемы *intoxicated, dangerous, dysfunctional*.

Анализ продемонстрировал следующие результаты: *intoxicated – affected by alcohol or drugs especially to the point where physical and mental control is markedly diminished (состояние, вызванное приемом алкоголя или наркотиков, при котором физический и умственный контроль заметно снижается); dangerous – possible injury, pain, harm, or loss (возможность получить травму, испытать боль или потерять что-то); dysfunctional – abnormal functioning (неправильное функционирование)*. Данные лексемы указывают на отклонение от нормы из-за приема алкогольных и наркотических веществ.

При анализе также обращают на себя внимание интенсификаторы: *extremely – being far beyond the norm (выходить за рамки нормы), high – of greater degree (в высшей степени), very – extremely (чрезвычайно), extreme – the greatest or highest degree (высшая степень), excessive – exceeding a normal, usual, reasonable, or proper limit (превышение нормального, обычного, разумного или должного*

предела). Используя данные интенсификаторы, носитель усиливает речевое намерение.

Всего нами было исследовано 54 неологизма, номинирующих алкогольную зависимость. Анализ англоязычных неологизмов медицинского дискурса, характеризующих зависимость от алкогольных веществ, позволил сделать вывод, что все неологизмы имеют отрицательную оценочную маркированность. Подтверждают это выявленные в ходе анализа компоненты интенсификации, эмоциональная лексика с негативной коннотацией, лексемы, характеризующие негативные последствия применения алкогольных веществ.

Исследование аксиологической маркированности лексики психиатрии позволило сделать следующие выводы: 1) прирост неологизмов говорит о масштабности проблемы; 2) наличие свободы в обществе приводит к отсутствию страха говорить о психических расстройствах и зависимостях; 3) положительная маркированность характерна для неологизмов, номинирующих витальные ценности: здоровье, свободу, любовь; 4) отрицательная оценка свойственна подавляющему большинству неологизмов лексики психиатрии (72%); 5) положительная оценка (25%) неолексикой отмечается при номинации способов борьбы со стрессом (таблица 1).

Англоязычные неологизмы	Положительная оценка, % (ед.)	Отрицательная оценка, % (ед.)	Нейтральная оценка, % (ед.)
Характеризующие стресс	11 (6)	76 (40)	13 (7)
Характеризующие способы борьбы со стрессом	100 (48)	–	–
Характеризующие фобические расстройства	–	100 (61)	–
Характеризующие зависимость от алкоголя	–	100 (54)	–

Таблица 1 – Аксиологическая маркированность лексики психиатрии

2.3 Англоязычные неологизмы медицинского дискурса, характеризующие физиологические, психологические, социальные аспекты старения организма

Геронтология – это наука, которая изучает психологические, биологические, социальные аспекты старения человека. «Согласно существующему в науке мнению, жизнь человека представляет собой не просто движение вперед от расцвета к закату, от рождения к смерти, но и движение вверх, к высшим, более совершенным формам, к человеческому совершенству (этическому, социальному, психологическому). Таким образом, говоря о геронтологическом преобразовании личности, мы имеем в виду “возрастное преобразование” как развитие, связанное с последовательной сменой этапов существования говорящего индивидуума» [Бахмет, 2006: 7].

Определение геронтологии, в полной мере дает представление о широте аспектов геронтологического дискурса. В лингвистическом поле интердискурсивный характер геронтологического дискурса показывает тесную связь геронтологии с разнообразными областями. Геронтологический дискурс имеет тесную связь с медицинским, биологическим, политическим, экономическим, литературным, философским, гендерным и психологическим дискурсами.

Развитие медицины способствует увеличению продолжительности жизни, и, как следствие, массовое старение населения становится актуальным вызовом современности. Хотя считается, что «первые попытки научного осмысления проблемы старения относятся к концу XIX в., когда пионерами геронтологического знания стали биология и медицина, надолго утвердившие естественнонаучный взгляд на рассмотрение природы этого феномена» [Пашина, 2021: 101], нельзя не упомянуть о Цицероне.

Марк Туллий Цицерон написал философские трактаты «О старости (Катон Старший)» [Марк Туллий Цицерон (Катон Старший), 1993]. На момент написания ему было 62 года. В своем труде он отмечает, что старость не обязательно ведет к

дрялости и не означает бездействие. Сильные духом, опытные, знающие пожилые люди могут быть полезны обществу и жить полной жизнью, как молодые. Автор отмечает, что слабым, безынициативным можно быть в любом возрасте из-за проблем со здоровьем. Тем самым он отрицает стереотипное негативное отношение к старению.

Позиция автора представляет особый интерес в контексте современного «эйджисского умонастроения», когда происходит сегрегация общества по возрастному признаку, стигматизация, вводится возрастной ценз при приеме на работу и т.д. В наше время «запрещено» стареть.

Косвенным лингвистическим подтверждением этого является стремительный неогенез в косметологическом (дерматологическом) и хирургическом дискурсе (пластическая хирургия), в психологическом дискурсе – неприятие себя и естественных изменений. Анализ англоязычных неологизмов медицинского дискурса, характеризующих процесс старения организма, позволяет нам оценить ценностную, эстетическую, психологическую картины мира носителя. Но прежде необходимо привести возрастную классификацию Всемирной организации здравоохранения, так как в неологизмах указываются цифры:

- 1) молодой возраст: 18–44;
- 2) средний возраст: 45–59;
- 3) пожилой возраст: 60–74;
- 4) старческий возраст: 75–90;
- 5) долголетие – 90+.

Всего нами в рамках данной подгруппы было проанализировано 128 неологизмов.

2.3.1 Неологизмы, определяющие широту понятий «геронтология» и «геронтологический дискурс»

Психические болезни, онкологические заболевания, болезни сердечно-сосудистой системы, сахарный диабет – это лишь часть заболеваний, связанных с возрастом. Частота данных заболеваний возрастает экспоненциально с годами.

Есть разные аспекты здоровья: психический, физический. Многообразие вопросов геронтологии демонстрируют следующие неологизмы: *geriatrician* – a doctor who is trained to meet the special health issues of older people (врач, занимающийся лечением пожилых людей); *geroscience* – the study of the relationship between aging and age-related diseases (изучение связи между старением и возраст-ассоциированными заболеваниями).

При семантическом анализе привлекают к себе внимание лексемы: *special* (health issues), *older* (people), *age-related diseases*. *Special* – being other than the usual (отличаться от обычного). *Special* эксплицитно указывает, что данный врач имеет дело с особой категорией людей, он должен обладать особыми знаниями и навыками общения с ними.

Воспаление является причиной большого количества заболеваний: *inflammageing* – a quickening of the ageing process caused by inflammation in the body (ускорение процесса старения в организме, вызванное воспалением). Рассмотрим ключевые лексемы данной единицы: *quickening* – to make more rapid (сделать более быстрым); *inflammation* – a local response to cellular injury that is marked by capillary dilatation, leukocytic infiltration, redness, heat, and pain and that serves as a mechanism initiating the elimination of noxious agents and of damaged tissue (локальная реакция на повреждение клеток, которая характеризуется расширением капилляров, лейкоцитарной инфильтрацией, покраснением, жаром и болью и которая служит механизмом, иницирующим устранение вредных агентов и поврежденной ткани). Термин *inflammageing* ввел геронтолог с мировым именем Клаудио Франчески. Неологизм, образованный слиянием *inflammation* + *ageing*, обозначает связь старения и воспаления.

Zombie cell – a cell that is damaged and can no longer multiply but remains in the body and can cause age-related disease (клетка, которая повреждена и больше не может делиться, но остается в организме и может вызывать возрастные

заболевания). Некоторые ученые уверены, что именно эти клетки являются главной причиной старения организма. *Zombie – a person held to resemble the so-called walking dead (человек, похожий на так называемого ходячего мертвеца).*

Вместе с биологами, геронтологами, врачами общей практики вопросами старения и предотвращения его занимаются специалисты, род деятельности которых обозначается как: *Life extensionist – someone who tries to find ways of making people live longer to the point when they become immortal. A life extensionist indicates an individual primarily interested in slowing aging and extending life spans through relatively conventional means (специалист, который пытается найти способы продлить человеческую жизнь, вплоть до бессмертия).* Ключевыми лексемами являются: *immortal – exempt from death (бессмертный); extend – to spread or stretch forth (распространяться или растягиваться); primarily (interested in slowing aging) – in the first place (прежде всего).* Неологизм полностью отражает смелые стремления ученых не только продлить жизнь, но и достичь бессмертия.

Сложно судить об оценке данного неологизма: на первый взгляд он нейтрально, возможно, даже положительно маркированный, при более глубоком анализе складывается кардинально иное мнение, соответственно, оценка. Неологизм описывает желание совершить немислимое – нарушить законы природы и получить невозможное – вечную жизнь. Человечеством всегда порицалось желание встать на место Бога. Этот неологизм не только затрагивает вопросы биологического аспекта старения, но и выражает необходимость философского осмысления процесса старения: зачем человеку бессмертие и к чему оно приведет.

В процессе старения организма когнитивные функции снижаются. Степень выраженности когнитивных нарушений может варьировать от легких форм и до деменции.

Психологические особенности личности, возраст-ассоциированные нарушения психического статуса – это вопросы не только уровня здравоохранения, но государства, общества в целом.

О когнитивных проблемах говорит неологизм: *dementia tax – an informal name for the proposals on social care put forward by the UK Conservative party in the 2017* (неформальное название предложений по социальной помощи, выдвинутое в Великобритании консервативной партией на всеобщих выборах 2017 г.).

Дефиниционный анализ дал следующие результаты: *dementia – usually progressive condition (such as Alzheimer's disease) marked by the development of multiple cognitive deficits (such as memory impairment, aphasia, and the inability to plan and initiate complex behavior)* обычно прогрессирующее состояние (например, болезнь Альцгеймера), характеризующееся развитием множественных когнитивных нарушений (таких как ухудшение памяти, афазия и нарушение поведения); *cognitive – involving conscious intellectual activity (such as thinking, reasoning, or remembering)* включающая сознательную интеллектуальную деятельность (например, мышление, рассуждение или запоминание); *decline – to tend toward an inferior state or weaker condition* (иметь тенденцию к ухудшению состояния).

Следующие неологизмы призваны еще раз подчеркнуть разнообразие вопросов гериатрии: *deafies – a group of people that are deaf* (группа глухих людей); *EMS – summon emergency health services due to a person's poor physical state* (вызвать скорую медицинскую помощь в связи с плохим физическим состоянием человека); *the sugar – slang for diabetes* (сленг для обозначения сахарного диабета); *psychoneuroimmunology – study of how the nervous system, immune system and emotions interact* (изучение того, как взаимодействуют нервная система, иммунная система и эмоции).

Описанные неологизмы, относящиеся к данной подгруппе, демонстрируют объединяют в себе гериатрии всех областей медицины: оториноларингологии, эндокринологии, неврологии, иммунологии и др.

Еще одним неологизмом, наглядно показывающим многоаспектность геронтологического дискурса, отсутствие корректности номинации возраста является *geriatric millennial – someone born between the years 1980 and 1985* (человек, рожденный между 1980 и 1985 гг.).

Рассмотрим пример из реального контекста: “*Basically, a geriatric millennials can navigate modern technology like a pro, but can also excel in the “old” ways of communicating*” [Shennan, 2024] – «*Пожилые миллениалы могут ориентироваться в современных технологиях как профессионалы, но также могут использовать “старые” способы общения*».

Несмотря на положительную коннотацию – гибкость ума, работоспособность, исполнительность, активную жизненную позицию, связующее звено между различными поколениями – неологизм отражает недостаток осведомленности носителя языка о психологических особенностях адресата, о дефиниции слова *geriatric* – *an aged person* (*пожилой человек*). Также это можно расценивать как дискриминацию по возрасту. Активная негативная реакция в социальных сетях миллениалов указанной возрастной группы подтверждает сказанное.

Раскрывая многоаспектность медицинского дискурса, следует подчеркнуть роль литературы, изобразительного искусства, кино в жизни пожилых людей. Например, терапия искусством (арт-терапия), музыкотерапия успешно применяются и приносят свои плоды в неврологии, психиатрии.

Coming-of-old – referring to a book or literary genre that focuses on the growth of a main character as they enter old age (*относится к книге или литературному жанру, в котором основное внимание уделяется росту главного героя по мере его старения*); *gran-lit* – literature that appeals to older women (*литература, которая нравится пожилым женщинам*); *geriaction* – an action movie genre that features aging actors in the lead roles (*боевик, в котором главные роли исполняют пожилые актеры*). Возрастное состояние реализуется через следующие выражения и лексемы: *growth, enter old age*.

При анализе неологизмов мы можем отмечать наличие гендерного дискурса: *gran-lit* – литература для бабушек. Создателем данного жанра стала Хилари Бойд. Она пишет о том, что кроме заботы о внуках и детях в жизни зрелой женщины есть место для увлечений и любовных переживаний.

Таким образом, мы видим здесь элементы кинодискурса, литературного и гендерного дискурсов.

Нами уже указывалось, что под термином «медицинский дискурс» подразумевается многообразие дискурсов различных областей медицины: гастроэнтерологический, психиатрический, хирургический, косметологический (дерматологический), инфекционный, неврологический и др. Всего нами по теме «Неологизмы, определяющие широту понятия “геронтология” и “геронтологический дискурс”» было изучено 23 неологизма.

Являясь вербальной репрезентацией речемыслительной активности носителя языка, неологизмы дают возможность увидеть ценностную картину мира. Некоторые неолексемы (*например, life extensionist*) могут поставить под сомнение даже абсолютную, витальную ценность – жизнь, при вероятности перехода ее в непостижимое нами явление – «бессмертие».

2.3.2 Неологизмы, характеризующие средний и пожилой возраст преимущественно с положительной оценкой

Неологизмы, касающиеся вопросов геронтологии, можно разделить на подгруппы.

В первую подгруппу включены неологизмы, характеризующие средний и пожилой возраст преимущественно с положительной оценкой. Нами было проанализировано 42 неологизма.

Quintastic – a very glamorous and youthful (usually celebrity) fifty-year old (очень гламурный и молодой (обычно знаменитость) пятидесятилетний человек). Неологизм образован при помощи слияния префикса *quin-* и *fantastic*. Префикс *quin* указывает на число пять (с лат. *quinque*) – *fifty-year old*. В своей номинации *quintastic* показывает, что человек прекрасно выглядит (*glamorous*) и чувствует себя (*youthful*). Мы считаем, что неологизм имеет положительную коннотацию. Ключевые лексемы (*glamorous – excitingly attractive (невероятно*

привлекательный); *youthful* – *being young* (быть молодым)) создают образ яркого, здорового, энергичного человека.

Неологизм MAMIL (МАМИЛ) – *abbreviation for middle-aged man in lycra: a man who takes up cycling in middle age, especially one who rides an expensive bike and spends a lot of money on clothing, accessories and so on* (аббревиатура, обозначающая мужчину средних лет, который носит лайкру: мужчину, который занимается велоспортом в среднем возрасте, особенно тот, кто ездит на дорогом велосипеде и тратит много денег на одежду, аксессуары и т. д.) также обладает положительной коннотацией. Он обозначает лиц успешных, уверенных в себе, дисциплинированных. Вот что пишут о МАМИЛ: “*Richard’s transformation into a MAMIL began five years ago when, to get fit, he bought a road bike. At first, he wore a sensible pair of shorts and a loose-fitting jersey. But then the buying began in earnest. New wheels (the old ones were slowing him down, apparently), a pair of cycling shoes, then another pair, then a ‘quicker’ helmet, then a personal trainer to help him shed the pounds and improve his ‘power to weight ratio’*” [Cambridge Dictionary]. – «Преобразование Ричарда в МАМИЛ началось пять лет назад, когда, чтобы быть в форме, он купил дорожный велосипед. Сначала он носил практичные шорты и свободную майку. Но потом покупки стали более серьезными. Новые колеса (старые, судя по всему, его замедляли), пара велотуфель, затем еще одна пара, затем “более быстрый” шлем, затем персональный тренер, который помог ему сбросить лишние килограммы и улучшить “соотношение мощности к весу”». На первый взгляд может показаться, что это уничижительный термин – *man in lycra*, но в примере из прессы видно, что здесь делается акцент на сброс лишнего веса, заботу о здоровье, пребывание на свежем воздухе. Совокупность условий (хороший велосипед, дорогая экипировка) отвлекают от главного – дисциплины, хорошего настроения, физического и психического здоровья.

Бурно развивающаяся медицина, увеличение продолжительности жизни, положительные стороны глобальной диджитализации (обмен полезной информацией) позволяют не бояться приближающейся старости, а наслаждаться ею без постоянной оглядки на возраст в паспорте. Яркими примерами неологизмов

с положительной коннотацией являются: *grey gapper*, *the Elastic Generation*, *soft saving*. Данные неологизмы описывают активную жизнь людей зрелого и пожилого возраста, широкий круг их интересов, желание развиваться, пользоваться благами жизни. *Grey gapper* – *a person of retirement age who takes a year out of their normal life to go travelling* (человек пенсионного возраста, который берет год, чтобы отправиться в путешествие); *queenager* – *a woman of middle age or older who leads a busy life, dresses stylishly and enjoys having fun* (женщина среднего возраста и старше, которая ведет насыщенную жизнь, стильно одевается и любит веселиться); *the Elastic Generation* – *the group of women aged between 50 and 70 who are well off and have a broad range of interests, seen by the advertising industry as consumers who are likely to spend a lot of money on products, travel etc.* (группа женщин в возрасте от 50 до 70 лет, которые обеспечены и имеют широкий круг интересов; рекламная индустрия рассматривает их как потребителей, которые, вероятно, потратят много денег на продукты, путешествия); *soft saving* – *the activity of saving less money for the future and spending more now to enjoy a better quality of life* (стремление откладывать меньше денег на будущее и тратить больше сейчас, чтобы наслаждаться жизнью); *silver striver* – *someone who continues to work after they have passed the typical retirement age* (человек, который продолжает работать после достижения пенсионного возраста).

Анализируя данные неологизмы, необходимо отметить, что среди них есть лексемы, которые передают этапы жизни человека (*retirement age*, *aged between 50 and 70*, *older*) и лексемы, отражающие особенности жизни, интересы, философию зрелых и пожилых: *to enjoy (a better quality of life)*, *broad range (of interests)*, *to go travelling*, *busy life*, *enjoys having fun*, *continues to work*. Таким образом, в сознании людей создается образ независимого, серьезного, умного, опытного зрелого и пожилого человека.

Рассуждая об опыте, уме, следует выделить неологизм *grey gapper*. Через колоратив *grey* создается имплицитный образ зрелого человека. В данном контексте синонимом *grey* является *silver (silver striver)*. Лексема *silver*

используется для цветообозначения – цвет седины. Седина всегда считалась признаком мудрости и силы, знания и жизненного опыта.

Анализ неологизмов с положительной коннотацией продолжим, рассматривая неологизм *blue zone thinking – a way of treating old people that sees them as an important part of society and encourages them to remain healthy and active* (отношение к пожилыми людям, при котором они чувствуют себя важной частью общества; это мотивирует их следить за своим здоровьем и оставаться активными как можно дольше).

Рассмотрим этот пример в реальном контексте: *“The best retirement home I’ve seen wasn’t a retirement home at all — it was an integrated living block in Austria, in which people of all ages lived together, with medical and care centres located on the ground floor, next to the children’s nursery. Homes could be adapted as your needs changed, there were restaurants, shops and clubs for all. This tallies with “blue zone thinking”, in which older people are integrated into society rather than put out to pasture”*. [Cambridge Dictionary]. – «Лучший дом престарелых, который я видел, был вовсе не домом престарелых — это был интегрированный жилой блок в Австрии, в котором люди всех возрастов жили вместе, там были медицинскими центр, расположенный на первом этаже, рядом детский сад. Дома можно было адаптировать по мере изменения потребностей, там были рестораны, магазины и клубы для всех. Пожилые люди интегрируются в общество, а не отдаляются от него».

Колоратив *blue* символизирует интеллект и работу над собой, самосовершенствование, чистоту. Неологизм *blue zone thinking* является имплицитной репрезентацией речемыслительной деятельности развитого, гуманного общества.

С.Ф. Анисимов в своей книге «Введение в аксиологию» рассуждает о том, что в общее родовое понятие «ценность» включаются добро, красота, справедливость, святость, правомерность, знание. Их антиподы: невежество, несправедливость, беззаконие, зло, безобразие, грех, неправильность включаются в понятие «антиценность» [Анисимов, 2001: 9].

«Когда аксиолог говорит о значении-ценности, то имеет в виду не сам предмет, а ту роль, которую он играет или может играть в жизнедеятельности человека, субъекта деятельности с точки зрения потребностей, интересов, целей» [Анисимов, 2001: 65].

Таким образом, мы приходим к выводу, что неологизмы зрелых и пожилых людей отражают динамические изменения в здравоохранении, в психологическом, философском и социальном осмыслении старения. Стереотипные представления о старости как об «осени жизни, дряхлости» уступают место более прогрессивным: интеграции пожилых в общественную жизнь, мотивации жить полной жизнью.

Исходя из определений «ценность» и «антиценность», можно утверждать, что все указанные неологизмы называют явления, которые допустимо включить в понятие «ценность»: здоровье, гармония, любовь, забота окружающих.

2.3.3 Неологизмы, характеризующие психологические и эстетические аспекты старения

Когда речь идет о молодости, то подразумевается психологическая молодость и молодость внешняя.

Психологическая молодость – это состояние радости, легкости; желание жить, развиваться, идти вперед, достигать новых целей без фиксации на биологическом возрасте.

В наше время «правильное старение» – это способность оставаться молодым и активным как можно дольше.

Неприятие себя, своего возраста является основанием для генезиса большого пула неологизмов. Всего нами было проанализировано 37 неологизмов, характеризующих психологические и эстетические аспекты старения.

Down-ageing – the practice of pretending that you are younger than you are (притворяться моложе, чем ты есть на самом деле). В значении данного неологизма обращают на себя внимание лексемы *pretending – to give a false*

appearance of being, possessing, or performing (создать ложную видимость существования, обладания или выполнения); *down* – *direction that is the opposite of up* (направление, противоположное направлению вверх). Через неологизм демонстрируется популярная позиция многих людей «казаться, а не быть». Как правило, речь идет о тех, кто не принимает себя и происходящие перемены.

Ту же мысль и проблему отражают неологизмы *midult* – *someone, especially a woman, in the middle stage of adulthood who has interests more associated with those of younger people* (люди среднего возраста, особенно женщины, интересы которых больше совпадают с интересами молодых); *perennial* – *a middle-aged woman whose behaviour, interests and attitudes are traditionally thought to be those of younger women* (женщина средних лет, чье поведение, интересы и взгляды традиционно считаются поведением, интересами и взглядами более молодых женщин) и *manfant* – *an adult male who behaves like a young child* (взрослый мужчина, который ведет себя как маленький ребенок).

Описанные неологизмы характеризуют людей среднего возраста, зрелых, чьи интересы совпадают с интересами более молодых или вовсе детей.

Неологизм *manfant* был обнаружен в электронной версии газеты *The Guardian*. В статье неологизм создает эффект сарказма, т.е. автор статьи относится с пренебрежением к поведению Трампа. В данном случае неологизм *manfant* характеризует позицию президента, так как, с одной стороны, он является взрослым мужчиной со сформировавшимися взглядами на мир, а с другой – ведет себя словно безответственный и безрассудный ребенок: *Once the baby man was a figure to be mocked. Now, manfants such as Donald Trump are taking over* [The Guardian, 2024]. – «Когда-то инфантильный мужчина был предметом насмешек. теперь власть захватывают такие мужчины, как Дональд Трамп».

Приведенные примеры обладают преимущественно отрицательной коннотацией. Самообман, ложь – это антиценности.

К положительным номинациям мы относим неологизмы, обозначающие удовлетворительные когнитивные, физические способности пожилых людей: *superager* – *an elderly person who exhibits little cognitive decline* (пожилой человек, у

которого наблюдается незначительное снижение когнитивных функций).
Дефиниция данной лексики четко указывает на преклонный возраст персоналии (*an elderly person*), префикс *super-* показывает превосходство, тем самым выделяя группу пожилых людей с хорошими когнитивными способностями.

Итак, описанные неологизмы отражают, что стресс перемен, связанный со страхом приближающейся старости, заставляет некоторых людей изменять свое поведение. Словосочетание «казаться, а не быть» отлично отображает данную ситуацию, тем самым подчеркивая ее негативную коннотацию. Становится ясно, почему необходим философский подход к осмыслению старости. Предвзятое, некомпетентное отношение к этому явлению, непонимание процесса старения, искажение действительности не отменяет биологический процесс старения организма с характерными для него функциональными дефицитами.

Переменам подвергаются не только поведение, манеры, но и внешность. «Геронтофобия связана со сверхценностью внешнего облика и молодости. При геронтофобии наблюдается гипертрофированная забота о физическом здоровье и внешности, чрезмерная увлеченность *anti-age* процедурами, панические атаки и другие психоэмоциональные проблемы» [Савченко, 2024].

Неправильно говорить, что борьба за молодость – новое явление в обществе. Сюжеты многих сказок об омоложении, о трансформации в физически более привлекательного персонажа, затрагивают и мужчин, и женщин. В русских народных сказках это живая вода, молодильные яблоки, кипящее молоко и т.д.

Рассмотрим неологизмы, номинирующие процедуры для сохранения молодости: *youth transplant – a way of making people age more slowly by injecting them with chemicals that are the same as those found in the bodies of young people* (способ замедления старения путём введения в организм биоматериала, идентичного тому, который можно найти в молодом организме).

Учитывая контекст, мы можем предположить, что неологизм обладает положительной коннотацией. В самой номинации уже содержится ценностный компонент *youth*. Молодость всегда ассоциируется с красотой, здоровьем, благополучием, это период «цветения» человека. Но, на наш взгляд, данный

неологизм нельзя рассматривать только с точки зрения эстетической медицины. Он требует психологического и философского осмысления. Для группы людей, которые поддерживают свою молодость любыми доступными средствами, ключевыми лексемами будут *youth, a way of making people age more slowly*, соответственно, неолексема будет обладать положительной коннотацией. Внимание людей, которые предпочитают естественную красоту, в неологизме *youth transplant* будут привлекать лексемы *injecting, chemicals*. Это агрессивное вмешательство в организм, что подтверждается следующими лексемами: *injecting – to introduce into something forcefully (насилно вводить во что-либо); chemical – substance obtained by a chemical process or producing a chemical effect (вещество, полученное химическим путем или вызывающее химический эффект)*. Лексема *forcefully* подчеркивает агрессивность процесса. Агрессия, насилие – это антиценности.

На наш взгляд, спорность и неоднозначность неологизма подтверждается примером из прессы: *“Science is beginning to discover that “youth transplants” really can slow down the ageing process. The fountain of youth, it seems, is youth itself. Although nobody is suggesting we siphon the bodily fluids of youngsters into our elderly, it opens the door to artificially replicating the cocktail of chemicals found in young people. Young people have more powerful cells which operate more efficiently and could restore vitality to ageing systems”*. [Telegraph.co.uk,]. – «Наука приходит к выводу, что может замедлить процесс старения. Источник молодости, кажется, и есть сама молодость. Хотя никто не предлагает нам переливать физиологические жидкости молодых людей в пожилых, это позволит нам искусственно воспроизвести комплекс химических веществ, обнаруженных у молодых людей. У молодых людей более мощные клетки, которые работают эффективнее и могут восстановить жизненную силу стареющих систем». Создается впечатление противоестественности, нарушения правил существования живого, использования молодых в качестве донора для пожилых, хотя нет угрозы жизни для вторых.

Продолжим анализировать неологизмы, номинирующие эстетические процедуры: *prejuvenation – the act or process of using cosmetic procedures on someone*

who is still young to prevent them from looking older later (применение косметических процедур для молодых людей, чтобы они не выглядели старше в будущем); vampire face – a cosmetic procedure involving an injection of platelets from your own blood to encourage collagen production (косметическая процедура, при которой делаются инъекции плазмы обогащенной тромбоцитами, взятых из вашей крови; стимулируется выработка коллагена); vampire filler – a product using platelets from a person's blood, used for cosmetic procedures to encourage collagen production and smooth wrinkles (используется насыщенная тромбоцитами плазма для стимулирования выработки коллагена и разглаживания морщин).

Ключевыми лексемами являются следующие: *to prevent (them from looking older later), to encourage (collagen production), smooth wrinkles, the act or process of using cosmetic procedures*. Как можно понять из дефиниционного анализа (*to prevent – to keep from happening or existing (не допустить, чтобы что-то произошло); to encourage – someone is to give them support, confidence, or hope, often to motivate them to do something (кто-то оказывает поддержку, вселяет уверенность или надежду, часто мотивирует на какие-то действия)*), процедуры направлены на то, чтобы помогать организму поддерживать свою красоту и молодость. Роль эмоционального компонента, интенсификации семантики берет на себя лексема *vampire – the reanimated body of a dead person believed to come from the grave at night (ожившее тело умершего, предположительно вышедшее из могилы ночью)*. Тема вампиризма в культуре имеет многовековую историю. Отсылка к вампирам, на наш взгляд, – это надежный способ привлечения внимания к процедуре.

Таким образом, анализ неологизмов, характеризующих психологические и эстетические аспекты старения, позволил сделать следующие выводы: проблема психического здоровья актуальна не только для каждого индивидуума и отдельной семьи, но и для общества в целом. Психическое здоровье – один из факторов, который позволяет человеку реализовать свой потенциал, вносить вклад в жизнь общества, жить полной жизнью.

Семантико-аксиологический анализ неологизмов позволил нам сделать следующие выводы.

1. Определение коннотации неолексем связано с трудностями. В данном случае необходим индивидуальный подход: каждый дает оценку исходя из своего жизненного опыта и мировоззрения. Это и объясняет деление современных людей на два враждующих лагеря: за и против естественного старения. Для образования неономинаций активно используются интенсификаторы семантики и эмоциональные компоненты.

2. Психологические аспекты старения влияют на поведение человека в зрелом возрасте. Именно неприятие себя, своего возраста является основанием для генезиса большого числа неолексики.

2.3.4 Неологизмы, демонстрирующие связь и преемственность поколений

Христоф Вильгельм Гуфеланд – немецкий геронтолог, врач-гуманист. Он написал книгу об искусстве продления жизни. Впервые книга была издана в 1796 г. Гуфеланд полагал, что семейный образ жизни является одним из факторов, способствующих долголетию. Также Х.В. Гуфеланд считал, что спокойная, гармоничная жизнь – это основа благополучия и долголетия [Гуфеланд, 1852].

Неологизмы данной подгруппы демонстрируют связь поколений, межличностные конфликты в контексте семейных отношений. Их условно можно разделить на две подгруппы: 1) неологизмы, описывающие гармоничные отношения между представителями разных поколений в семье, стабильность, психологический комфорт; 2) неологизмы, выражающие желание отдалиться от родственников, сложные, иногда деструктивные отношения.

Всего нами было проанализировано 26 неологизмов.

Первая подгруппа включает в свой состав следующие неологизмы: *grand-mate*, *graternity leave*, *greycation*, *great wealth transfer*, *genervacation*.

Данные неологизмы обладают положительной коннотацией, они выражают значения, связанные с крепкими семейными узами, уважением и преемственностью поколений. Например, *grand-mate* – *a grandparent who shares a home with a grandchild, or a grandchild who shares a home with a grandparent*

(бабушка и дедушка, живущие в одном доме с внуком, или внук, который живет в одном доме с бабушкой и дедушкой).

“This new “grand-mates” trend is bringing about some truly heartwarming intergenerational bonding. The New York Times profiled a number of families who are “grand-mates,” and not one of them had complaints about it” [Cambridge Dictionary].
– «Эта новая тенденция приводит к поистине трогательным связям между поколениями. “Нью-Йорк таймс” опубликовала информацию о ряде семей, которые являются “grand-mates”, и ни одна из них не жаловалась на это». Ключевая идея о теплых, близких семейных отношениях передается через лексемы *heartwarming, (intergenerational) bonding, not one of them had complaints about it, shares (a home), truly.*

Дефиниционный анализ выделенных лексем дал следующие результаты: *heartwarming – inspiring sympathetic feeling (внушающий благожелательное чувство); bonding – the formation of a close relationship (as between a mother and child or between a person and an animal) especially through frequent or constant association (формирование близких отношений (например, между матерью и ребенком или между человеком и животным), особенно посредством частого или постоянного общения); share – to partake of, use, experience, occupy, or enjoy with others (принимать участие, использовать, испытывать, занимать или наслаждаться вместе с другими); truly – in a proper or suitable manner; in all sincerity (надлежащим или подходящим образом; со всей искренностью).*

Проведенный анализ позволяет заключить, что отношения в семье искренние, члены семьи готовы делить одно пространство, в доме царит доброжелательная обстановка.

К этой же подгруппе можно отнести неолоксему *graternity leave – a period in which someone is granted paid time off work in order to look after their newborn grandchild (период, в течение которого бабушкам предоставляется оплачиваемый отпуск для ухода за новорожденным внуком).* Рассмотрим пример использования неологизма: *“But graternity leave is also acknowledgement of the generational ties that bind, that being a grandparent is an important role and that striking a life-work balance*

isn't the sole preserve of the young. Newborns ... are notoriously short-term in outlook. Which is why grandma needs time off straight away to bring calm to chaos and grandad can do his bit by taking over the nursery drop-offs for older siblings" [Cambridge Dictionary]. – «Но декретный отпуск также является признанием связей поколений. Быть бабушкой или дедушкой – важная роль; достижение баланса между жизнью и работой – это не единственная прерогатива для молодых. Период новорожденности довольно короткий. Бабушка может помочь с новорожденным, а дедушка может внести свою лепту, взяв на себя обязанность отвозить старших братьев и сестер в детский сад».

Именно данный пример раскрывает полностью смысл неологизма: семья не ограничивается только родителями и детьми, дедушки и бабушки тоже являются важными членами семьи, они беспокоятся о детях и внуках и готовы оказать помощь. Основная мысль реализуется через лексемы *acknowledgement (of the generational ties)*, *important (role)*, *bind*. *Acknowledgement – the act of acknowledging something or someone (акт признания чего-либо или кого-либо); important – marked by or indicative of significant worth or consequence: valuable in content or relationship (указывающий на значительную ценность чего-либо: ценный по содержанию или по отношению); (generational) ties – to become attached; something that serves as a connecting link (привязываться; что-то, что служит связующим звеном); bind – to tie together (связать вместе)*. Мы видим, что в данном неологизме разными лексемами (*tie, bind*) демонстрируется крепкая связь между несколькими поколениями в семье (бабушки и дедушки, их дети и внуки). Важно отметить, что ценность и значение связи между поколениями подчеркивается неоднократно лексемами *acknowledgement, important*.

Таким образом, семантический анализ эксплицитно демонстрирует ценность отношений в семье, важность роли старшего поколения, признание значения их любви, опыта и доверие к бабушкам и дедушкам.

Тему семейных взаимоотношений, прочных связей между поколениями, продолжает неологизм *greucation – a holiday in which several generations of a family, including elderly members, holiday together (выходные, когда несколько поколений*

семьи, в том числе пожилые, отдыхают вместе). Колоратив *grey*, описанный нами ранее в этой главе, характеризует старшее поколение семьи. Семантический анализ лексемы *holiday* – a time when someone does not go to work or school but is free to do what they want, such as travel or relax (время, когда человек не ходит на работу или в школу, но может делать то, что хочет, например, путешествовать или отдыхать) указывает на то, что люди, в данном случае члены семьи, добровольно выбирают совместное времяпрепровождение. Желание совместного отдыха отражается в неологизмах *genervacation* – a holiday taken by parents and their grown-up children which is paid for by the parents (путешествие родителей вместе со своими взрослыми детьми; все расходы при этом покрываются родителями); *skip-gen trip* – a holiday taken by grandparents and their grandchildren, or by other family members two generations apart (совместный отпуск представителей нескольких поколений семьи).

Хорошие отношения в семье – это не только желание заботиться о внуках, проводить вместе время, но и передача материальных ценностей. Успешное, состоятельное, опытное старшее поколение способно помогать молодым: *great wealth transfer* – the gradual movement of money from baby boomers (people born in the mid-1940s to mid-1960s) to younger generations, either given as gifts or passed on through inheritance (постепенное движение денег от бэби-бумеров (людей, родившихся в середине 1940-х – середине 1960-х годов) к более молодому поколению, либо в виде подарков, либо по наследству).

Обращает на себя внимание лексема *great* – large in number or measure (большой по количеству или объему). Именно такая формулировка (*great wealth transfer*) показывает, что процесс носит массовый характер. Также интерес представляет лексема *gradual* – moving, changing, or developing by fine or often imperceptible degrees (движущийся, изменяющийся или развивающийся маленькими шагами), демонстрирующая, что это не одномоментный переход средств.

В анализируемом неологизме четко указывается на лицо, от кого поступают деньги и подарки. Это поколение называется поколением бэби-бумеров: *baby*

boomers – a person born in the U.S. following the end of World War II (usually considered to be in the years from 1946 to 1964) (человек, родившийся в США после окончания Второй мировой войны (обычно считается, что это произошло в период с 1946 по 1964 г.)).

Про характерные особенности людей разных поколений писали многие исследователи: «Поколения: история будущего Америки, 1584–2069» [Neil Howe, William Strauss Harper Collins, 1992], «Теория поколений. Стратегия Беби-Бумеров 1944–1963» [Шамис Е., Никонов Е., 2018] и др.

Согласно их данным, бэби-бумеры – это поколение сильных, оптимистичных, трудолюбивых людей. После войны мир восстанавливался. Это повлияло на поколение. Сейчас дети и внуки становятся владельцами их активов.

Ко второй подгруппе неологизмов, выражающих желание отдалиться от родственников, а также сложные, иногда деструктивные отношения, мы отнесли следующие: *full nest syndrome*, *HEN*, *clipped wing generation*, *silver alert*, *adulthood*, *goldfish generation*, *generation pause*, *switch and swipe generation*.

Данная подгруппа неологизмов по смыслу антонимична первой подгруппе. Относительно семейных ценностей, любви к близким, преданности друг другу эти неологизмы имеют отрицательную коннотацию. Неологизмы *full nest syndrome*, *HEN*, *clipped wing generation* демонстрируют нежелание старшего поколения делить свой дом с молодыми, потребность иметь собственное пространство.

Full nest syndrome – the stress suffered by middle-aged people who share their homes with grown-up children who cannot afford to move out and infirm, aged parents who they care for (стресс, который испытывают люди среднего возраста, когда делят жилплощадь со своими взрослыми детьми, которые не могут позволить себе собственное жилье). *HEN* – a happy empty nester: a mother who is enjoying the freedom of having had children leave home (мать, которая наслаждается свободой, когда дети покидают дом). *Clipped wing generation* – the generation of young adults who are unable to be independent from their parents because they cannot afford independent living costs (поколение молодых людей, которые не могут быть

независимыми от своих родителей, потому что они не могут обеспечить свои расходы на жизнь).

Ключевые лексемы данных неологизмов – *clipped*, *stress*, *cannot afford*, *freedom*. Рассмотрим дефиниции данных лексем: *freedom* – *the quality or state of being free* (состояние свободы); *cannot afford* – *incapable, helpless* (неспособный, беспомощный); *clipped* – *to cut* (отрезать); *wing* – *means of flight or rapid progress* (средства полета или быстрого продвижения). Как мы видим, все лексемы, за исключением *freedom*, имеют негативную коннотацию: в их составе присутствуют такие семы, как «безысходность», «слабость», «ограниченные возможности».

Анализируя неолексемы первой подгруппы, мы исследовали неологизм *grand-mate* (*a grandparent who shares a home with a grandchild, or a grandchild who shares a home with a grandparent*), характеризующий наличие любви, уважения в семье, крепких связей. В ходе исследования нами был выявлен антоним неологизма *grand-mate* – *full nest syndrome* (*the stress suffered by middle-aged people who share their homes with grown-up children who cannot afford to move out and infirm, aged parents who they care for*). Семантический анализ единицы *full nest syndrome* подтверждает антонимичность неолексем. Ключевыми лексемами, описывающими второй неологизм (*full nest syndrome*), являются *stress*: *intense effort or exertion* (интенсивное усилие или напряжение); *suffered* – *to submit to or be forced to endure* (подчиняться или быть вынужденным терпеть). Мы видим, что для некоторых людей пребывание в одном доме с представителями других поколений своей семьи является стрессом, заставляет терпеть неудобства, быть несчастным. Таким образом, антонимическая пара *grand-mate* – *full nest syndrome* демонстрирует два противоположных взгляда на семью, на ценность семейных отношений. В данном случае счастье быть сплоченной семьей противопоставляется счастью иметь собственное пространство, свободу.

Вопреки мнению, что дискриминации по возрастному признаку подвергаются преимущественно представители старшего поколения (например, отказ в приеме на работу или «осуждение» возрастных изменений), анализ неологизмов *goldfish generation*, *adulthood* показывает обратную ситуацию.

The phrase “Children should be seen and not heard” is one example of a common term that possibly reveals adultism ideas. “You are really too little to comprehend,” she said. “Would you just mature already? [Psychologyroots] – «Фраза “детей должно быть видно, но не слышно” — один из примеров распространённого термина, который, возможно, раскрывает идеи эдалтизма. “Ты действительно слишком мал, чтобы понять”, – сказала она. – “Ты бы уже повзрослел”!».

Пример использования неологизма *adultism* демонстрирует неуважение к чувствам детей, пренебрежительное отношение к более молодым.

*Adultism – is a term describing the arbitrary mistreatment of children and young people based purely on their age (термин, описывающий необоснованно жестокое обращение с детьми и молодыми людьми исключительно из-за их возраста). Лексемы *mistreatment – to treat roughly or wrongly* (обращаться грубо или неправильно); *arbitrary – based on or determined by individual preference or convenience rather than by necessity or the intrinsic nature of something* (основано или определяется индивидуальными предпочтениями или удобством, а не необходимостью или внутренней природой чего-либо) подчеркивают недоброжелательное, неуважительное, возможно, жестокое обращение с детьми или более молодыми людьми.*

Особого внимания заслуживает неологизм *goldfish generation – a way of referring to the group of people who have grown up with smartphones and other technology and have a poor memory and attention span as a result* (название поколения, которое выросло со смартфонами и другими технологиями и в результате имеет плохую память и концентрацию внимания).

Ведущая мысль в данном неологизме передается словосочетаниями *poor memory and attention span as a result*. Дефиниционный анализ лексемы *poor – inferior in quality or value* (худший по качеству или ценности) эксплицитно демонстрирует отрицательную оценку. Само название *goldfish generation* является оскорбительным, так как это отсылка к мифу о короткой памяти у рыб.

Аксиологический анализ дает следующие результаты. В нашем материале преобладают неологизмы с положительной оценкой 46% (58 единиц): *grand-*

mate, great wealth transfer, graternity leave. Это является доказательством изменения представлений общества о старости, социальном статусе пожилых людей. Также показывается, что семья, гармоничные отношения – это витальные ценности. Но даже эти абсолютные ценности ставятся иногда под сомнение (*full nest syndrome, HEN*), когда речь идет о конкурирующих с ними, но не менее значимых ценностях: свободе, покое, комфорте.

Доли нейтрально и отрицательно маркированных единиц примерно одинаковы – по 27% (35 единиц) (таблица 2).

Англоязычные неологизмы	Положительная оценка, % (ед.)	Отрицательная оценка, % (ед.)	Нейтральная оценка, % (ед.)
Определяющие широту понятий «геронтология» и «геронтологический дискурс»	15 (3)	7 (2)	78 (18)
Характеризующие плюсы среднего и пожилого возраста	100 (42)	–	–
Характеризующие психологические и эстетические аспекты старения	13 (5)	68 (25)	19 (7)
Демонстрирующие связь и преемственность поколений	31 (8)	31 (8)	38 (10)

Таблица 2 – Аксиологическая маркированность лексики геронтологии

Итак, геронтологическая лексика представляет собой большую гетерогенную группу неологизмов.

Семантический и аксиологический анализ геронтологической лексики позволил сделать следующие выводы: геронтологический дискурс тесно связан с литературным (*gran-lit, coming-of-old*), гендерным (*manfant*), политическим (*dementia tax*) дискурсами, кинодискурсом (*geriaction*).

Несмотря на то, что в обществе преобладает гуманистическая позиция, отношение к старости как к благодатному периоду, уважение старости, умение принимать ее и все естественные изменения в организме находятся еще на этапе формирования. Свидетельством этому служат неологизмы данной группы, эксплицитно и имплицитно выражающие отношение к старости (*down-ageing, perennial, prejuvenation*).

Роль витальных ценностей (здоровья, семьи, любви) выражается неоднозначно. Определение аксиологической маркированности части неологизмов представляет собой трудную задачу, так как существовавшие в обществе представления об абсолютных ценностях (семейных узах, любви к ближнему, преемственности поколений) вступают в конкурентные отношения с новыми экзистенциальными, поведенческими, гендерными парадигмами. Также анализ неологизмов продемонстрировал, что дискриминации по возрастному признаку подвергаются не только пожилые, но и молодые люди и дети (*adulthood, goldfish generation*).

Поставив красоту и молодость на первое место, наделив их качеством сверхценности, человек жертвует своим физическим и психическим здоровьем, благополучием. Сверхценность внешнего облика увеличивает востребованность эстетической медицины, что приводит к «неологическому буму» в медицинском дискурсе.

2.4 Выражение понятия «красота» через англоязычные неологизмы медицинского дискурса

Интерпретация понятия «ценность» – показатель самосознания народа, его самобытности, моральных устоев, традиций. Красота, согласно Н.О. Лосскому, понятие широкое. Он отмечает несколько видов красоты: красота любви, поэзии, литературы, возвышенная красота, внешняя красота (миловидность, грациозность) [Лосский, 1998]. Красота входит в категорию абсолютных ценностей. Аристотель считал, что красота – это дар божий.

Восприятие красоты и привлекательности меняется в зависимости от эпохи, от той области науки, через призму которой мы рассматриваем красоту. Красота, являясь междисциплинарным объектом исследования, представляет интерес с точки зрения лингвистики, психологии, философии, культурологии.

В данной части работы речь будет идти преимущественно о красоте внешней. По теме было проанализировано 108 лексических единиц. Внешняя красота, молодость – это сверхценности в наши дни. Следует указать, что стремление к красоте является естественным желанием для людей. Состояние фигуры, кожа, черты лица – все входит в понятие красоты и в современном мире активно подвергается корректировке. Об этом свидетельствуют неологизмы медицинского дискурса из области пластической хирургии, косметологии, дерматологии.

Также комплекс неологизмов, характеризующих эстетические вопросы, хирургические и косметологические манипуляции, активно пополняется неологизмами, отражающими психиатрические и психологические аспекты изменений внешности.

2.4.1 Неологизмы медицинского дискурса, характеризующие психологические аспекты изменения внешности

Часто люди идут на изменения внешности именно из-за внутренних проблем: низкая самооценка, навязанные стандарты, неудачи в жизни и др.

В данную подгруппу были включены неологизмы медицинского дискурса, характеризующие психологические аспекты изменения внешности. Нами было проанализировано 52 единицы.

Человек – это биосоциальное существо. Общество, семья, коллектив оказывают влияние на нашу жизнь. В современном мире влияние общества на человека значительно усилилось из-за социальных сетей. Они могут быть и источником поддержки, и причиной заниженной самооценки. Наблюдая за красивой, интересной жизнью других людей, человек невольно сравнивает себя с ними. Если уступает, то появляются страхи, комплексы, желание перемен.

Виртуальная жизнь прочно переплелась с реальностью. Например, неологизм *virtual vanity – feelings of insecurity over appearance brought on by seeing pictures of oneself on social networking websites* (чувство неуверенности по поводу внешнего вида, вызванное просмотром своих фотографий в социальных сетях) демонстрирует чувства, которые возникают у части пользователей социальных сетей.

Неологизм *virtual vanity* имеет отрицательную оценку. Анализ ключевых лексем показал следующие результаты: *virtual – relating to, or existing within a virtual reality* (относящийся к виртуальной реальности или существующий в ней); *vanity – inflated pride in oneself or one's appearance* (чрезмерная гордость собой или своей внешностью).

При дефиниционном анализе лексемы *vanity* наше внимание привлекла сема *inflated – напыщенный, раздутый*. Таким образом, номинация *virtual vanity* эксплицитно раскрывает свой аксиологический потенциал: нечто раздутое, напыщенное, существующее в виртуальной реальности. Это что-то не имеет отношения к действительности, но способно вызвать неприятные ощущения, страх. Мы убеждаемся в правильности аксиологической оценки неологизма *virtual vanity* также при исследовании лексемы *insecurity – a state or feeling of anxiety, fear, or self-doubt* (состояние или чувство тревоги, страха или неуверенности в себе). Тщеславие, страх, опасность – это антиценности.

Следующий неологизм пополняет группу неологизмов, генезис которых связан с виртуальной реальностью, социальными сетями: *facebook facelift – facial cosmetic surgery as a result of vanity brought on by seeing too many photos of oneself on social-networking websites* (из-за просмотра слишком большого количества своих фотографий на сайтах социальных сетей возникает желание что-то изменить в своем лице хирургическим путем). Смысл неологизма заключается в том, что люди, изучая подробно свои фотографии в социальных сетях, часто оказываются недовольными собой и обращаются к докторам с просьбой улучшить их внешний вид.

В массмедийном дискурсе мы нашли следующее: “*A Facebook facelift can include any number of procedures, but Dr. Adelglass says fillers and injections like botox are most popular with people who are unhappy with how they look in online images. The injections start around 300-dollars and can last between 6 and 8 months*”. – «Фейсбук фейслифт может включать любое количество процедур, но доктор Адельгласс говорит, что филлеры и инъекции, такие как ботокс, наиболее популярны у людей, которые недовольны тем, как они выглядят на онлайн-изображениях. Стоимость инъекций составляет около 300 долларов и результат может длиться от 6 до 8 месяцев» [CBS news].

Мы считаем, что данный неологизм имеет негативную коннотацию. Ведущей лексемой, на наш взгляд, является *vanity*. Как и в первом неологизме, лексема *vanity* демонстрирует, что все переживания, важные решения о переменах вызваны тщеславием, болезненным самолюбием. Одним из синонимом тщеславия – гордыня. Гордыня является в христианстве одним из смертных грехов. Следует обратить внимание при анализе неологизма на наличие интенсификатора – *too many*. С помощью компонента *too many* осуществляется интенсификация семантики, подчеркивается чрезмерное самолюбование, что тоже имеет отрицательную коннотацию.

Как отмечалось ранее, некоторых людей беспокоит, приводит к унынию безупречная внешность других пользователей соцсетей или знаменитостей. Не всегда они понимают «происхождение» этой красоты. Неологизм *digital surgery – techniques used to make actors appear taller and slimmer, and less wrinkled (методы постобработки, используемые для того, чтобы актеры выглядели выше, стройнее и с более гладкой кожей)* раскрывает некоторые секреты достижения этой «совершенной красоты». Кто-то для получения красивых фотографий применяет различные фоторедакторы, кто-то использует изнуряющие диеты и бесчисленное количество косметологических процедур. Понимание этого необходимо для объективной оценки реальности и снижения вероятности возникновения проблем с самооценкой и самовосприятием.

Следующий неологизм выражает нездоровую озабоченность своим внешним видом. *Bigorexia – a mental illness in which a person feels physically inadequate and continually wants to improve body muscle* (психическое заболевание, при котором человек чувствует себя недостаточно привлекательным физически и постоянно хочет улучшить себя).

Основная мысль передается через следующие выражения: *mental illness, physically inadequate, continually wants to improve*. Семантический анализ дал следующие результаты: *mental illness – any of a broad range of medical conditions such as major depression, schizophrenia, obsessive compulsive disorder, or panic disorder* (любая патология из широкого спектра медицинских заболеваний: тяжелая депрессия, шизофрения, обсессивно-компульсивное расстройство или паническое расстройство); *inadequate – not enough or good enough* (недостаточно хорошо); *to improve – to enhance in value or quality: make better* (повысить ценность или качество: сделать лучше); *continually – without stopping or interruption* (без остановки или прерывания).

Итак, неологизм *bigorexia* номинирует психическое заболевание. Человек, страдающий этим заболеванием, постоянно (*continually*) хочет улучшать (*to improve*) свою внешность. Таким образом, очевидно, что неологизм имеет отрицательную оценку.

Пример использования неологизма: “*Bigorexia (muscular dysmorphia) is now affecting hundreds of thousands of men. For some men, muscle development is such a complete preoccupation that they will miss important events, continue training through pain or broken bones, even lose their job rather than interrupt their physical development schedule*” [Kennard, 2020]. – «Бигорексией (мышечной дисморфией) сейчас страдают сотни тысяч мужчин. Для некоторых мужчин набор мышечной массы является настолько важной задачей, что они скорее пропустят важные события и продолжат тренироваться, несмотря на боль или сломанные кости, даже потеряют работу, чем прервут график своих физических занятий».

Семантический анализ показывает нам, что неологизм *bigorexia* номинирует психическое отклонение. Пример использования неологизма демонстрирует

сложность состояния человека, страдающего бигорексией. Реализуется эта мысль через лексемы *preoccupation, pain, broken (bones), lose job*. При исследовании лексем *preoccupation – extreme or excessive concern with something* (крайняя или чрезмерная озабоченность чем-либо); *pain – a localized or generalized unpleasant bodily sensation or complex of sensations that causes mild to severe physical discomfort and emotional distress* (локализованное или генерализованное неприятное телесное ощущение или комплекс ощущений, вызывающий легкий или сильный физический дискомфорт и эмоциональный стресс) мы понимаем, на какие жертвы идет человек ради внешности. Лексемы *complete, hundreds of thousands, even* придают яркую эмоциональную окраску неоминации. Следует указать, что это гендерно маркированная единица – в примере делается акцент, что именно представители мужского пола страдают от этого недуга.

Часто люди склонны переусердствовать с процедурами по самоулучшению. Группа номинаций из этой области представлена следующими неологизмами: *looksmaxxing – the activity, for a man, of making himself as attractive as possible, often through cosmetic surgery* (деятельность человека, направленная на то, чтобы сделать себя как можно более привлекательным, часто это достигается с помощью хирургического вмешательства); *hardmaxxing – practices associated with hardmaxxing include getting implants or limb-lengthening surgeries, intentionally starving oneself (“starvemaxxing”), using moisturizers to attempt to appear more white (“whitemaxxing”)* (деятельность, связанная с упорным желанием улучшить себя, включает установку имплантатов или операции по удлинению конечностей, голодание, использование различных кремов, отбеливающих кожу лица).

Гиппократ сказал: «Все хорошо, что в меру». Неологизмы *looksmaxxing, hardmaxxing, starvemaxxing, whitemaxxing* номинируют процессы, явления, где нет понимания меры. Дефиниционный анализ *maxx* подтверждает эти слова: *maxx – refers to someone who is epitome of coolness and awesomeness. Maxxes are typically very attractive, with chiseled features and a toned physique that leaves others feeling envious* (относится к кому-то, кто является воплощением красоты; эти люди, как

правило, очень привлекательны, с точеными чертами лица и подтянутым телом, что вызывает у других зависть).

При аксиологическом анализе неологизма следует обратить внимание на два аспекта: физическое здоровье и психическое здоровье. Чрезмерные нагрузки, многочисленные операции негативно сказываются на состоянии людей. Следующий аспект – это ментальное здоровье. Что движет человеком, когда он не хочет или не может принимать себя? Почему ему необходимо быть *maxx*?

Анализ двух названных аспектов дает нам основание причислить неологизмы *looksmaxxing*, *hardmaxxing*, *starvemaxxing*, *whitemaxxing* к группе с отрицательной оценкой.

Осознание наличия физического недостатка, постоянное желание изменить внешность могли привести к появлению номинации *perception drift – someone’s inability to remember how their natural face looks after they have had a number of cosmetic procedures such as Botox* (неспособность человека вспомнить, как выглядит его естественное лицо после ряда косметологических процедур, например, ботулинотерапии). Неологизм *perception drift* эксплицитно демонстрирует негативную коннотацию. Он номинирует состояние, представляющее реальную опасность для человека. Изучая статьи по теме, мы нашли материал, четко описывающий мысли, чувства, эмоции человека, желающего перемен во внешности: “*Perception drift is a phenomenon that happens when people lose sight of their appearance after undergoing a physical change like weight loss or a cosmetic procedure*” [Hurwits, 2024]. «Потеря представления о своей реальной внешности – это состояние, когда люди забывают, как они выглядели до многочисленных изменений внешности, таких как потеря веса или косметологические процедуры».

Семантический анализ ключевых лексем дал следующие результаты: *drift – a gradual shift in attitude, opinion, or position; an aimless course* (постепенный сдвиг в отношении, мнении или позиции; бесцельный курс); *inability – lack of sufficient power, resources, or capacity* (отсутствие достаточной мощности, ресурсов или возможностей). Фраза *inability to remember how their natural face looks* создает

впечатление, что человек отказывается от своего Я, своей природы. Лексема *drift* (*дрейфовать*) – плыть под воздействием ветра, течения, уйти от курса – передает суть происходящего с человеком. Нет определенного ориентира, нет внутренней опоры, веры в себя, собственных представлений о том, какой должна быть его внешность.

Таким образом, неологизм *perception drift* свидетельствует о некой потерянности, об отсутствии полного понимания действительности, возможности видеть реальную картину. В дефиниции неологизма не указываются причины, из-за которых возникает такое состояние, но очевидно, что в основе лежат не эстетические, а прежде всего серьезные психологические проблемы: психотравмы, низкая самооценка и др.

К той же тематической группе неониминаций, возникающих на фоне различных психологических проблем, относится неологизм *medicalize – to treat smth. as a medical problem especially when there is no need to do so* (*относиться к чему-либо как к медицинской проблеме, но объективно человек не болен*). Уместность данного неологизма в контексте медицинского дискурса бесспорна: постоянное желание изменить в себе что-то, недовольство собой, воображаемые недостатки, навязчивое желание перемен во внешности.

Нередко хирурги, дерматологи направляют пациентов на консультацию к психиатру или психологу, понимая, что в основе желания перемен во внешности лежат психологические проблемы.

Стандарты красоты всегда отличались разнообразием: «палеолитическую Венеру» не сравнить с женщинами древнего Египта, а женщин сурового Средневековья можно с легкостью отличить от женщин эпохи Возрождения. Стройная Твигги (1960-е г.) и модели 1990-х г. резко отличаются от моделей plus-size современности.

Компонент «вес» лежит в основе генезиса группы неологизмов: *fat shame, body shaming, size inflation, fit-shaming, skinny-bash, mogging*.

Критика человека за внешность – явление, распространенное в нашем обществе: *fat shame – to publicly criticize someone for being too fat* (*публично*

критиковать человека за лишний вес); *body shaming – the practice of criticizing people publicly for being too fat or, less frequently, too thin* (публичная критика людей за то, что они слишком толстые или, что бывает реже, слишком худые).

Люди не имеют права осуждать других людей, так как не владеют всей информацией, не знают историю их жизни. Причин, вызывающих проблем с весом, может быть множество.

Ключевой лексемой дефиниций неологизмов *fat shame, body shaming* является лексема *criticize: to criticize – to consider the merits and demerits of and judge accordingly* (учитывать достоинства и недостатки и судить соответственно). В обоих неологизмах подчеркивается публичная критика внешности людей: *to publicly criticize someone, the practice of criticizing people publicly*. Это унижает человека еще сильнее. Также стоит обратить внимание на лексему *practice – to do or perform often, customarily, or habitually* (делать или выполнять часто что-то, что происходит обычно). Лексема *practice* – доказательство того, что публичные унижения людей – это обычное явление.

Компоненты интенсификации (*too many, too thin, too fat*) усиливают и придают дополнительную эмоциональную яркость лексическим единицам.

К этой же группе можно отнести неологизм *fat talk – negative, self-deprecating chat about body shape between women* (негативный, самоуничижительный разговор о форме тела между женщинами). Лексемы *negative, self-deprecating* отчетливо демонстрируют негативную коннотацию неологизма. Женщины иногда могут быть очень жестоки к себе и к другим женщинам, унижая, подрывая самооценку и уверенность в себе.

К той же тематической группе неологизмов, номинирующих вес (лишний вес, недобор веса), критику внешности человека, относятся неолексемы *fit-shaming, skinny-bash, mogging*.

Fit-shaming – the online trolling of people who post pictures of themselves exercising (онлайн-троллинг людей, которые публикуют фотографии своих тренировок).

Лексемы *trolling* – *is the act of responding to online content or comments in a purposely disruptive fashion* (намеренная отрицательная реакция на онлайн-контент) и *shaming* – *causing feelings of shame* (вызывать чувство стыда) отражают «токсичное» отношение людей друг к другу. Считается, что манипуляция чувством вины – это одна из самых опасных и распространенных форм психологического воздействия на человека. Деструктивная критика унижает, оскорбляет, она не аргументирована. Таким образом, вместо мотивации, красивого и здорового тела, хорошего настроения человек может приобрести ряд психологических проблем.

Подтверждает это пример: “*Unfortunately, not everyone is as happy for me... and instead I find myself facing a daily barrage of fit-shaming*” [Graziadaily.co.uk] – «К сожалению, не все так рады за меня... и вместо этого я сталкиваюсь с ежедневным потоком оскорблений и унижений». В примере из прессы подчеркивается, что человек сталкивается с негативом каждый день.

Подобной же негативной коннотацией, как описанная неолексема, обладает неологизм *skinny-bash* – *to criticize someone for being slim* (критиковать кого-то за стройность).

“*Kate Wills knows the feeling and last month wrote a powerful yet humorous piece on why it’s not OK to skinny-bash people like her, either*” [Graziadaily.co.uk]. – «Кейт Уиллс знакома с этим чувством и в прошлом месяце написала сильную юмористическую статью о том, почему нехорошо критиковать таких худых людей, как она». Изучая данный пример, мы обратили внимание на лексему *humorous* – *possessing, indicating, or expressive of an ability to be funny or to be amused by things that are funny: possessing, indicating, or expressive of a sense of humor* (обладающий, указывающий или выражающий способность быть смешным или забавляться вещами, которые смешны: обладающий чувством юмора, указывающий или выражающий его).

Юмор иногда может нейтрализовать, смягчить очень острые проблемы. Присутствие этой лексемы в дефиниции неологизма указывает на желание автора раскрыть глаза недоброжелателям, обидчикам на происходящее и воззвать к их

разуму и порядочности, при этом исключить отрицательное влияние послания на коммуникантов.

К сожалению, из-за своих личных проблем, страхов, психотравм, люди могут сознательно причинять боль, дискомфорт окружающим. Это касается всех аспектов жизни. Примером, иллюстрирующим сказанное, является неологизм *mogging – shaming or asserting dominance by targeting weaker, smaller, less confident or attractive individuals* (пристыдить или доминировать над слабыми, неуверенными в себе или непривлекательными людьми). В контексте данной работы нас интересует в неологизме компонент, выражающий сомнение во внешней привлекательности и отсутствие уверенности в себе (*less confident or attractive individuals*). Как и в ранее рассмотренных неологизмах, в дефиниции присутствует лексема *shaming*. Пристыдить человека, чтобы впоследствии вызвать чувство вины, – вот что лежит в основе такого поведения. Как указывалось, манипуляция чувством вины – это распространенная форма психологического воздействия на человека. Данный неологизм также отличается своей агрессивной коннотацией: *asserting dominance – утверждать свое господство*. Таким образом, через призму неологизма *mogging* мы видим ценности группы людей: все, кто слабее, могут быть угнетенными.

С точки зрения психологии, желания щадить свои чувства неологизм *size inflation – the increase in the size of clothing sizes* (увеличение размеров одежды) представляет большой интерес. Данная неологизация говорит о том, что размер одежды остается прежним, в то время как габариты человека увеличиваются. Самообман является защитным механизмом психики. Очевидно, что производители, понимая психологические аспекты потребительского поведения, удовлетворяют их потребность быть худыми, способствуют более позитивному самовосприятию при виде меньшего размера на этикетке одежды.

Занимаясь самообманом, потакая желанию «казаться, а не быть», человек подвергается реальной опасности: лишний вес представляет угрозу для здоровья человека. Пример использования неологизма *size inflation*: “*Whether looking at monetary inflation or size inflation, the problem is similar. Inflation always represents a*

distortion in value. With money, we have purchasing power distortion. For clothing, the distortion relates to how we assess weight gain.

[Schwartz, 2018]. – «Независимо от того, рассматриваете ли вы денежную инфляцию или инфляцию размера одежды, проблема схожа. Инфляция всегда представляет собой искажение стоимости. В отношении денег у нас есть искажение покупательной способности. Для одежды искажение связано с тем, как мы оцениваем увеличение веса».

Современные стандарты красоты, нереалистичные, недостижимые цели, касающиеся внешности, психические проблемы, вытекающие из этого или усугубляющиеся вследствие давления общества, средств массовой информации, социальных сетей, навязанных стандартов, отражают неологизмы, исследованные ранее.

Итак, анализ неологизмов, характеризующих психиатрические, психологические проблемы, связанные с внешностью, с самовосприятием, приводит нас к следующим выводам: 1) современное общество, хотя и пропагандирует равенство, гуманность, цивилизованный прогресс, остается безразличным к потребностям отдельного человека, что выражается посредством неологизмов *fat shame, fit-shaming, skinny-bash, mogging* и др.; 2) отдельный индивидуум, несмотря на развитие медицинского знания, в данном случае имеем в виду прогресс в психиатрии, не способен защитить себя, позаботиться о своем психическом здоровье; свидетельством тому являются неологизмы: *virtual vanity, bigorexia* и др.; 3) красота всегда входила в категорию «ценность», но, став сверхценностью на современном этапе развития общества, она способна привести к негативным физическим и психическим последствиям.

Таким образом, отрицательная маркированность неологизмов данной группы очевидна.

2.4.2 Неологизмы, характеризующие процедуры по поддержанию молодости и красоты

Комплекс неологизмов, характеризующий процедуры по поддержанию молодости и красоты, весьма обширен. Нами было проанализировано 56 единиц по данной теме.

Часть неологизмов номинирует неинвазивные методы поддержания красоты и молодости, а другая – более радикальные способы.

Популярный в наше время *face training – a system of facial exercises designed to tone the facial muscles and improve the skin* (комплекс упражнений для лица, предназначенный для того, чтобы мышцы были в тонусе и улучшилось состояние кожи) относится к неинвазивным методам коррекции возрастных изменений.

Анализ ключевых лексем продемонстрировал следующее: *to tone – to increase the firmness, strength* (увеличить упругость, силу); *to improve – to enhance in value or quality: make better* (повышать ценность или качество: делать лучше). Неологизм *face training* говорит о профессионализме людей, занимающихся этим: комплексный подход (*a system of facial exercises*), направленный на улучшение состояния, понимание анатомии лица (*muscles, skin*). Таким образом, можно сделать вывод, что неологизм обладает положительной коннотацией.

К теме тренировок относятся неологизмы *eye yoga – a type of yoga designed to strengthen the muscles around the eyes* (вид йоги, предназначенный для укрепления мышц вокруг глаз); *stretchologist – someone who helps you improve your posture and become more flexible by showing you how to stretch properly* (тот, кто поможет улучшить осанку и стать более гибким, показывая, как правильно растягиваться).

Рассмотрим дефиниции ключевых лексем: *to strengthen – to become stronger* (стать сильнее); *flexible – characterized by a ready capability to adapt to new, different, or changing requirements* (характеризуется готовностью адаптироваться к новым, отличающимся или изменяющимся требованиям); *to improve – to enhance in value or quality: make better* (повышать ценность или

качество: *делать лучше*). Гибкость, стройность, хороший тонус – вот о чем говорят эти неологизмы.

Семантический анализ позволяет нам выявить положительный аксиологический потенциал неологизмов. Вот, что пишут о йоге для глаз: *“If the eyes really are the window to the soul, it makes sense to treat them with the same respect as our bodies. Enter: eye yoga, the new wellness trend on the block, which promises brighter, better rested peepers in under five minutes”* [Coates, 2021]. – «Если глаза действительно являются зеркалом души, имеет смысл относиться к ним с таким же уважением, как и к телу. Встречайте: йога для глаз, новый тренд в области оздоровления, который обещает более яркие и отдохнувшие глаза менее чем за пять минут».

Сейчас в косметологии появился новый девиз: «чем меньше – тем лучше». Поэтому мы наблюдаем значительный прирост пула неологизмов, характеризующих щадящие методы омоложения.

Одним из таких неологизмов является *tweakment – a cosmetic procedure that is carried out by a trained specialist but does not involve surgery* (косметическая процедура, выполняемая обученным специалистом, но не требующая хирургического вмешательства). На профессионализм и ответственный подход указывают следующие лексемы: *(trained) specialist, (but does not involve) surgery, cosmetic procedure*.

Исследование ключевых лексем дает следующие результаты: *cosmetic – relating to, or making for beauty especially of the complexion* (относящийся к красоте или способствующий ей); *surgery – a branch of medicine concerned with diseases and conditions requiring or amenable to operative or manual procedures* (раздел медицины, изучающий заболевания и состояния, требующие или поддающиеся оперативному лечению); *specialist – one who specializes in a particular occupation, practice, or field of study* (тот, кто специализируется на определенной профессии, практике или области науки).

Анализ неологизмов показывает, что программа по усовершенствованию внешности подбирается профессионалом в данной области, нет радикальных

методов коррекции внешности. Главный принцип медицины: «Не навреди»! Данная неономинация отражает прежде всего безопасность. Таким образом, нет сомнений в исключительно положительной коннотации неологизма. Подтверждается это примером из прессы: *“Women are no longer having to go under the knife for a more youthful look, and patients are increasingly opting for swift, non-surgical procedures,” advises Baiarda. “Lunchtime procedures with minimum recovery time are increasingly popular with young, professional women in their twenties, thirties and Hannah”.* – «Женщинам больше не нужно ложиться под нож, чтобы выглядеть моложе, и пациенты все чаще выбирают быстрые, нехирургические процедуры», – советует Байарда. – *Процедуры, проведенные во время обеденного перерыва, с минимальным временем восстановления приобретают все большую популярность среди молодых, работающих женщин двадцати, тридцати и сорока лет».*

Активная неологизация в дерматологии и косметологии демонстрирует следующие тенденции в сфере красоты: 1) забота о здоровье – именно здоровье является основой красоты; 2) предпочтение принципов превентивной медицины – предотвратить, а не лечить заболевания, признаки старения и др.

Неолексема *bakuchiol – an ingredient that occurs naturally in a plant and is used in skincare with the aim of preventing wrinkles* (ингредиент, который встречается в растениях и используется в уходе за кожей с целью предотвращения морщин) характеризует один из способов предотвращения старения.

Рассмотрим дефиниции ключевых лексем: *naturally – without artificial aid* (без искусственных составляющих); *preventing – to keep from happening or existing* (не допустить, чтобы что-то произошло). Всегда все, что связано со словом «натуральный», обладает положительной коннотацией: природный, настоящий. Предотвращение возрастных изменений с использованием натуральных продуктов – достижение эстетической медицины, характеризуется положительно с точки зрения лингвистики.

Сомнительный, но актуальный на сегодняшний день способ улучшения фигуры получил номинацию *waist training – the deliberate narrowing of one’s waist*,

achieved by wearing a tight corset (намеренное сужение талии, достигаемое за счет ношения тугого корсета).

Спорная польза данного действия имплицитно обнаруживает себя не через определенные лексемы в дефиниции неологизма, а через осведомленность о стандартах красоты наших предшественниц и о проблемах со здоровьем, возникающих из-за ношения тугих корсетов. Подтверждаются наши предположения примерами использования неологизма, где указывается, что нет научных доказательств пользы: *“From the introduction of corsetry, the concept of waist training was developed. The whole idea behind waist training is that if you wear a corset on a regular basis over a set amount of time, then your body will start to retain a certain shape and the size of your waist will be reduced. However, there is no scientific evidence that has been found to support the theory...” [Poole] – «С появлением корсетов была разработана концепция тренировки талии. Способ тренировки талии заключается в том, что если вы носите корсет регулярно в течение определенного периода времени, то ваше тело начнет сохранять определенную форму, а размер талии уменьшится. Однако нет никаких научных доказательств, которые бы подтверждали эту теорию...».*

Появление новых знаний о красоте, об уходе за собой, создание большого количества средств для ухода за кожей способствуют генезису ряда неономинаций.

Skin fasting – the practice of using no, or very few, skincare products on your face for a set period of time, thought by some people to be good for the skin (полный отказ или использование очень небольшого количества средств по уходу за кожей лица в течение определенного периода времени; некоторые люди считают, что это полезно для кожи); facekini – a face mask worn on the beach to avoid facial tanning (маска для лица, которую надевают на пляже, чтобы не загореть). Оба неологизма обладают нейтральной коннотацией. Неологизмы не отражают конечный результат, а лишь высказывают предположение (*thought by some people to be good for the skin*) или описывают предпринятые меры (*to avoid facial tanning*).

Красота исходит изнутри. Трактовать это высказывание можно и с точки зрения наличия комплекса духовных качеств личности, и с точки зрения физического здоровья.

В контексте нашей работы главным образом нас интересует физическое здоровье. Неологизм *nutricosmetics – substances, especially in the form of a liquid or a pill, that are intended to improve your appearance* (вещества, особенно в форме жидкости или таблеток, предназначенные для улучшения вашего внешнего вида) является ярким примером понимания связи между здоровьем и внешностью человека. Комплексный подход к своему состоянию, восполнение дефицитов витаминов, макро- и микроэлементов может благоприятно отразиться на внешнем облике человека. Ключевые лексемы: *substances, to improve*. Ранее мы давали дефиницию лексемы *to improve*; слово *substances* трактуется следующим образом: *matter of particular or definite chemical constitution* (вещество определенного химического состава).

Из дефиниции неологизма понятно, что речь идет о препаратах (*pill*). Греческий философ и врач Гиппократ сказал: «Все есть лекарство, и все есть яд – все дело в дозе». Таким образом, положительная маркированность может проявиться только в случае разумного подхода к лечению или коррекции своего состояния.

Вот что обещают модные издания: “*Nutricosmetics – beauty products you ingest rather than apply – promise everything from firmer skin to thicker hair. That’s the future, according to trend forecasters... these powders, drinks and pills are set to radically change our beauty routines*” [Cambridge Dictionary]. – «Нутрикосметика – средства, которые вы принимаете перорально, а не наносите на себя – обещают все: от более упругой кожи до более густых волос. Это будущее, по прогнозам трендов... эти порошки, напитки и таблетки радикально изменят нашу бьюти-рутину».

Неологизм, обладающий положительной коннотацией, – *cryotherapy – a treatment in which the patient is subjected to freezing jets of air in the bid to encourage the production of collagen and thus the rejuvenation of the skin* (процедура, при

которой на пациента воздействуют холодом, чтобы стимулировать выработку коллагена и таким образом омолаживают кожу).

Следующие лексемы представляют интерес для нашего исследования, поскольку они отражают суть неоломинации: *to encourage – to inspire with courage, spirit, or hope* (вдохновлять мужеством, духом или надеждой); *rejuvenation – restoration of youthful vigor* (восстановление молодости); *collagen – any of a class of extracellular proteins that are composed of three coiled polypeptide chains, form strong fibers, and are the main constituents of cartilage, bone, and other connective tissues in animals* (класс белков, которые состоят из трех спиральных полипептидных цепей, образуют прочные волокна и являются основными компонентами хрящей, костей и других соединительных тканей у животных).

Их анализ дает четкое представление о неологизме и его аксиологическом потенциале. Мы видим профессионализм, который выражается через понимание роли коллагена, процессов его синтеза. Профессиональный подход, знания всегда обладают положительной оценкой. Лексема *rejuvenation* (омоложение, восстановление здоровья) также является признаком положительных изменений в жизни пациента. Молодость, красота и здоровье – это ценности.

Ранее были проанализированы неологизмы преимущественно с положительной коннотацией. Они характеризовали в большинстве своем щадящие, неинвазивные методы коррекции возрастных изменений.

Неологизмы, рассмотренные далее, номинируют более радикальные вмешательства.

Неологизм *Barbie flu – the trend for young women to dramatically alter their appearance to make themselves look like human Barbie dolls* (тенденция среди молодых женщин резко менять свою внешность, чтобы стать похожими на кукол Барби) выражает не просто желание перемен во внешности. Здесь могут быть скрыты психологические проблемы. Рассмотрим ключевые лексемы неологизма *Barbie flu*: *trend – a general movement, a current style or preference* (общее движение, современный стиль или предпочтение); *dramatically – arresting or forceful in appearance or effect* (захватывающий или мощный, сильный по внешнему виду или

эффекту). Таким образом, лексема *trend* свидетельствует, что явление, номинируемое неологизмом *Barbie flu*, – общая тенденция (*general movement*), и она с течением времени будет меняться. Индивидуальные особенности лица, фигуры женщины не представляют ценности, интереса. Они будут изменены, чтобы соответствовать тренду. Лексема *dramatically* усиливает отрицательное значение, эксплицитно указывая, что перемены очень серьезные. Также следует указать, что психологически зрелая личность не станет примерять на себя образ куклы (*Barbie dolls*). Все это дает нам основание говорить о негативной коннотации неологизма.

Барби – это прецедентное имя. В разных культурах, в разное время Барби может вызвать диаметрально противоположные реакции – от восхищения до раздражения.

Прецедентные имена – это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не для обозначения конкретного человека (города, населенного пункта, предприятия, организации и т. д.), а в качестве своеобразного культурного знака, символа определенных качеств, свойств [Терещенко, 2016: 76].

В основу неологизма *Cinderella surgery* тоже было положено прецедентное имя «Золушка».

Дефиниция неологизма *Cinderella surgery – a cosmetic surgery procedure to help the feet fit into a particular shoe or shoe style (оперативное вмешательство, направленное на усовершенствование формы ступней, чтобы иметь возможность надевать самые разные виды обуви)* указывает на спорный тренд в пластической хирургии – укорочение пальцев на ногах, усовершенствование их формы, чтобы ноги выглядели красиво в любой обуви.

Использование прецедентного имени «Золушка» придает новой лексеме выразительность через ассоциацию с героиней сказки.

Таким образом, неологизм *cinderella surgery* реализует такие признаки, как образность, информативность, оценочная модальность, выразительность, эмоциональность.

Неологизмы с яркими вымышленными персонажами (*Barbie flu, Cinderella*) в полном объеме выполняют свои функции: номинативную, функцию привлечение внимания адресата, функцию экономии – минимизируются коммуникативные усилия, поскольку ролевые модели не требуют дескрипции.

Итак, выборка неологизмов, характеризующих процедуры по поддержанию молодости и красоты, обширна и гетерогенна, что доказывает активное развитие и востребованность эстетической медицины.

Всего нами было исследовано 108 неологизмов по данной теме. Неологизмы медицинского дискурса, характеризующие психологические аспекты изменения внешности – 52 единицы (48%), неологизмы, характеризующие процедуры по поддержанию молодости и красоты – 56 единиц (52%). При этом 100 % неологизмов медицинского дискурса, характеризующих психологические аспекты изменения внешности, имеют отрицательную оценку. Процентное соотношение положительных, отрицательных и нейтральных оценок в подгруппе неологизмов, характеризующих процедуры по поддержанию молодости и красоты: неологизмы, имеющие положительную оценку (50%) – 28; отрицательную оценку (28 %) – 16; нейтральную оценку (22%) – 12.

Красота – многоаспектный феномен. В данной работе мы рассматриваем только неологизмы, выражающие физическую привлекательность.

Семантико-аксиологический анализ неологизмов, характеризующих процедуры по поддержанию молодости и красоты (лексика дерматологии и косметологии), позволил нам сделать следующие выводы: 1) физическая красота является ценностью в современном обществе; любые признаки несоответствия принятым стандартам оцениваются отрицательно; 2) в лексике дерматологии и косметологии большинство неологизмов имеют отрицательную оценку; это единицы, номинирующие чрезмерную увлеченность процедурами, поддерживающими физическую красоту; неприятие своего тела; низкую самооценку; негативное отношение к процессу старения (таблица 3).

Англоязычные неологизмы	Положительная оценка, % (ед.)	Отрицательная оценка, % (ед.)	Нейтральная оценка, % (ед.)
Характеризующие психологические аспекты изменения внешности	–	100 (52)	–
Характеризующие процедуры по поддержанию молодости и красоты	50 (28)	28 (16)	22 (12)

Таблица 3 – Аксиологическая маркированность лексики дерматологии и косметологии

2.5 Англоязычные неологизмы медицинского дискурса, номинирующие диеты и ассоциированные с ними вопросы здоровья

Отдельную категорию лексики медицинского дискурса составляют неологизмы, номинирующие диеты и ассоциированные с ними вопросы здоровья.

Главным образом нами анализируется отражение в лексике медицинского дискурса информации о популярных диетах, нарушениях диет, попытках продвижения, навязывания представлений о правильном питании окружающим. Активный генезис неологизмов в данной сфере медицинского дискурса – отражение динамичных изменений, появления новых знаний, требующих номинаций.

Многоаспектность вопросов питания породила интердискурсивный характер лексики медицинского дискурса. Изучение интердискурсивности данного сегмента неологического дискурса позволяет рассмотреть взаимодействие экстралингвистических и лингвистических факторов генезиса указанных неологизмов.

Всего по теме «Англоязычные неологизмы медицинского дискурса, номинирующие диеты и ассоциированные с ними вопросы здоровья» было проанализировано 148 неологизмов.

Неологизмы данной группы разделены нами на несколько подгрупп: 1) номинирующие диеты и отношение к определенным макронутриентам (углеводы, жиры и белки) пищи – 84 единицы; 2) затрагивающие вопросы, смежные с экологическим дискурсом – 20 единиц; 3) номинирующие наиболее распространенные психические и гастроэнтерологические проблемы, связанные с питанием – 44 единицы.

2.5.1 Неологизмы, номинирующие диеты

В наше время принято демонизировать одни продукты и идеализировать другие. Часто в немилость попадают продукты, богатые углеводами. Существует неологизмы, в образовании которых участвует лексема *carbohydrates*: *carbage*, *carbohydratarian*, *carbicide*, *LCHF*.

Carbage – carbohydrates commonly consumed in the Western diet that are poor nutritional choices (углеводы, которые в большом количестве употребляются при западном типе питания и считаются бесполезными).

Неологизм *carbage* в медицинском дискурсе образован слиянием *carbohydrates* + *garbage* (мы подчеркиваем наличие данного неологизма в медицинском дискурсе, так как в автомобильном дискурсе также можно встретить неологизм *carbage* (*car* + *garbage*)).

Семантический анализ лексемы *carbage – discarded or useless material* (бракованный или бесполезный материал) указывает на ненужность, бесполезность продуктов, которые употребляются при западном типе питания.

Лексема *poor – less than adequate* (менее чем достаточно) подчеркивает, что рацион небогат полезными питательными веществами, является ошибочным решение так питаться. Здесь же указывается название типа питания: *Western diet* (Западная диета). Западная диета включает много красного и обработанного мяса, насыщенных жиров, сахара. Все это оказывает пагубное влияние на здоровье. Вот почему неологизм *carbage* имеет отрицательную оценку.

Рассмотрим неологизм *carbohydratarian* – *indicates a person who will eat so many carbohydrates such as sugars, snacks and dessert* (указывает на человека, который будет есть большое количество углеводов, таких как сахар, закуски десерты). В дефиниции неологизма видим констатацию факта – *a person who will eat* (человек, который будет есть). Мы не выявили лексем, указывающих на то, что данный человек очень часто так питается. В таком случае это имплицитно отражало бы отрицательную оценку. Глагол *will* (*will eat*) в дефиниции неологизма только демонстрирует его намерение. Таким образом, очевидно, что неологизм *carbohydratarian* обладает нейтральной оценкой.

Следующим неологизмом, производным от *carbohydrates*, является *carbicide* – *the act of eating too many carbs* (употребление слишком большого количества углеводов).

«Carbicide (сущ. carb (ohydrate)s + suicide, юмор.) – карбицид (ср. суицид), поедание слишком большого количества углеводов, что вредно для здоровья» [Петрова, 2014:124].

Дефиниционный анализ лексемы *suicide* – *the act or an instance of taking one's own life voluntarily and intentionally* (акт или случай добровольного и преднамеренного лишения себя жизни) демонстрирует опасность, которую представляют собой углеводы для здоровья человека, намекает на то, что человек, употребляя углеводы, лишает себя жизни. Следует обратить внимание на то, как это преподносится: *voluntarily and intentionally* (добровольно и преднамеренно). Концепт «самоубийство» обладает резко негативным содержанием. При анализе неологизма *carbicide* мы понимаем, что употребление углеводов приравнивается к самоубийству.

Источник [Петрова, 2014:124] указывает, что *suicide* в неологизме имеет юмористический характер. Таким образом, данная лексема (*suicide*) отражает, доводит до абсурда современные представления об углеводах.

Для объективности оценки необходим дефиниционный анализ лексемы *carbohydrates*: *a class of biological molecules that contain primarily carbon (C) atoms flanked by hydrogen (H) atoms and hydroxyl (OH) groups (H-C-OH)* (класс

биологических молекул, которые содержат атомы углерода (C), окруженные атомами водорода (H) и гидроксильными (OH) группами (H-C-OH)). Итак, дефиниционный анализ показывает, что углеводы являются органическими соединениями. Нет данных, что эти соединения смертельно опасны для человека. Мы понимаем, что опасность углеводов преувеличена (*suicide, юмор.*). Употребление углеводов не означает скоропостижную смерть. Данный неологизм, скорее, дань моде демонизировать углеводы.

Рассмотрим пример из реального контекста: “*When someone, usually someone who omits carbs from their normal diet routine, binges on fattening foods and must be stopped by a friend*” [Urban Dictionary]. – «Следует останавливать того, кто исключает углеводы из своего обычного рациона и употребляет большое количество жирной пищи».

В данном примере наше внимание привлекла лексема *friend*. Дефиниционный анализ лексемы *friend* – *a favored companion; a person you know well and regard with affection and trust* (любимый товарищ; человек, которого вы хорошо знаете и относитесь к нему с любовью и доверием) показывает, что *friend* – это человек, который желает добра, отношения с ним построены на доверии и любви.

В примере лексема *friend* является имплицитным признаком доверия, верности выбора. Друг остановит от принятия неправильного решения (*omits carbs from their normal diet routine, binges on fattening foods*). В данном случае неправильным решением является отказ от углеводов в пользу жирной пищи.

Таким образом, мы определили, что неологизм *carbicide* имеет юмористический оттенок значения и в преувеличенной форме отражает современные представления об углеводах и их абсолютной вредности для нашего здоровья.

К группе неономинаций, связанных с углеводами, относится неологизм *LCHF* (*low carb high fat*) – *it involves eating more natural & good fats and few carbohydrates; the overall emphasis is on whole, unprocessed foods such as grassfed meat, lean fish, nuts, eggs, and low-carb produce. These are favored over heavily*

processed and pre-packaged items, such as those with added sugars or starch [Our Paleo Life] (употребление большого количества натуральных продуктов и хороших жиров, сокращение количества углеводов; акцент делается на цельных, необработанных продуктах, таких как мясо травяного откорма, постная рыба, орехи, яйца и продукты с низким содержанием углеводов. Они предпочтительнее сильно обработанных и предварительно упакованных продуктов, таких как продукты с добавлением сахара или крахмала).

Ключевыми лексемами в дефиниции являются: *whole, unprocessed (foods), favored, natural: whole – free of defect or impairment (без дефектов и повреждений); unprocessed – not altered from an original or nature state (не изменено по сравнению с первоначальным или естественным состоянием); favored – endowed with special advantages (наделенный особыми преимуществами); natural – being in accordance with or determined by nature (соответствовать природе или определяться ею).*

Из анализа видно, что эта диета пропагандирует правильное питание, употребление необработанных, натуральных продуктов. Все перечисленное – признак положительной оценки. Люди всегда с доверием, уважением относятся к натуральным, естественным вещам.

Таким образом, неологизмы, в образовании которых участвует лексема *carbohydrates*, могут иметь различную аксиологическую маркированность: отрицательную (*carbage*), нейтральную (*carbicide, carbohydratarian*) и положительную (*LCHF*).

К тематической группе единиц, связанных с номинацией макронутриентов (углеводов, жиров и белков) отнесем неологизм с отрицательной оценкой *fat life – this is a term used when a person is eating a lot of unhealthy food (этот термин характеризует человека, употребляющего большое количество вредной пищи).*

В дефиниции неономинации лексема *unhealthy* говорит о проблемах, о нездоровом состоянии. В данном неологизме *fat* приравнивается к *unhealthy*, они являются синонимами. Интересно, что в других контекстах *fat life* имеет положительную коннотацию. Например, синонимами *fat life* являются *rich life, full life, profitable life* и др.

Неологизмы *OMAD*, *intermittent fasting*, *the 5:2 diet* номинируют разные способы снижения веса: от одноразового питания в течение суток до полного голодания. Все эти неологизмы обладают разной аксиологической оценкой.

OMAD (one meal a day) является отрицательно маркированным неологизмом. *OMAD – a diet based on eating only one meal every day. OMAD is an extreme fasting diet (прием пищи один раз в день; голодание).*

Мы выделили ключевые лексемы неологизма, подтверждающие нашу оценку: *extreme*, *fasting*. Дефиниционный анализ показал следующие результаты: *extreme – existing in a very high degree (существующий в очень высокой степени); fasting – occurring from or caused by fasting (происходящее из-за голодания или вызванное голоданием).* Голодание с целью похудения, однократный прием пищи не является полезным для здоровья. Лексема *extreme* придает дополнительный эмоциональный оттенок. Пример использования неологизма: “*OMAD is an extreme fasting diet. As the name suggests, it involves eating just one big meal a day, with fasting or very minimal eating in between. The key focus of this kind of diet is weight control and simplicity. But while fasting itself isn’t new, the research on its health impacts is still in its infancy and there are very few studies on OMAD and the evidence supporting other more periodic types of fasting can’t necessarily be extrapolated into extreme fasting*” [Science Focus Magazine]. – «*OMAD – это экстремальное голодание. Как следует из названия, диета предполагает только один прием пищи в день. Основная цель диеты – контроль веса. Отличается она своей простотой. Но хотя само голодание не является чем-то новым, исследования его влияния на здоровье все еще находятся на начальном уровне, очень мало исследований по OMAD, а доказательства, подтверждающие пользу и вред других типов голодания, не обязательно могут быть экстраполированы на этот тип питания.*»

Из контекста мы понимаем, что данная диета очень жесткая, данных о пользе и вреде диеты недостаточное количество, но она активно продвигается в массы, неся в себе потенциальную опасность.

Следующие синонимичные неологизмы – *intermittent fasting*, *the 5:2 diet* – также номинируют голодание с целью похудения.

Intermittent fasting – eating nothing on some days and as normal on others, especially as an aid to weight loss (ничего не есть в некоторые дни, а в другие питаться как обычно, особенно когда нужно сбросить вес).

Дефиниция неологизма указывает на суть диеты. Ведущей целью является снижение веса (*weight loss*), она будет достигнута при определенных ограничениях: *eating nothing on some days*.

Пример использования неологизма *intermittent fasting*: “*Feast for five days, fast for two. Eat whatever you want and lose weight. Stay healthier, live longer. These are the kinds of claims being made for intermittent fasting – and the idea that you can eat with abandon, so long as you restrict food consumption for two or three days a week, is seductive*”. – «Питайтесь пять дней, голодайте два дня. Ешьте все, что хотите, и теряйте вес. Оставайтесь здоровыми, активными как можно дольше. Вот такие заявления делаются в пользу данной диеты. Сама идея, что вы можете есть без ограничений, если ограничите потребление пищи на два-три дня в неделю, очень соблазнительна» [The Daily Mail].

При анализе примера мы обратили внимание на антонимическую пару *feast – fast*: *feast – a large meal, typically a celebratory one (роскошный обед, праздничный обед)*; *fast – you stop eating completely, or almost completely, for a certain stretch of time (вы полностью или почти полностью перестаете есть на определенный срок)*. Лексема *feast* описывает роскошную, обильную трапезу. Она придает яркую эмоциональную окраску примеру. Далее в тексте можно увидеть повторение одних и тех же мыслей: *eat whatever you want, you can eat with abandon*. Это тоже служит одним из способов усиления семантики. Таким ярким и эмоционально окрашенным способом передается суть диеты. За пределами дефиниции неологизма и данного примера остаются лексическое отражение пользы и вреда диеты, реальные результаты диеты и опыт людей, придерживающихся ее.

Тем же смыслом, что и неологизм *intermittent fasting*, обладает неолексема *the 5:2 diet – a modified and less extreme form of alternate day fasting, in which the dieter fasts on two days of the week and eats normally on the other five (модифицированная и менее экстремальная форма периодического голодания, при которой человек,*

сидящий на диете, не ест два дня в неделю, а остальные пять питается нормально).

Данный неологизм, как и предыдущий (*intermittent fasting*), отражает суть диеты. Здесь указывается, что подобный способ сброса веса менее экстремальный (*less extreme*) по сравнению с другими.

Как видно из примеров, неологизмы с отрицательной оценкой всегда эксплицитно или имплицитно указывают на концепт «болезнь», что является антиценностью. Например, употребление большого количества вредной пищи (*a lot of unhealthy food*) неизбежно приведет к болезни, голодание (*extreme fasting diet*) или другие нарушения режима питания также могут быть причиной проблем со здоровьем (*OMAD*). Неологизмы, номинирующие менее жесткие диеты, отражающие лишь суть диет, имеют нейтральную оценку (*intermittent fasting, the 5:2 diet*).

В ходе семантико-аксиологического анализа мы определили, что следующие неологизмы обладают положительной коннотацией: *Atlantic diet, Pegan, DASH, MIND diet, seaganism*. Мы пришли к подобным выводам, так как в них говорится о ценностях: здоровье человека, любви к природе, заботе о будущих поколениях.

Atlantic diet – the diet has a significantly lower risk of chronic health problems. The Atlantic diet is characterized by high consumption of fresh and local seafood, vegetables, olive oil (диета, значительно снижающая риск хронических заболеваний, характеризуется содержанием морепродуктов, овощей, оливкового масла). Выражение *chronic health problems* (хронические заболевания) характеризует антиценность. Болезнь всегда является антиценностью. Данный тип питания способствует снижению риска (*lower risk*) возникновения болезней. Тем самым снижается вероятность реализации антиценности – *chronic health problems* (хронические заболевания). Яркую эмоциональную окраску придает неологизму лексема *significantly* (значительно).

Мы обратили внимание на тот факт, что при номинации диет часто используются лексемы, обозначающие древность: *ancestral (health), paleo (diet)*. Всегда данные неономинации имеют положительную коннотацию.

Рассмотрим неологизм *Pegan – a diet, which is based on foods available to our ancient ancestors, such as nuts, berries, eggs and meat* (диета, при которой употребляются продукты, доступные нашим древним предкам: орехи, ягоды, яйца и мясо).

Проведя семантический анализ лексемы *ancestral – inherited from, or derived from ancestors; serving as a forerunner or inspiration* (унаследованное или полученное от предков; выступающий в качестве предшественника или вдохновителя), можно понять, что лексема *ancestral* указывает на преемственность поколений, на уважение к опыту прошлого. Согласно дефиниции, предшественники вдохновляют потомков. Уважение к опыту и знаниям старших является ценностью. Это логично, так как опыт и знания, умение делать правильный выбор, позволили прошлым поколениям выжить и оставить потомство. Данный вывод можно экстраполировать на многие аспекты жизни человека, и здоровье не исключение.

В группу неологизмов, дающих диетам положительную оценку, мы также включили неологизмы DASH и MIND diet.

DASH – the ‘Dietary Approaches to Stop Hypertension’ diet is an eating pattern designed to help normalize blood pressure and prevent hypertension (диета «Диетические подходы с целью остановки гипертонии» – это тип питания, направленный на то, чтобы нормализовать кровяное давление и предотвратить гипертонию); *DASH is a plant-rich, low-fat diet that emphasizes fruit and vegetables, grains, legumes, nuts, seeds, lean meat, low-fat dairy, poultry, and fish. It is also relatively low in salt, saturated fat, and sugar* (это богатая растительной пищей диета с низким содержанием жиров, в которой особое внимание уделяется фруктам и овощам, зерновым, бобовым, орехам, семенам, постному мясу, нежирным молочным продуктам, птице и рыбе. В ней также относительно мало соли, насыщенных жиров и сахара).

Мы обратили внимание, что в дефиниции неологизма *DASH* указываются различные патологические состояния: *hypertension, blood pressure (to help normalize (намекает на то, что давление повышено))*, т. е. отражена антиценность – болезнь. Здесь же дается совет, как не допустить ее возникновения или помочь преодолеть.

Реализуется совет через лексемы: *to help, prevent*. Дефиниционный анализ лексем *to help, to prevent* привел нас к следующим результатам: *to prevent – to keep from happening or existing (не допустить возникновения чего-либо)*; *to help – to deal with a problem (решать проблему)*.

Рассмотрим еще один пример номинации диеты с положительной коннотацией: *MIND diet – a combination of the traditional Mediterranean diet and the DASH diet with an emphasis on cognitive brain health. MIND is an acronym for “Mediterranean-DASH Intervention for Neurodegenerative Delay.” The MIND diet emphasizes the intake of fresh fruit, vegetables, and legumes (акроним MIND представляет собой комбинацию традиционной средиземноморской диеты и диеты DASH. Диета полезна для работы мозга. Она преследует цель предотвратить нейродегенеративные заболевания ЦНС и замедлить их прогрессирование)*.

Основной смысл выражается через ключевые лексемы: *traditional – handed down from age to age (передавались из поколения в поколение)*; *health – freedom from physical disease or pain (не иметь болезней, не испытывать боль)*; *cognitive – relating to, being, or involving conscious intellectual activity (such as thinking, reasoning, or remembering) (относящийся к интеллектуальной деятельности (такой как мышление, рассуждение или запоминание))*. Ключевые лексемы дают представление о здоровье как об абсолютной ценности. Лексема *traditional* подчеркивает, что данная диета безопасна, приносит пользу (раз она стала уже традиционной), т. е. описывает что-то устоявшееся, общепринятое. Сама неоминация информативна. Акроним *MIND (разум)* эксплицитно указывает на связь диеты и нервной системы (*brain health*).

Принципы «чистого питания» очень популярны. Это не диета, а скорее образ жизни. Неологизм *clean eating – a diet that is based on eating whole foods and avoiding processed and refined foods (диета, основанная на употреблении в пищу цельных продуктов и отказе от обработанных и рафинированных продуктов)* номинирует именно этот тип питания. Семантический анализ ключевых лексем дал нам следующие результаты: *clean – free from dirt or pollution (без грязи)*; *processed –*

having been subjected to a special process or treatment (что-то, что подверглось специальной обработке); refined – free from impurities (без примесей).

В неологизме противопоставляются *clean (eating)* и *processed and refined foods* (обработанные и рафинированные продукты). Лексема *clean (eating)* имеет положительный оттенок смысла, а лексемы *processed and refined (foods)* – негативный. Это понимание основано на наших базовых знаниях о полезных и вредных продуктах. В данном случае лексема *to avoid* (избегать, сторониться) полностью раскрывает положительную коннотацию неологизма: *avoiding processed and refined foods*.

Морепродукты также занимают важное место в рационе человека. Следующий неологизм (*seaganism – the practice of eating only plant-based foods and seafood (практика употребления в пищу только растительной пищи и морепродуктов)*) – это пример модификации диеты с целью сделать ее более полезной и комфортной: “*when you couple a vegan diet with fish and seafood*” («когда вы сочетаете веганскую диету с рыбой и морепродуктами») [Thompson, 2020].

Лексемы *plant-based foods (пища растительного происхождения)*, *seafood (морепродукты)* имеют положительный оттенок значения: *plant-based foods – is often associated with consuming whole foods – foods that have undergone minimal processing, such as chopped fresh mushrooms, nuts ground into nut butter, sliced fruits and vegetables, or boiled lentils* [Stray Dog Institute]. – «Пища растительного происхождения часто ассоциируется с употреблением цельных продуктов, которые подверглись минимальной обработке, например, рубленые свежие грибы, перемолотые в ореховое масло орехи, нарезанные фрукты и овощи или вареная чечевица». Ранее мы приводили дефиниционный анализ лексем *whole* и доказали, что вся необработанная, натуральная пища положительно оценивается, потому что является полезной для здоровья.

Подгруппа неологизмов, номинирующих диеты и отношение к определенным макрокомпонентам еды, самая объемная в данном разделе. Скорость генезиса неониминаций отражает динамичность процессов в области медицинского дискурса.

Семантико-аксиологический анализ позволил нам сделать следующие выводы.

1. 42 % исследованных неологизмов имеют положительную оценку. В них отражаются попытки и пути достижения или сохранение здоровья – одной из важнейших витальных ценностей (*DASH, Atlantic diet*).

2. Неологизмы, называющие факты о различных диетах, имеют нейтральную оценку. Они составляют 33% от общего количества неолексем данной подгруппы (*intermittent fasting*).

3. В подгруппу неологизмов с отрицательной оценкой включены те, при семантическом анализе которых были выявлены признаки, по которым ясно, что описываемые диеты могут представлять опасность для здоровья и благополучия человека (*OMAD и др.*). Их доля составляет 25%.

2.5.2 Англоязычные неологизмы, отражающие информацию по смежным вопросам медицинского и экологического дискурсов

Сейчас экологическая повестка – это мировой тренд. Глобальное потепление, загрязнение воздуха, почвы, воды из-за промышленных предприятий заставляет принимать меры. Антропогенное происхождение всех этих проблем обуславливает выход экологической повестки на одну из ведущих позиций. Разумное потребление, ресайклинг, переход от философии антропоцентризма к экоцентризму – вот, что волнует прогрессивное общество. Эта идея реализуется также через неолексику медицинского дискурса.

Green – это широко используемая экологическая метафора с положительной коннотацией: *green – relating to the protection of the environment (зеленый цвет – это цвет, относящийся к окружающей среде, к ее защите)*. Неологизм *green diet – the diet emphasizes plant foods and limits meat and poultry intake (в диете делается упор на растительную пищу и ограничивается потребление мяса и птицы)* является одним из примеров использования лексемы *green* с целью номинации явлений экоактивизма. О зеленой диете пишут: “*Diets with low environmental impacts which*

contribute to food and nutrition security, and to healthy life for present and future generations” [Ryan, 2023]. – «Диеты, при которых оказывается незначительное воздействие на окружающую среду, которые способствуют продовольственной безопасности. В них входят полезные продукты питания. Считается, что такие типы питания обеспечивают сейчас и обеспечат в будущем благополучную жизнь людей».

Ключевыми лексемами являются *security, future*. Дефиниционный анализ показал следующие результаты: *security – freedom from fear or anxiety; freedom from danger* (быть свободным от чувства страха или беспокойства; не бояться опасности); *future – existing or occurring at a later time* (существующий или происходящий в более позднее время). Через данные лексемы передаются идеи защиты окружающей среды, заботы о следующих поколениях.

Вообще, все неологизмы, выражающие различные вопросы экологической повестки, содержат положительную оценку, указывают на развитое гуманное общество и разумное потребление.

Например, неологизм *demitarian – someone who restricts by half or to a marked degree, the amount of meat and animal products that they consume, usually in order to reduce the environmental impact of their diet* (тот, кто ограничивает наполовину или в значительной степени количество потребляемого мяса и продуктов животного происхождения, обычно для того, чтобы уменьшить последствия своего выбора пищи на окружающую среду) отражает принципы разумного потребления. Ключевая мысль передается следующими лексемами: *to restrict – to confine within bounds* (ограничивать рамками), *to reduce – to diminish in size, amount, extent, or number* (уменьшаться в размере, количестве, степени или числе), они указывают на ограничения. Но объем ограничений (*by half or to a marked degree*) выявляет разумный подход к решению вопроса. Мы полагаем, что диапазон ограничений диктуется и потребностями организма, и желанием защитить природу.

В параграфе 2.5 мы указывали на интердискурсивный характер лексики медицинского дискурса из области гастроэнтерологии, диетологии и нутрициологии.

Все неологизмы данной подгруппы – яркие примеры использования лексики экологического дискурса.

Экологический дискурс преследует цель изучить, аккумулировать и широко распространить экологические знания. Именно так можно сохранить планету для будущих поколений.

Рассмотрим еще один пример номинации диеты: *planetary health diet – a way of eating that aims to give everyone in the world enough food to eat without damaging the planet* (способ питания, направленный на то, чтобы дать каждому человеку в мире достаточно еды, не нанося при этом вреда планете). Основная цель диеты планетарного здоровья – не вредить здоровью и предотвратить ущерб для окружающей среды. Ключевыми лексемами являются *everyone, enough (food), without damaging (the planet)*. В дефинициях данных лексем прослеживается идея разумного потребления и гуманного отношения как к человечеству, так и к природе: *enough – occurring in such quantity, quality, or scope as to fully meet demands, needs, or expectations* (происходящее в таком количестве, качестве или объеме, чтобы полностью удовлетворить требования, потребности или ожидания); *everyone – every person* (каждый человек). Таким образом, подчеркивается важность каждого индивида в частности и мира, планеты в целом.

Методы и принципы экологической повестки в рамках медицинского дискурса описываются при помощи следующих неологизмов: *invasivorism, sustainatarian, climatarian, reductarian*.

Invasivorism – the practice of eating plants and animals that exist in large numbers and usually have a harmful effect on the environment (практика употребления в пищу растений и животных, которые существуют в больших количествах и обычно оказывают вредное воздействие на окружающую среду). В основе образования неониминации лежит слово *invasive – tending to spread especially in a quick or aggressive manner* (имеет тенденцию распространяться очень быстрыми темпами или агрессивно). Таким образом, в самом неологизме заложена идея опасности, насилия, экспансии. Инвазия – медицинский термин, обладающий резко негативной коннотацией. Смысл неологизма раскрывается полностью благодаря

выражению *exist in large numbers* и связанному с ним *harmful effect*. Из этого следует, что цель находится далеко за пределами медицинского, кулинарного дискурсов, она масштабнее – поддержание равновесия в экосистемах и, как следствие, предотвращение возможных экологических катастроф.

Рассмотрим, как в реальном контексте используется этот неологизм: *“Invasivorism, eating invasive plants and animals, seeks to fill plates with unwanted species. The movement, which has been picking up popularity in the US for a decade, is attracting British foragers and chefs keen to experiment with knotweed, grey squirrels and other pests”* [Cambridge Dictionary]. – «Данный тип питания предполагает употребление в пищу растений и животных, которые активно распространяются, размножаются. Движение, которое набирает популярность в США в течение десятилетия, теперь привлекает британских поваров, желающих экспериментировать с горцем, серыми белками и другими широко распространенными видами».

Исследуя пример, мы обратили внимание на следующую лексему: *unwanted – not wanted or needed* (в чем-то не нуждается). Дословный перевод выражения *to fill plates with unwanted species* – *заполнять тарелки нежелательными видами*, т. е. употреблять в пищу те виды растений и животных, чрезмерное размножение которых нежелательно для природы. Также из примера видно, что такая практика распространяется повсеместно: *in the US for a decade, is attracting British foragers and chefs*. Лексема *movement* указывает на серьезность процесса: *a series of organized activities working toward an objective* (ряд организованных мероприятий, направленных на достижение цели). Мы видим, что это не однократно проводимое мероприятие по охране окружающей среды, а движение со своей идеологией, четкими целями и пониманием, как их достичь.

Тему стабильности и равновесия в природе раскрывает неологизм *sustainatarian – a person who only eats food that has been produced in a way that causes little or no damage to the environment, and usually very little meat or fish* (человек, который употребляет в пищу только те продукты, производство которых

наносит минимальный вред окружающей среде; обычно он употребляет очень мало мяса или рыбы).

В основе образования неологизма *sustainatarian* лежит слово *sustainable* – устойчивый, жизнеспособный [Woordhunt.ru].

Описанные характеристики лексемы *sustainable* указывают на положительную оценку неологизма. Подтверждает наш вывод фраза *little or no damage*. Семантический анализ дефиниции лексемы *damage (to the environment)* дал следующий результат: *damage – loss or harm resulting from injury to person, property, or reputation (убытки или ущерб, возникшие в результате нанесения вреда личности, имуществу или репутации)*.

Пример использования неологизма *sustainatarian*: “*Broadly speaking, the term sustainatarian applies to decision-making based on principles of environmental sustainability and fairness to both humans and animals [Urban Dictionary]*. – «В широком смысле неологизм относится к принятию решений, основанных на принципах экологической устойчивости и справедливости по отношению как к людям, так и к животным».

В данном примере две лексемы в полной мере передают суть философии тех, кто придерживается такого типа питания: *sustainability* и *fairness*. Лексема *sustainability – capable of being sustained (способный быть устойчивым)* указывает на устойчивость системы, способность сохранять свои параметры, характеристики. Лексема *fairness – the quality or state of being fair (быть справедливым)* указывает на честность, порядочность. В примере говорится об устойчивости различных экосистем и правильном отношении к людям и к животным.

Таким образом, подтверждаются предположения, высказанные ранее, что неологизмы данной подгруппы указывают на осознанность, бережное отношение и к людям, и к окружающему миру.

Глобальное потепление – серьезная проблема для всего человечества. Экологи подчеркивают влияние антропогенных факторов на изменение климата: «...феномен, получивший название “глобальное потепление” (ГП), обусловлен

преимущественно (на доверительном уровне более 90 %) антропогенными выбросами парниковых газов» [Язев, Леви, Задонина, 2009: 198].

Неологизм *climatarian – choosing to eat a diet that has minimal impact on the climate, i.e. one that excludes food transported a long way or meat whose production gives rise to CO₂ emissions* (это диета, оказывающая минимальное воздействие на климат, т.е. исключаются продукты питания, перевозимые издалека, или мясо, производство которого приводит к выбросам CO₂) является отражением остроты проблемы климатических изменений.

Ключевая мысль передается следующими лексемами: *to choose – to select from a number of possible alternatives* (выбирать из ряда возможных альтернатив); *to exclude – to reject or disregard* (отвергать или игнорировать).

Таким образом, мы видим, что человек делает осознанный выбор типа питания. Его основной целью является снижение антропогенных факторов, приводящих к потеплению климата.

Следующий пример указывает на этот факт: “*For people who eat animal products, the climatarian diet encourages choosing pork, poultry, sustainable fish such as blue crab, dairy products and eggs over beef, lamb, goat and unsustainable fish such as swordfish, which are commonly overfished, as a means to reduce food emissions*” [Wild Foods Co]. – «Для людей, которые едят продукты животного происхождения, при таком типе питания разрешается свинина, птица, рыба, вылов которой экологически безопасен, например, голубой краб, молочные продукты и яйца вместо говядины, баранины, козлятины и рыбы, такой как меч-рыба, которая обычно подвергается чрезмерному вылову».

В примере указывается цель – сократить выбросы продуктов питания (*to reduce food emissions*) – и дается большой список разрешенных продуктов (*pork, poultry, sustainable fish such as blue crab, dairy products and eggs*). Следовательно, мы имеем дело с очень комфортным типом питания, последователи которого идут к высокой цели – защите планеты.

Список неологизмов с положительной оценкой дополняет неологизм *reducetarian – person who for ethical reasons attempts to reduce the amount of meat in*

their diet (человек, который по этическим соображениям пытается уменьшить количество мяса в своем рационе). Неономинация *reducetarian* образуется при слиянии *reduce* и *vegetarian*.

Таким образом, номинация самой диеты *reducetarian* указывает на *снижение уровня, сокращение, уменьшение*. В дефиниции неологизма мы видим причину – *for ethical reasons*. Семантический анализ лексемы *ethical* дает следующий результат: *involving or expressing moral approval or disapproval (предполагающий или выражающий моральное одобрение или неодобрение)*. Мы понимаем, что поведение человека, его намерения продиктованы не обстоятельствами, требованиями окружающих, модными веяниями, а прежде всего его внутренним желанием не вредить окружающей природе, стать сторонником разумного потребления.

Итак, семантико-аксиологический анализ экоориентированных неологизмов медицинского дискурса из области гастроэнтерологии, диетологии, нутрициологии позволил сделать следующие выводы: 1) 100% неологизмов данной подгруппы положительно маркированы; 2) несмотря на переход от философии антропоцентризма к идеям экоцентризма, вопросы благополучия человека, его здоровье имеют наибольшую значимость. Ни в одном анализируемом неологизме не было призыва лишить человека чего-то, а продвигались принципы разумного потребления.

2.5.3 Неологизмы медицинского дискурса, номинирующие психические и гастроэнтерологические проблемы, связанные с питанием

В данную подгруппу включены неологизмы медицинского дискурса, номинирующие физические, психические перемены в человеке, связанные с различными аспектами питания.

«Нервная анорексия – это та нозологическая форма, которая находится на стыке таких медицинских дисциплин, как психиатрия, терапия, гинекология, эндокринология и диетология» [Шестакова, Красильникова, 2022:148].

Когда говорят о расстройствах пищевого поведения, обычно имеют в виду женщин. О мужской анорексии говорят и едят гораздо меньше. Рассмотрим неологизм *manorexic* – *a man who is anorexic* (анорексичный мужчина). Неологизм образован слиянием *man* + *anorexic*.

Приведем пример использования неонимации: “*When a man obsessively diets, goes to the gym, and pinches his stomach to evaluate his body fat*” [<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=manorexic>]. – «Когда мужчина чрезмерно увлечен диетами, оценкой процентного содержания жира в организме и постоянно ходит в спортзал». Внимание привлекает лексема *obsessively* – *an adverb derived from the noun obsession, is a word that carries a strong connotation of intense preoccupation or fixation. It is commonly used to describe someone’s behavior or thoughts that are characterized by an overwhelming and uncontrollable focus on a particular subject or activity* [The content authority]. (наречие, образованное от существительного “*obsession*”, это слово, которое несет оттенок сильной озабоченности чем-то. Оно обычно используется для описания поведения или мыслей человека, который характеризуется подавляющей и неконтролируемой сосредоточенностью на определенном предмете или деятельности). Именно данная лексема отражает психическое отклонение – навязчивые мысли. Миллионы людей придерживаются диет, посещают спортивные залы, оценивают процент жира в своем теле, но номинация *manorexic* не применяется к ним, а применяется лишь к людям с определенным психическим отклонением. Любое отклонение от нормы в медицине – болезнь, что является антиценностью. Таким образом, неолексема *manorexic*, номинирующая мужчин, страдающих от психического заболевания, имеет отрицательную оценку.

Еще одним неологизмом, указывающим на возможное расстройство пищевого поведения, является *eater’s remorse* – *the sudden regret felt after eating something, usually sweet and/or fatty* (внезапное чувство сожаления, возникающее после употребления сладостей или жирной пищи). Основная мысль передается через лексемы *remorse* – *a gnawing distress arising from a sense of guilt for past wrongs* (мучительное страдание, возникающее из-за чувства вины за прошлые ошибки) и

regret – to be very sorry for (очень сожалеть о чем-то). Синонимы *to remorse* и *to regret* указывают на проблему – чувство вины, страдание после приема пищи, что свидетельствует о наличии патологии.

Таким образом, эксплицитно выражена отрицательная оценка. Для каждого человека существуют разные предпосылки, причины, этические нормы, определяющие его выбор продуктов питания. С такой точки зрения смысл выражения «мы едим то, что мы едим» раскрывается еще шире: это демонстрация философского аспекта диет, пищевых предпочтений. Разные факторы могут лежать в основе психологического давления, направленного на человека или группу лиц с неправильными представлениями о питании, о разрешенных продуктах и др.

Ярким примером навязывания другим людям своих пищевых предпочтений является неологизм *vegevangelical – one firmly advocates being a vegetarian and tries to spread this way of life on the others (кто-то решительно пропагандирует вегетарианство и пытается распространить этот образ жизни на остальных)*.

Неолексема *vegevangelical* возникла при слиянии двух слов *vegetable + evangelical*. Ключевыми лексемами в данном случае являются: *firmly – resistant to externally applied pressure (устойчив к внешнему давлению)*; *to spread – to expand over a larger area (распространять на большую площадь)*.

Анализ показывает, что лексема *firmly* служит интенсификатором и отражает решительность действий пропагандиста; лексема *to spread (распространять)* говорит о размахе действий – *this way of life on the others (такой образ жизни на других)*. Словом, обнаруживающим глубокий смысл действий, описанных в дефиниции, является *evangelical – emphasizing by faith (выделяя верой)*. Люди свято верят в то, что быть вегетарианцем – единственно верное решение. Настаивать на своей правоте и не принимать во внимание чужие интересы, навязывать свой образ жизни (*firmly advocates; spread this way of life on the others*), иными словами, нарушать чужие границы – признак неуважения, нелюбви к ближнему. Неуважение, нелюбовь относятся к самым распространенным антиценностям.

Следующие неологизмы описывают изменения самочувствия или физических параметров человека: *food baby – an enlarged stomach due to*

overeating (увеличение объема желудка из-за переедания); *food coma* – a food-induced stupor that comes about when a person has eaten to the point of being full and wanting to take a nap (вызванный пищей ступор, который возникает, когда человек наелся до такой степени, что ему хочется вздремнуть); *food drunk* – feeling dizzy/drowsy after consuming a large amount of food (головокружение/сонливость после употребления большого количества еды). Общее в трех этих неологизмах – тема переедания (*overeating, being full. consuming a large amount of food*).

Проанализируем лексемы, отражающие последствия переедания: *stupor* – a condition of greatly dulled or completely suspended sense or sensibility (состояние, когда ослаблены реакции на раздражители); *dizzy* – having a whirling sensation in the head with a tendency to fall (ощущение кружения в голове с тенденцией к падению).

Ступор, головокружение, слабость, изменения со стороны различных органов, вызванные перееданием (*an enlarged stomach*), исключаются при здоровом состоянии организма, значит, они отражают антиценность – болезнь. Очевидно, что неологизмы имеют отрицательную оценку.

Рассмотрим пример из реального контекста: “*A food baby is the feeling you get when you eat too much food and your stomach feels like it contains a baby. It is similar to being pregnant but instead of carrying a precious human life, it is just a lot of food*”. – «Фуд бэйби – это когда вы едите слишком много еды, ваш живот увеличивается в размере. Это похоже на беременность, но вы не вынашиваете драгоценное человеческое существо, вы просто много едите» [Slang.net].

Пример имплицитно показывает антиценность переедания (*it is just a lot of food*) через сравнение с ценностью состояния беременности (*carrying a precious human life*).

Многоаспектность вопросов питания породила интердискурсивный характер лексики медицинского дискурса из раздела гастроэнтерологии, диетологии и нутрициологии. Нами был выявлен гендерный дискурс (*manorexic*), экологический дискурс (*sustainatarian, climatarian, reducetarian* и др.) и религиозный дискурс (*vegevangelical*).

Всего было проанализировано 148 единиц медицинского дискурса из раздела гастроэнтерология, диетология и нутрициология. Неологизмы с отрицательной оценкой составили 43 % (63 единицы), с положительной оценкой – 37 % (55 единицы), с нейтральной оценкой – 20 % (30 единицы).

Группу неологизмов с положительной оценкой составляют неологизмы, номинирующие диеты, пищевые привычки с научно доказанной пользой для организма (*MIND diet.*, *DASH* и др.).

В группу неологизмов с отрицательной оценкой в первую очередь были включены неологизмы, при семантическом анализе которых выявлены компоненты значения, отражающие негативные последствия диет, признаки расстройств пищевого поведения, агрессивную пропаганду правильного образа жизни (*OMAD is an extreme fasting diet*, *vegevangelical* и др.).

Высокий процент неологизмов с отрицательной оценкой отражает нездоровое отношение общества к еде, искаженное представление о полезных и вредных продуктах, расстройствах пищевого поведения (таблица 4).

Англоязычные неологизмы	Положительная оценка, % (ед.)	Отрицательная оценка, % (ед.)	Нейтральная оценка, % (ед.)
Номинирующие диеты	42 (35)	25 (21)	33 (28)
Отражающие информацию по смежным вопросам медицинского и экологического дискурсов	100 (20)	–	–
Номинирующие психические и гастроэнтерологические проблемы, связанные с питанием	–	95 (42)	5 (2)

Таблица 4 – Аксиологическая маркированность лексики гастроэнтерологии, нутрициологии, диетологии

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2

Англоязычные неологизмы медицинского дискурса в полной мере передают динамичность развития медицины и накопление медицинского знания. Стремительное увеличение количества неониминаций также является результатом активного развития новых каналов передачи информации, повышения уровня осведомленности людей в медицинских вопросах.

Многоаспектность вопросов медицины обусловила интердискурсивный характер лексики медицинского дискурса. В ходе анализа нами была выделена лексика экологического, спортивного, гендерного, кулинарного, религиозного дискурсов.

Тематическая категоризация неологизмов англоязычного медицинского дискурса необходима для полного понимания и правильного их использования. В нашей работе неолексика медицинского дискурса была разделена на группы по 4 семантическим сферам функционирования: англоязычные неологизмы медицинского дискурса, номинирующие стресс, фобии, алкогольную зависимость (лексика психиатрии); англоязычные неологизмы медицинского дискурса характеризующие физиологические, психологические, социальные аспекты старения организма (лексика геронтологии); англоязычные неологизмы медицинского дискурса, номинирующие современные представления о физической красоте и способы ее достижения с использованием возможностей медицины (лексика дерматологии и косметологии); англоязычные неологизмы медицинского дискурса, раскрывающие полную картину современных представлений о принципах питания, диетах, описывающие признаки расстройства пищевого поведения (лексика гастроэнтерологии, нутрициологии, диетологии).

С аксиологической позиции неологизмы каждой рассматриваемой нами тематической категории распределяются на следующие группы: неологизмы с положительной, нейтральной и отрицательной коннотацией. Выделяя данные коннотации, мы формируем представление о ценностной картине мира носителя языка, о культурном коде этноса, об интенции носителя и его когнитивной сфере.

Аксиологический анализ показал следующие ценности: здоровье физическое и психическое; любовь к жизни, к себе и окружающим; любовь к природе.

Болезнь, смерть, практика неразумного потребления ресурсов окружающей среды – это основные антиценности, которые мы выявили в ходе работы.

Неологизмы с положительной коннотацией номинируют явления, практики, деятельность, направленные на улучшение физического и психического здоровья человека, качества социальной адаптации пожилых людей, облегчение притяжения возрастными изменениями со стороны внешности и снижение уровня стресса. Также положительной оценкой характеризуются лексемы, номинирующие принципы разумного потребления пищевых ресурсов планеты, уменьшения выбросов газов в процессе приготовления пищи.

Сравнительный анализ аксиологической маркированности неолексики выделенных 4 групп показал, что положительная оценка превалирует в лексике геронтологии. Это является доказательством изменения представлений общества о старости, социальном статусе пожилых людей.

К группе лексем с отрицательной коннотацией были отнесены неологизмы, называющие поведение и деятельность, представляющие опасность для здоровья человека, его адекватной самооценки. Некоторые языковые единицы из данной группы номинируют явления, очень популярные в современном обществе, например, определенные типы диет и серьезные хирургические вмешательства, направленные на изменение внешних параметров.

Анализ аксиологической маркированности неолексики выделенных 4 групп позволяет утверждать, что отрицательная оценка превалирует в лексике психиатрии. Подавляющее большинство неологизмов лексики психиатрии (72%) содержат отрицательную оценку.

Стоит указать, что среди лексем с отрицательной оценкой были обнаружены те, что номинируют ситуации, поведение, которые ранее оценивались отрицательно (в обществе относились к этому с порицанием), а сейчас в результате появления новых знаний они приобрели нейтральную, а иногда приближающуюся к положительной коннотацию.

Индифферентное отношение выражается посредством нейтральной оценки. Как правило, данные единицы номинируют род деятельности, передают суть определенных явлений и не обладают яркой эмоциональной окрашенностью.

Исследуя англоязычные неологизмы медицинского дискурса, мы также обратили внимание на значительное число метафорически представленных единиц: метафоры с цветовым компонентом, прецедентными именами, религиозным и соматическим компонентами.

Метафорическое использование прецедентных имен в формировании неолексем привлекает внимание носителей языка. Прецедентные имена передают личные взгляды и отношения носителя языка к характеризуемому объекту, явлению. Отношение это формируется на основе сложившихся в данном обществе представлений о ценностях.

В медицине цвет с древних времен – один из сигнификаторов состояния здоровья.

Особое место среди неологизмов медицинского дискурса занимают неологизмы-колоронимы. Эти неологизмы англоязычного медицинского дискурса тоже представлены в современных лексикографических источниках.

Данные наблюдения (трансформация оценки, прецедентность, наличие неологизмов-колоронимов, неологизмов-топонимов, в целом сам процесс агрессивной неологизации) позволяют определить роль в процессе формирования неологизмов экстралингвистических факторов: развития средств массовой информации; глобального научно-технического прогресса, социальных, культурных, экономических, политических изменений в обществе и др.

При этом необходимо подчеркнуть, что человечество, как и прежде, не теряет связи со своей историей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная диссертационная работа посвящена изучению ценностной составляющей неологизмов, представленных в современном англоязычном медицинском дискурсе. На современном этапе развития лингвистики на первый план выходят такие принципы исследования, как дискурсивность, антропоцентричность, культуроцентричность, интерес к глубинным знаниям в языке и др. Указанные принципы особенно актуальны при анализе неологизмов, которые являются формой речевой репрезентации современной языковой картины мира.

На данный момент в науке о языке нет однозначного мнения о дефиниции понятия «неологизм» и унифицированного критерия выделения неологизмов. При исследовании неологизмов в центре оказывается человек, говорящий, создающий новые лексические единицы, его эмоциональный и когнитивный мир, прагматические потребности в назывании новых явлений.

В ходе исследования анализируется англоязычный медицинский дискурс, который рассматривается как динамичное пространство, отражающее все процессы, происходящие в современной медицине: появление новых заболеваний, расширение диагностических возможностей медицины, развитие фармакологии, цифровизация и др. Бурное развитие медицинского знания, доступность информации широкой (непрофессиональной) публике способствует активному обновлению лексического состава медицинского дискурса.

Исследуя семантико-аксиологический аспект англоязычных неологизмов медицинского дискурса (600 новых лексических единиц), подчеркнем специфику данного типа институционального дискурса, особенности процесса неологизации, легкость и в то же время сложность исследования аксиологического аспекта неологизмов медицинского дискурса. Детальное изучение комплекса описанных факторов подтверждает полидискурсивность медицинского дискурса – связь с религиозным, философским, юридическим, экономическим, социальным, гендерным, литературным, экологическим и другими дискурсами.

Широкий диапазон задач современной медицины, и, как следствие, тесная связь медицинского дискурса с другими дискурсами отражает его сложную неологическую картину.

В диссертационном исследовании неоминации современного англоязычного медицинского дискурса разделены на четыре группы в соответствии с семантическими сферами функционирования: англоязычные неологизмы медицинского дискурса, номинирующие стресс, фобии, алкогольную зависимость (лексика психиатрии); англоязычные неологизмы медицинского дискурса характеризующие физиологические, психологические, социальные аспекты старения организма (лексика геронтологии); англоязычные неологизмы медицинского дискурса, номинирующие современные представления о физической красоте и способы ее достижения с использованием возможностей медицины (лексика дерматологии и косметологии); англоязычные неологизмы медицинского дискурса, раскрывающие полную картину современных представлений о принципах питания, диетах, описывающие признаки расстройства пищевого поведения (лексика гастроэнтерологии, нутрициологии, диетологии).

Исследование англоязычных неологизмов каждой из описанных сфер дает нам возможность понимания культурного кода этноса, интенции носителя, исторических предпосылок возникновения определенных эмоциональных реакций и ассоциативных связей, речемыслительной основы действий носителя в определенном контексте, например, в вопросах различного рода зависимостей, красоты, поддержания молодости, отношения к старению и др.

С точки зрения аксиологии неологизмы, включенные в данное диссертационное исследование, распределены по следующим трем группам: неологизмы с положительной, отрицательной и нейтральной коннотацией.

К группе неолексем с положительной коннотацией относятся единицы, номинирующие явления, деятельность, точки зрения, отражающие адекватное принятие действительности, психическое и физическое здоровье, благополучные социальные условия для представителей наиболее уязвимых людей – пожилых.

Неологизмы с отрицательной коннотацией номинируют явления, порождающие низкую самооценку, чувство подстерегающей опасности из-за утраты привлекательности, старения. К этой же группе относятся неологизмы, номинирующие стресс, фобии, зависимость (алкогольную, наркотическую). Все неологизмы, номинирующие эксплицитно или имплицитно факторы, разрушающие психическое и физическое здоровье, относятся к группе с отрицательной коннотацией.

Единицы, номинирующие род деятельности, суть явления, как правило, обладают нейтральной оценкой.

Исследуя англоязычные неологизмы медицинского дискурса, мы выявили значительное число метафорически представленных единиц: метафоры с цветовым компонентом. прецедентными именами, религиозным и соматическим компонентами. Данные лексические единицы раскрывают дополнительные данные о номинируемом явлении, предмете и отношении номинатора к фактам объективной реальности, актуальным для современной ЯКМ.

Перспектива исследования видится в возможности дальнейшего изучения англоязычных неологизмов медицинского дискурса, их систематизации, в определении аксиологического потенциала новых лексических единиц. Несмотря на активное с середины XX в. развитие неологии и исследование дискурсов, медицинский дискурс, процесс его неологизации, создание современных лексикографических источников, фиксирующих новые лексические единицы, требует детального изучения, что имеет значительную прагматическую ценность для лингвистики, для медицины и других наук: социологии, биологии, психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абабий, В.Н. Общественно-политические неологизмы в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / В.Н. Абабий. – Воронеж, 2019. – 190 с.
2. Алаторцев, С.М. Проблемы неологии и русская неография: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / С.М. Алаторцева. – СПб., 1999. – 40 с.
3. Амосов, Н.М. Мысли и сердце / Н.М. Амосов. – М.: Молодая гвардия, 1969. – 352 с.
4. Анисимов, С. Ф. Введение в аксиологию: учеб. пособие для изучающих философию / С.Ф. Анисимов. – М.: Современные тетради, 2001. – 128 с.
5. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. Н.Д. Арутюнова; гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
6. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
7. Бабияк, В.И. Медицинская этика (философские аспекты) / В.И. Бабияк // Российская оториноларингология. – 2012. – № 1 (56). – С. 3–13.
8. Баракат, Н.В. Аксиологический аспект медицинской деятельности / Н.В. Баракат // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. – 2011. – № 3 (15). – С. 165–168.
9. Барсукова, М.И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ М.И. Барсукова – Саратов, 2007. – 21 с.
10. Бахмет, О.В. Языковая актуализация оценки геронтологических преобразований личности (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О.В. Бахмет. СПб., 2006. – 22 с.

11. Бейлинсон, Л.С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы (на материале коммуникативной практики логопедов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Л.С. Бейлинсон. – Волгоград, 2009. – 39 с.
12. Беликова, Н.Ю. Ценности современного общества с позиций стратификационного подхода: компаративный анализ / Н.Ю. Беликова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – № 4. – С. 198–204.
13. Богданова, М.А. Идея счастья и способы ее актуализации (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.А. Богданова. – Волгоград, 2010. – 26 с.
14. Болдонова, И.С. Межличностный диалог: устный и письменный дискурсы / И.С. Болдонова // Вестник ЯГУ. – 2009. – Т. 6, № 3. – С. 120–124.
15. Вавилова, Е. Н. Косметологический дискурс: постановка проблемы / Е.Н. Вавилова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – № 4 (157). – С. 124–126.
16. Волкова, А.Я. Дискурсивная вариативность концептов деструктивных эмоций / А.Я. Волкова, Н.Н. Панченко // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. – 2018. – Т. 22, № 1. – С. 175–194.
17. Вольф, Г.М. Функциональная семантика оценки / Г.М. Вольф. – 2-е изд. доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
18. Гайдаров, Г.М. Медицинская этика и деонтология в историческом аспекте: учеб. пособие / Г. М. Гайдаров, Т. И. Алексеевская. – Иркутск: ИГМУ, 2016. – 65 с.
19. Галиуллина, О.Р. Англоязычная сетевая кинокритика как личностно-ориентированный тип дискурса / О.Р. Галиуллина // Вестник Самарского университета. Сер. История, педагогика, филология. – 2022. –Т. 28, № 1. – С. 148–159.
20. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

21. Гацалова, Л.Б. Неология как наука в общей парадигме современного языкознания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Л.Б. Гацалова. – Нальчик, 2005. – 43 с.
22. Гончаренко, Н.В. Сuggestивность медицинского дискурса / Н.В. Гончаренко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – №2 (26). – С. 12–16.
23. Гончаренко, Н.В. Сuggestивные характеристики медицинского дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.В. Гончаренко. – Волгоград, 2007. – 24 с.
24. Горбунов, А.Г. Дискурс как новая лингвофилософская парадигма: учеб. пособие / А.Г. Горбунов. – Ижевск: Удмуртский университет, 2013. – 56 с.
25. Горбунова, М.В. К истории возникновения термина «дискурс» в лингвистической науке / М.В. Горбунова // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 244–247.
26. Громенко, Е.С. Медицинская лексика новейшего периода в материалах оперативной неогрaфии (в русском и венгерском языках) / Е.С. Громенко // Северо-Западный лингвистический журнал. – 2023. – № 1(6). – С. 22–33. DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)
27. Гуфеланд, Х. В. Искусство продлить человеческую жизнь: (Макробиотика) / Х.В. Гуфеланд. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1852. – 431 с.
28. Дейна, Л.В. Интерпретация писательских дневников на фоне классификации дискурсов [Электронный ресурс] / Л.В. Дейна. // Молодой ученый. – 2015. – № 4 (84). – С. 763–768. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/84/15745/> (дата обращения: 01.10.2024).
29. Демьянков, В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В.З. Демьянков // Язык, культура, общество: пленарные доклады IV Междунар. науч. конф. Москва 27–30 сентября 2007 г. – М.: Московский институт иностранных языков; Российская академия лингвистических наук; Институт языкознания РАН, 2007. – С. 86–95.

30. Доклад о психическом здоровье в мире: охрана психического здоровья: преобразования в интересах всех людей. Краткий обзор [Электронный ресурс]. Женева: Всемирная организация здравоохранения; 2022 г. – Режим доступа: <https://www.who.int/ru/publications/i/item/9789240050860> (дата обращения: 09.07.2024). – 16 с.
31. Ефремова, Л.В. Неологизмы в современной медицинской терминологии / Л.В. Ефремова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 3(81), ч. 2. – С. 319–322.
32. Ефремова, Н. В. Когнитивно-дискурсивные механизмы создания медицинского текста (на материале произведений Н.М. Амосова, Ф.Г. Углова): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. В. Ефремова. – Волгоград, 2017. – 215 с.
33. Желязовска-Собчик, М. Дискурс в медицине: краткий обзор мировой литературы [Электронный ресурс] / М. Желязовска-Собчик. // Язык. Текст. Книга: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 25 апреля 2019 г.). – Екатеринбург: Уральский ун-т, 2019. – С. 35–42. – Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10995/78120> (дата обращения: 12.10.2024).
34. Заботкина, В.И. Новая лексика современного английского языка / В.И. Заботкина. – М.: Высшая школа, 1989. – 126 с.
35. Забродина, И. К. История развития современной неологии (на примере немецкого, французского и китайского языков) / И. К. Забродина, Е. А. Яковлева. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4 (34), ч. 2. – С. 95–97.
36. Иванова, С.В. Аксиологический кризис в современном мире: найти выход / С.В. Иванова, О.Б. Иванов // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2022. – Т. 1, № 1. – С. 7–29. DOI: 10.24412/2224-0772-2022-82-7-29
37. Ивин, А.А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы / А.А. Ивин // Философский журнал. – 2010. – № 1(4). – С. 66–78.
38. Избицкая, М. В. Современные тенденции в неологии: типология образования неологизмов и лексикографическая практика (на материале новой

английской лексики из сферы «Культура» в электронных волонтерских словарях).
дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.19 / М.В. Избицкая. – Иваново, 2020. – 214 с.

39. Ильин, В.В. Аксиология / В.В. Ильин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. – 216 с.

40. Исханова, Д.Т. Проблема ипохондрии: клинический случай бредовой ипохондрии у пациента с длительно недиагностированным психозом / Д.Т. Исханова // Медицина и здравоохранение: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Казань, март 2018 г.). – Казань: Молодой ученый, 2018. – С. 17–21.

41. Каган, М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.

42. Камалиева И. Р. Аксиологические проблемы медицины: истоки и современность / И.Р. Камалиева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – Сер. Философия. Политология. Культурология. – 2018. – Т. 4 (70), № 4. – С. 35–44.

43. Канищева, О.В. Ценности и оценка в социологии медицины: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 14.00.52 / О.В. Канищева. – Волгоград, 2004. – 28 с.

44. Карамова, А.А. Типологический аспект дискурса / А.А. Карамова // Культура и цивилизация. – 2017. – Т. 7, № 1А. – С. 361–370.

45. Карасик, В.И. Тенденции развития современного дискурса / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – №1. – С 14–31.

46. Карасик, В.И. (а) Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

47. Карасик, В.И. (б) Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 166–205.

48. Карасик, В.И. Комментарий как жанр герменевтического дискурса / В.И. Карасик // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2009. – Вып. 7. – С. 32 – 47.

49. Карасик, В.И. Лингвоаксиология мировосприятия / В.И. Карасик, И.А. Долгова // Современная лингвоаксиология. – Москва, 2023. – С. 125 – 155.
50. Касавин, И.Т. Дискурс-анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук / И.Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – Т. 10, №4. – 2006. – С. 5 –17.
51. Катермина, В. В. Особенности отображения пандемии коронавируса в лексике медицинского дискурса (на основе английских неологизмов) / В. В. Катермина, С. Х. Липириди // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 4 (147). – С. 170–175.
52. Катермина В. В. COVIDICTIONARY. Словарь коронавирусной лексики / В.В. Катермина, С. Х. Липириди // Издательство Восточная книга. – 2021. – 80 с.
53. Кибрик, А.А. Модус, жанры и другие параметры классификации дискурсов / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.
54. Кибрик, А.А. Функционализм / А.А. Кибрик, В.А. Плугян // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 276–339.
55. Кожемякин, Е. А. Дискурс-анализ как междисциплинарная методология: исторический аспект // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. – 2008. – № 15 (55). – С. 5–12.
56. Козлова, Н.Н. Когнитивный механизм метафоризации цвета: на материале фразеологизмов с колоративами green/зеленый: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.Н. Козлова. – Иркутск, 2010. – 16 с.
57. Кольцова, Е.А. Неологизмы английского языка XIX в. / Е.А. Кольцова // Вестник РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – № 8 (3). – С. 604–613.
58. Коннова, О.В. Особенности образования неологизмов в современной медицинской терминологии (на примере эпидемиологических терминов) / О. В. Коннова, Р.С. Аракельян, Ю.М. Куксина, А.Р. Бекешова, В.Р. Хисамеденова //

Вестник Российского нового университета. Сер. Человек в современном мире. – 2018. – Вып. 4. – С. 140–144.

59. Коренькова, Т. Модели русских неологизмов в историко-культурной перспективе / Т. Коренькова, А. Кореньков // Русский язык в центре Европы. – 2023. – № 22. – С. 14–31.

60. Косицкая, Ф. Л. К вопросу о жанровой палитре медицинского дискурса / Ф. Л. Косицкая, М. В. Матюхина // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2018. – № 7 (196). – С. 43–47.

61. Котелова, Н.З. Новые слова и словари новых слов / Н. З. Котелова. – Л.: Наука, 1978. – 184 с.

62. Коцюбинская, Л. В. К вопросу об аксиологии в лингвистике / Л.В. Коцюбинская, О. А. Кузина // Вестник ленинградского государственного университета им Пушкина. – 2015. – №7 (1). – С. 59–66.

63. Кочеткова, Т.В. Медицинский дискурс: специфика профессиональной коммуникации врача / Т.В. Кочеткова, М.И. Барсукова, Е.А. Ремпель, А.Я. Рамазанова // Мир науки, культуры и образования. – 2018. – № 3 (70). – С. 466–468.

64. Кошарная, С.А. Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса «ЧЕЛОВЕК – ПРИРОДА» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / С.А. Кошарная. – Белгород, 2002. – 45 с.

65. Лазарус, Р. Теория стресса и психофизиологические исследования / Р. Лазарус // Эмоциональный стресс / под ред. Л. Леви. – Л.: Медицина, 1970. – С. 178–208.

66. Локк, Дж. Послание о веротерпимости / Дж. Локк // Национальный психологический журнал. – 2011. – №2(6). – С. 137–154.

67. Лосский, Н.О. Мир как осуществление красоты. Основы эстетики / О.Н. Лосский. – М.: Прогресс-Традиция; Традиция, 1998. – 416 с.

68. Лукьянова, С. В. К вопросу о типологии дискурса // Вестник Псковского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. – № 3. – 2016. – С.150–154.
69. Маджаева, С. И. Термины в медицинском дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 33 (248), вып. 60. – С. 92–94.
70. Майборода, С. В. Речевые стратегии врача в условиях коллегиальной и авторитарной модели коммуникации доктора и пациента: схождения и противоречия: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С.В. Майборода. – Саратов, 2021. – 22 с.
71. Майборода, С.В. Медицинский дискурс: современные теоретико-методологические подходы и перспективы исследования / С.В. Майборода // Коммуникативные исследования. – 2017. – № 1(11). – С. 63–74.
72. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса: монография / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
73. Макушева, Ж. Н. Специфика медицинского дискурса на материале аутентичных текстов по специальности / Ж. Н. Макушева, М. Б. Ковалёва // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 5 (35), ч. 1. – С. 108–111.
74. Макушева, Ж.Н. Аксиология научного медицинского дискурса в английском языке / Ж.Н. Макушева // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2016. – № 2 (167). – С. 9–15.
75. Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Марк Туллий Цицерон. – М.: Наука, 1993. – 245 с.
76. Матвеев, П.Е. Аксиология: учеб. пособие: в 2 ч. / П. Е. Матвеев. – Владимир: ВлГУ, 2017. – Ч. 1. История аксиологии. – 176 с.
77. Нечепуренко, Т.Л. Социокультурный компонент языковой личности как предпосылка развития системы оценки / Т.Л. Нечепуренко // Семантический анализ единиц языка и речи: процессы концептуализации и структура значения: вторые чтения памяти О.Н. Селиверстовой. – М.: МГПУ, 2006. – С. 173–179.

78. Оганесян, С.С. О понятии «общечеловеческие ценности» в современном мире / С.С. Оганесян // Ценности и смыслы. – 2019. – № 5 (63). – С. 82–94. DOI: 10.24411/2071-6427-2019–10088
79. Орехова, Л.Г. Социально-философское осмысление страха: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Л.Г. Орехова. – Ростов н/Д., 2002. – 25 с.
80. Павлов, С.Г. Лингвоаксиологическая модель человека: научно-методический аспект / С.Г. Павлов // Вестник Мининского университета. – 2013. – № 2. – С. 1–12.
81. Пасечная, Л.А. К проблеме дефиниции нового слова в современной лингвистике / Л.А. Пасечная, Т. В. Попова // Вестник ОГУ. – 2005. – № 11. – С. 167–171.
82. Пашина, Л.А. Конституирование геронтолингвистической парадигмы знания и ее современные перспективы / Л.А. Пашина // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 59. – С. 101–111.
83. Петрова, Е.Е. Анализ и перевод некоторых английских неологизмов последних лет / Е.Е. Петрова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 8 (38), ч. 2. – С. 123–125.
84. Петрова, С.В. Особенности лексико-семантического поля ЗЕМЛЯ в поэзии второй половины XX века // Вестник ЧГПУ. – 2008. – №12. – С. 224–235.
85. Платонова, Е.В. Дискурс покаяния: особенности структуры, языкового выражения и функционирования: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.В. Платонова. – Ульяновск, 2017. – 24 с.
86. Попова, Т.В. Неология и неография современного русского языка / Т.В. Попова. – М.: Наука, 2005. – 165 с.
87. Попова, М. А. Факторы и векторы процесса неологизации современного русского языка / М.А. Попова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 2(26). – С.72–75.

88. Попова, Т.В. Характеристики институционального дискурса / Т.В. Попова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7, №6, ч. 2. – С. 295–300.
89. Ромашко, Т. В. Постструктуралистическая теория дискурса и ее методы исследования социокультурной реальности [Электронный ресурс] / Т.В. Ромашко, О.Ю. Гурова // Социодинамика. – 2022. – № 10. – С. 46–59. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38874 (дата обращения: 23.10.2024)
90. Савченко, М.С. Геронтофобия [Электронный ресурс] / М.С. Савченко. – Режим доступа: <https://www.krasotaimedicina.ru/diseases/psychiatric/gerontophobia> (дата обращения: 14.08.2024).
91. Селезнева, Л. В. К вопросу о соотношении текста и дискурса / Л.В. Селезнева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова. – 2014. – Т. 11, № 5. – С. 67–75.
92. Сенько, Е.В. Инновации в современном русском языке / Е.В. Сенько // Владикавказ: Ир, 1994 (1995). – 183 с.
93. Сенько, Е.В. Кросскультурная неология: монография / Е.В. Сенько // Владикавказ: «Мавр», 2023. – 158с.
94. Серебренникова, Е.Ф. Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов: коллективная монография / Е.Ф. Серебренникова. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.
95. Скворцова, А.В. Этапы становления и исторического развития аксиологической теории / А.В. Скворцова // Царскосельское чтение. – 2016. –Т. 2. – С. 275–279.
96. Скопич, Н. П. Соотношение двух категорий в аксиологии: «ценность» и «оценка» / Н.П. Скопич // Альманах современной науки и образования. – 2007. – № 7 (7), ч. 2. – С. 155–157.
97. Скребцова, Т.Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика: курс лекций / Т.Г. Скребцова. – М.: Издательский дом ЯСК, 2020. – 312 с.

98. Терещенко, А. В. Прецедентные имена в современном русском и английском языках: статус, семантика, особенности функционирования / А.В. Терещенко // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). – 2016. – №11 (176). – С. 76–84.

99. Тиллоева, С. М. Семантический анализ лексики в системе разноструктурных языков (на материале семантического поля «انسان – Человек»): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / С.М. Тиллоева. – Екатеринбург, 2016. – 475 с.

100. Толль, Ф.Г. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон). / В.Р. Зотов, Ф. Толль. // СПб.: издание Ф. Толля, 1863–1866, 1864 (обл. 1863). – 1171 с.

101. Троцук, И.В. Варианты реализации дискурсивного анализа / И.В. Троцук // Социология и общество: Социальное неравенство и социальная справедливость: материалы V Всероссийского. социологического конгресса 2016. Москва–Екатеринбург. 19–21 октября 2016. – М.: Российское общество социологов. 2016. – С. 1–14.

102. Успенский, Ю.П. Клинические и конфликтологические аспекты функциональных расстройств пищевода / Ю.П. Успенский, А.М. Шевякова, М.А. Шевяков, М.В. Бершева // University therapeutic journal. – Т. 3, №1. – 2021. С. 13–24.

103. Фёдоров, В.А. Эволюция понятия «ценность» / В.А. Фёдоров, А.С. Благова // Вестник РУДН. Сер. Философия. – 2016. – № 1. – С. 128–140.

104. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, Современник, 2009. – 719 с.

105. Флоря, А.В. К вопросу о русской неологии / А.В. Флоря // Вестник ОГУ. – 2000. – № 2. – С. 4–8.

106. Формановская, Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. – М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. – 291 с.

107. Хохлова, Л.А. Системообразующие компоненты научного медицинского дискурса / Л.А. Хохлова, В.А. Рифтина // Инновационная наука. – 2016. – №12-4. – С. 163–164.

108. Хутыз, И. П. Персуазивность: специфика феномена в некоторых типах институционального дискурса / И.П. Хутыз, В.А. Колчевская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 2(80), ч. 2. – С. 391–394.

109. Цурикова, Л.В. Проблемы когнитивного анализа дискурса в современной лингвистике / Л.В. Цурикова // Вестник ВГУ. Сер. 1: Гуманитарные науки. – 2001. – № 2. – С. 128–157.

110. Шалина, Л. В. Теоретические и практические основы неологии в языковом образовании студентов магистратуры / Л. В. Шалина // Школа будущего. – 2020. – №2. – С. 70–81.

111. Шамис, Е. Теория поколений. Стратегия Беби-Бумеров 1944–1963 / Е. Шамис, Е. Никонов. – М.: Синергия, 2018. – 264 с.

112. Шестакова, К.Д. Исследование факторов риска и возможности предотвращения тяжелых случаев анорексии как формы расстройства пищевого поведения [Электронный ресурс] / К.Д. Шестакова, З.А. Красильникова // Молодой ученый. – 2022. – № 51(446). – С. 148–150. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/446/98043/> (дата обращения: 18.08.2024).

113. Шуравина, Л.С. Медицинский дискурс как тип институционального дискурса / Л.С. Шуравина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 37 (328). – С. 65–67.

114. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность: сб. работ / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 427 с.

115. Юнусова, С.Г. Стресс. Биологические и психологические аспекты / С.Г. Юнусова, А.Н. Розенталь, Т.В. Балтина // Ученые записки казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150, кн. 3. – С. 139–150.

116. Ягенич, Л.В. Новые слова в письменных научных медицинских текстах (на материале англоязычных трактатов XVII века) / Л.В. Ягенич // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Сер. Филологические науки. – 2021. – Т. 7 (73), № 3. – С. 88–98.

117. Язев, С. А. Глобальное потепление и вопросы научной методологии / С. А. Язев, К. Г. Леви, Н. В. Задонина // Известия Иркутского государственного университета Сер. Науки о Земле. – 2009. – Т. 1, № 1. – С. 198–213.
118. Algeo, J. Fifty years among the new words: Dictionary of neologisms, 1941-1991 / J. Algeo // Cambridge [Eng.]; New York: Cambridge University Press, 1991. – 257 p.
119. Biedenbach, T. / The open secret of values: the roles of values and axiology in project research / T. Biedenbach, M. Jacobsson // Project Management Journal. – 2016. – № 47(3). – P. 139–155.
120. Cambridge Dictionaries Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms> (дата обращения: 20.05.2024).
121. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionaryblog.cambridge.org/2023/12/11/new-words-11-december-2023> (дата обращения: 11.12.2023).
122. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionaryblog.cambridge.org/2018/10/01/new-words-1-october-2018> (дата обращения: 01.10.2018).
123. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionaryblog.cambridge.org/2022/03/14/new-words-14-march-2022/> (дата обращения: 14.03.2022).
124. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionaryblog.cambridge.org/2016/12/05/new-words-5-december-2016/> (дата обращения: 05.12.2016).
125. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionaryblog.cambridge.org/2022/04/04/new-words-4-april-2022/> (дата обращения: 04.04.2022).
126. CBS news [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/texas/news/social-media-inspiring-facebook-facelifts/> (дата обращения: 20.05.2024).

127. Cherry, K. How to Do a Digital Detox. And why you should try it [Электронный ресурс] / К. Cherry. – Режим доступа: <https://www.verywellmind.com/why-and-how-to-do-a-digital-detox-4771321> (дата обращения: 22.05.2024)

128. Chilcott, J. Dirty Wellness Is the New Health Trend That Gives You Permission to Have Cheat Days [Электронный ресурс] / J. Chilcott. – Режим доступа: <https://www.glamourmagazine.co.uk/article/dirty-wellness> (дата обращения: 12.06.2024).

129. Coates H. Eye yoga is quick, effective, and you don't have to leave your sofa [Электронный ресурс] / H. Coates. – Режим доступа: <https://www.vogue.co.uk/beauty/article/eye-yoga-exercises> (дата обращения: 22.10.2024).

130. Cook, C. P. Exploiting linguistic knowledge to infer properties of neologisms / C. P. Cook // Toronto: University of Toronto, 2010. – 154 p.

131. Country Living [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.countryliving.com/uk/wellbeing/a41528108/looking-up-skychology-wellbeing-trend/> (дата обращения: 17.04.2024).

132. Crystal, D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics / D. Crystal Oxford, 2008. – 529 p.

133. Fairclough, N. Analysing Discourse Textual analysis for social research / N. Fairclough. – London; New York, 2003. – 270 p.

134. Graziadaily.co.uk [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://graziadaily.co.uk/fashion/shopping/time-stop-fit-shaming/> (дата обращения: 12.04.2024).

135. Haase, F.-A. “History of Discourse” as a ‘Discourse of History / F.-A. Haase // History, Methods, and Applications of Communication Studies. – 2010. – 191 p.

136. Harris, Z. S. Discourse Analysis / Z. S. Harris // Linguistic Society of America. – 1952. – Vol. 28, № 1. – P. 1–30.

137. Hartman, R. S. The structure of value: Foundations of scientific axiology / R. S. Hartman. – Carbondale, IL Southern Illinois press, 1976. – 206 p.

138. Henderson, E Skychology is the easiest, simplest wellbeing trend to start today (and it's free). All you need to do is look up / E. Henderson, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.countryliving.com/uk/wellbeing/a41528108/looking-up-skychology-wellbeing-trend/> (дата обращения: 05.04.2023).

139. Horoszkiewicz, B. Digital dementia and its impact on human cognitive and emotional functioning. Journal of Education, Health and Sport / Horoszkiewicz, B. // Journal of education, health and sport. Warsaw – 2022. – №12(11). – P. 290–296.

140. Hurwits C. Perception Drift. Why “just one more thing...” can be a very slippery slope [Электронный ресурс] / C. Hurwits. – Режим доступа: <https://www.oprahdaily.com/life/wholeness/a46929124/what-is-perception-drift/> (дата обращения: 15.09.2024).

141. James M. Wilce Medical discourse / M. James. – Flagstaff, 2009. – P. 199–215

142. Jamet, D. Lexical and Semantic Neology in English / D. Jamet, A. Terry // Journal in English Lexicology. – 2018. – №1.

143. Jorgensen, M. Discourse analysis as theory and method / M. Jorgensen, L. Phillips. – London: Thousand Oaks and New Delhi: Sage, 2002. – 240 p.

144. Keenan, E.L. Two Kinds of Presupposition in Natural Language // Studies in Linguistic Semantics / E.L. Keenan. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971. – P. 44–52.

145. Kennard, J. Bigorexia or Muscle Dysmorphia [Электронный ресурс] / J. Kennard. – Режим доступа: <https://www.verywellmind.com/bigorexia-muscular-dysmorphia-reverse-anorexia-2328475> (дата обращения: 21.11.2020).

146. Mack, G. Mind Gym: An Athlete's Guide to Inner Excellence / G. Mack. – New York: McGraw-Hill, 2001. – 225 p.

147. Matthew, E. Medical Discourse: A Glimpse into Communication in a Health Care Environment / E. Matthew. – North Dakota State University, 2004. – 17 p.

148. Mental Health: Understanding and Coping with Medical Scan Anxiety Written [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.epainassist.com/mental-health/understanding-and-coping-with-medical-scan-anxiety> (дата обращения: 06.02.2023).

149. Murphy, N. What is Obesophobia? [Электронный ресурс] / N. Murphy. Режим доступа: <https://cpdonline.co.uk/knowledge-base/mental-health/what-is-obesophobia/> (дата обращения: 06.02.2023).

150. National World [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nationalworld.com/lifestyle/family-and-parenting/geriatric-millennial-definition-meaning-of-the-viral-phrase-explained-and-how-to-tell-if-you-are-one-3245783> (дата обращения: 18.04.2024).

151. Our Paleo Life [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ourpaleolife.com/lCHF-diet-plan/> (дата обращения: 30.09.2024).

152. Poole, J. What is waist training and corsetry? [Электронный ресурс] / J. Poole. – Режим доступа: <https://www.mymed.com/health-wellness/body-modifications/the-practice-of-waist-training-and-corsetry/what-is-waist-training-and-corsetry> (дата обращения: 07.02.2024).

153. Psychologyroots [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psychologyroots.com/understanding-adultism-how-prejudice-silences-children-and-why-it-matters/> (дата обращения: 25.04.2024).

154. Reisigl, M. The Discourse-Historical Approach (ДНА) [Электронный ресурс] / M. Reisigl, R. Wodak. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/251636976_The_Discourse-Historical_Approach_-ДНА (дата обращения: 23.09.2023).

155. Ryan, R. What does a “green” diet look like [Электронный ресурс] / R. Ryan. – Режим доступа: <https://www.bbcgoodfood.com/howto/guide/what-does-green-diet-look> (дата обращения: 10.09.2023).

156. Science Focus Magazine [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sciencefocus.com/the-human-body/one-meal-a-day-diet-omad> (дата обращения: 25.05.2023).

157. Schwartz, E. Where Clothing Size Inflation Is a Large Problem [Электронный ресурс] / E. Schwartz. – Режим доступа: <https://econlife.com/2018/11/clothing-size-inflation/> (дата обращения: 27.03.2024).

158. Shennan, R. Geriatric millennial definition: meaning of the viral phrase explained – and how to tell if you are one / R. Shennan [Электронный ресурс] –Режим доступа : <https://www.nationalworld.com/lifestyle/family-and-parenting/geriatric-millennial-definition-meaning-of-the-viral-phrase-explained-and-how-to-tell-if-you-are-one-3245783> (дата обращения: 21.09.2024).

159. Slack, M. What is home separation anxiety, and is it affecting you? Here is everything you need to know [Электронный ресурс] / M. Slack. – Режим доступа: <https://www.homesandgardens.com/news/home-separation-anxiety> (дата обращения: 10.09.2024).

160. Slang.net. – Режим доступа: https://slang.net/meaning/food_baby (дата обращения: 17.09.2024).

161. Strauss, W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069 / W. Strauss, H. Neil. – Harper Collins, 1992. – 544 p.

162. Stray Dog Institute. Benefits of a plant-based diet by stray dog institute [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://straydoginstitute.org/plant-based-food/#:~:text=in%20the%20simplest%20sense%2c%20plant-based,and%20vegetables%2c%20or%20boiled%20lentils> (дата обращения: 12.11.2023).

163. Telegraph.co.uk [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20220517182638/https://www.telegraph.co.uk/news/2022/05/14/stanford-scientists-discover-youth-transplants-reverse-ageing/> (дата обращения: 14.05.2022).

164. The Daily Mail: Is fasting for five days a month the best way to slim? It's the latest twist to the diet everyone's talking about. So why are some doctors still sceptical? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/health/article-3159763/Is-fasting-five-days-month-best-way-slim-s-latest-twist-diet-s-talking-doctors-sceptical.html> (дата обращения: 13.07.2022).

165. The content authority: How to use “Obsessively” in a sentence: a comprehensive look. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thecontentauthority.com/blog/how-to-use-obsessively-in-a-sentence> (дата обращения: 27.06.2023).

166. The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jan/08/once-the-baby-man-was-a-figure-to-be-mocked-now-manfants-such-as-donald-trump-are-taking-over> (дата обращения: 12.09.2024).

167. Thompson L. What is the seagan diet- and how is it different to veganism? [Электронный ресурс] / L. Thompson. – Режим доступа: <https://www.goodto.com/food/seagan-diet-seaganism-523857> (дата обращения: 04.10.2023).

168. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 20.05.2024).

169. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=carbicide> (дата обращения: 24.04.2023)

170. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Sustainatarian> (дата обращения: 14.12.2023).

171. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=manorexix> (дата обращения: 16.08.2023).

172. Wild Foods Co [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forgeskiphire.co.uk/blog/what-is-a-climatarian-diet/>(дата обращения: 03.02.2022).

173. Whitton E. Quiet thriving: What is it (and how do you do it) [Электронный ресурс] / E. Whitton. – Режим доступа: <https://happiful.com/quiet-thriving-what-is-it-and-how-to-do-it> (дата обращения: 20.10.2023).

174. WoordHunt [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://woordhunt.ru/word/sustainable> (дата обращения: 22.10.2023).

175. Zrigue, A. COVID-19 Telescoping and Neologisms / A. Zrigue // International Journal of Arts and Social Science ISSN: 2581–7922. – 2020. – Vol. 3, issue 4, July-August. – P. 1–7.